

2 $\frac{95-23}{7-0}$

В.Н. Кудрявцев
В.П. Казимирчук

801-03.
2808-3

Современная социология права

*Учебник
для юридических
факультетов
и институтов*

Юрист
Москва
1995

95.

УДК 316.3
ББК 60.55 Я 73
К 14

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1995

К 14 Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.
Современная социология права: Учебник для вузов. —
М.: Юристъ, 1995. — 297 с.

ISBN 5-7357-0092-8

Предлагаемый учебник — первый в современной российской юридической литературе, рассматривающий проблемы нового научного направления, которое в сжатой формуле можно выразить как изучение общественных отношений, складывающихся как в период формирования правовых актов, т. е. при подготовке периода социальных отношений на язык юридических норм, так и в конечном пункте — при переводе, реализации правовых предписаний в социальное поведение личности и общественных групп. Именно такой подход позволяет раскрывать практические задачи развития правовой системы в сторону правового государства. В учебнике излагаются предмет и связь социологии права с другими юридическими дисциплинами, раскрывается социальная обусловленность права и его воздействие на общество, рассматриваются проблемы правового поведения личности и правовой конфликтологии, а также многие другие вопросы новой юридической дисциплины.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников юридических вузов, социологов и юристов.

УДК 316.3
ББК 60.55 Я 73

ISBN 5-7357-0092-8

© «ЮРИСТЪ», 1995

Предисловие

Социология права — новое научное направление в отечественном обществоведении, которое рассматривает правовую систему в связи с жизнью, социальной практикой.

Настоящий учебник — первый в нашей юридической литературе. Его появление определяется рядом существенно новых причин и условий.

Прежде всего без всестороннего анализа социально-правовых проблем трудно раскрыть актуальные задачи и перспективы развития правовой системы, ее роль в качественном совершенствовании социальных отношений, а также разработать научную платформу осуществления крупной правовой реформы, призванной обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизм поддержания правопорядка на основе развития народовластия.

Далее, без исследования социологических аспектов права едва ли можно сформировать и реализовать концепцию правового государства, ведущим принципом которого является верховенство и торжество закона, реально выражающего волю народа, когда не только граждане несут ответственность перед государством, но и государственная власть несет ответственность перед гражданами, действуя на строго правовой основе.

Подчеркнем и то, что курс на проведение радикальных политической, экономической и правовой реформ, активной социальной политики, всестороннюю демократизацию общества, обновление его духовно-нравственной сферы требует усиления роли научных, в том числе социально-правовых, исследований в решении узловых теоретических и практических проблем формирования политического и правового мышления.

Социологические исследования в праве ориентированы на изучение общественных отношений, складывающихся как в период формирования правовых актов, т. е. при подготовке перевода социальных отношений на язык юридических норм, так и в конечном пункте — при переводе, реализации правовых предписаний в социальное поведение личности и общественных групп. Именно такая формула предмета социологии права является оптимальной.

Проведение исследований в сфере социальной обусловленности права, а также факторов законодательной

деятельности является необходимым условием повышения качества принимаемых законов и предпосылкой их эффективности. Законодательная социология представляет собой исследование социальных факторов, определяющих общественное действие и эффективность законодательной деятельности. Это направление приобретает особое значение в свете профессионализации законодательной деятельности и создания постоянно действующих институтов парламентского типа взамен малодемократической процедуры, когда депутаты законодательного органа собирались на несколько дней в году, чтобы «единогласно» утвердить решения, представленные на их рассмотрение исполнительными органами.

Иными словами, реформа законодательства немыслима сегодня как без коренного пересмотра ряда устаревших положений конституционной теории, так и без формирования общей социологической концепции закона, направленной на совершенствование демократической практики законодательного процесса.

Важным компонентом социологии права являются социологические исследования. Опираясь на социологическую теорию права, разрабатываемую как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, они обеспечивают фактологическую базу правоведения, усиливают его связь с практикой. Однако приходится констатировать, что в целом юридическая наука еще далека от того, чтобы можно было говорить о продуктивном освоении ею методов конкретной социологии. Многим работам правоведов свойственны слабая эмпирическая база, умозрительность теоретических построений, а подчас и схоластическое теоретизирование. Развитие конкретных социологических исследований и повышение их теоретического уровня, глубокий и строгий анализ фактов являются насущной потребностью как юридической науки в целом, так и социологии права.

Теория, как высшая ступень знания, служит методологической основой социологических исследований, основная нагрузка в которых приходится на работу с эмпирией. В свою очередь, результаты этих исследований должны способствовать развитию социологической теории права. Соответственно и методология юридической социологии призвана отразить все моменты в движении знания, включая и вклад конкретных исследований в развитие теории.

Несмотря на значительное число крупных монографических работ, в которых при анализе методологии юридической науки подробно рассматривались и методологические вопросы юридической социологии, роль эмпирии в развитии социологи-

ческой теории права все еще остается недостаточно раскрытой. По существу, в литературе отсутствуют фундаментальные проработки этой проблемы.

В 70-х и начале 80-х годов эти исследования в нашей стране стали довольно активно развиваться. Они дали обширный эмпирический материал, но, к сожалению, не привели к тем критическим оценкам положения дел в обществе (и в правовой системе, в частности), которые вытекали из этого материала. К этому были свои предпосылки. Одна — известная ограниченность сферы исследований, когда практически не допускался анализ негативных явлений (кроме криминологии, хотя фактические данные и по этой науке публиковались с большими изъятиями). Вторая причина зависела от уровня социологической и правовой теории того времени. Можно прямо сказать, что исследователи, накапливая эмпирические материалы, не были в состоянии — может быть, за малыми исключениями — реалистически оценить их и понять, что они означают в плане общественного развития в целом. Привычные стереотипы препятствовали пониманию того, что страна переживает период застоя. И в итоге получилось так, что социально-политические оценки эмпирических материалов социально-правовых исследований 70-х — начала 80-х годов в большинстве случаев мало соответствовали действительности.

Эта книга написана в иных условиях, когда ситуация коренным образом изменилась. На глазах существенно перестраиваются политическая надстройка и правовая система. Происходит бурный процесс пересмотра и обновления законодательства. Не менее резко меняются и взгляды людей в сфере общественного развития, отменяются прежние стереотипы, расширяется научно-политический кругозор. В орбиту научного знания вовлечены данные зарубежных исследований по сходной тематике, проводятся и совместные работы. Наконец, жизнь выдвинула совершенно новые задачи в области государственно-правового строительства, главными из которых являются формирование правового государства и правовая реформа.

Пришло время по-новому осмыслить и социологические материалы 70-х — начала 80-х годов. Их анализ с современных позиций дает возможность увидеть, во-первых, как функционировала командно-административная система в те годы и каким образом накапливались те деформации, которые теперь с большим или меньшим успехом общество стремится преодолеть. Во-вторых, анализ этих материалов дает достаточно полное представление о взглядах граждан на проблемы права, уровне их политической и правовой культуры, а, следовательно,

и о том, что предстоит теперь предпринять для обновления как общественного бытия, так и сознания. Все это позволяет рассмотреть правовую систему в динамике, что весьма полезно для социологического исследования.

В заключение хотелось бы выразить свою признательность доктору юридических наук Боботову С.В., кандидату юридических наук Сергеевну С.Л., кандидату юридических наук Фомичевой Л.Н. за любезно предоставленные материалы, которые и были использованы при написании учебника.

Авторы

□

Глава I

Предмет социологии права как науки

§ 1. Что изучает социология права

1. Развитие социологических исследований в правовой науке определяется рядом общих причин и условий. Если мы хотим указать на характерные особенности развития направлений научных исследований юридической науки в современных условиях, то это прежде всего расширение их сферы, появление новой научной проблематики, выдвигаемой практикой государственно-правового строительства, а равным образом совершенствование методов научных исследований.

В этой связи продолжает оставаться актуальной задача эффективной организации научных исследований, поскольку интеграционные процессы выдвигают на первый план так называемый комплексный подход, обусловленный взаимопроникновением и обогащением различных наук, широким использованием универсальных методов исследования, позволяющих в огромной степени усилить действенность, рекомендаций, предлагаемых наукой практике.

Социологические исследования в праве ведутся на границе социологии и права и потому представляют собой наиболее яркий пример комплексного подхода к решению актуальных вопросов государственного и правового строительства. Изучение этих проблем, в своей основе сочетающих разнопорядковые отношения — политические, правовые, организационные и т. п., — требует и комплексных методов: абстрактно-логических и эмпирических. При этом следует подчеркнуть, что всестороннее и целостное изучение той или иной социальной проблемы предполагает специально разработанную применительно к этой проблеме методику и технику обработки эмпирического материала. Поэтому социология права содержит не только собственно теоретическую часть, набор специальных проблем, составляющих ее теоретическую основу, но и сложный комплекс вопросов, относящихся к методологии и процедуре исследования.

Задача юридической науки — изучение права в жизни, «в действительности» — остается актуальной и сегодня, и решить ее можно с помощью социально-правовых исследований, изучающих социальную обусловленность и социальное действие правовых институтов, учреждений, законов в сфере их реализации, в жизни. В этой связи и представляется правильным

положение, что целью социологических исследований в праве является рассмотрение связи между правом как социальным феноменом и обществом, социальных функций права и комплексных процессов трансформации юридических норм в социальное поведение на всех уровнях — общества, различных социальных слоев, коллективов, групп и личности¹. На этой основе и сформировалось такое научное направление, как социология права.

Это непростая задача, ибо при таком подходе проблемы формирования и действия права, его институтов и отдельных норм должны рассматриваться в процессе их функционирования и развития, в единстве как формальных, так и неформальных моментов. А это предполагает, что предметом изучения будут общественные действия личности, т. е. социальные факторы.

Опираясь на эти соображения, социология права занялась изучением значения в реальном поведении субъектов права таких социальных элементов «неформального» порядка, как, например, уровень правовой информированности, профессиональный статус, образование, пол, возраст, социально-правовая установка (ценностная ориентация), и других факторов.

И здесь следует сказать, что социология права сумела найти правильное решение вопроса. Она ориентирует на изучение социальных функций права, последствий, связанных с принятием и введением в общественную жизнь правовых актов. Это серьезная и трудная проблема — выявление социальных последствий и социальной эффективности правового регулирования. Вместе с тем такая постановка вопроса не сужает предмета науки, ибо социология права изучает процесс общественного действия права, взятого в системе, в полном его объеме, т. е. и вне правоотношений.

Вот почему в исследовании не стоит упускать из виду и начальные звенья формирования права, а именно — его социальные источники, социальные предпосылки правовых отношений, социальную обусловленность правовых норм. Это не только предполагает изучение деятельности соответствующих законодательных и правотворческих органов по выработке законодательных и иных нормативных актов, но и показывает природу, направленность и различие этих процессов в разных странах и в различные исторические периоды.

2. Предметом социально-правовых исследований являются общественные отношения, складывающиеся как при формировании правовых актов, т. е. при подготовке перевода социальных отношений на язык юридических норм, так и в конечном пункте — при переводе, реализации правовых предписаний в социальное поведение личности и социальных образований.

Конкретные социологические исследования в праве нацелены на изучение как социальной обусловленности, так и социального действия, эффективности права и его институтов, раскрытие влияния права на общественные отношения, на практику и обратного воздействия социальных факторов на право. Именно такая формула предмета социологии права является оптимальной и отражает то общее, что сближает ученых, как юристов, так и социологов.

При этом речь идет не о противопоставлении социологических приемов «традиционным» методам правоведения, а о расширении сферы науки о государстве и праве и о пополнении арсенала ее исследовательских методов, о появлении новых научных направлений.

Можно сделать вывод, что предметом исследования социологии являются система и механизм взаимодействия социальных факторов, воздействующих на формирование и развитие общественных отношений. При этом социологический анализ данного предмета осуществляется как на теоретико-методологическом уровне (когда вскрываются и исследуются глубинные, определяющие факторы общественного развития), так и на эмпирическом уровне (при рассмотрении непосредственно наблюдаемых, эмпирически верифицируемых социальных факторов, влияющих на поведение индивидов, социальных групп, на фактические общественные отношения).

3. Предмет социологии и предмет правоведения не только соприкасаются, но и частично совпадают. Вместе с тем каждый имеет свою специфику. В результате и те общественные отношения, которые входят в предмет социологии и одновременно (поскольку они урегулированы правом) в предмет юридических дисциплин, изучаются этими науками по-разному, в различных аспектах, с несовпадающих точек зрения. Правовую науку в первую очередь интересует правовая форма соответствующего общественного отношения, содержание прав и обязанностей его субъектов. Социология же на любом уровне всегда выясняет социальный генезис, социальное место и социальные функции того или иного общественного явления. Если юрист, характеризуя семейно-брачные отношения, обратит внимание главным образом на правовое положение супругов,

¹ См.: Право и социология. М., 1973. С. 35; Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981. С. 118-119; Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 23.

на права и обязанности детей и родителей, то социолог будет интересоваться в первую очередь фактическими взаимоотношениями членов семьи: их симпатиями и антипатиями по отношению друг к другу, взаимными оценками, чувствами привязанности, любви и дружбы и проявлениями этих чувств в поведении людей, экономическими связями, а также массой других отношений, связей и оттенков взаимного положения членов семьи. При этом он будет рассматривать все эти отношения как в плане их обусловленности более крупными социальными факторами, так и в плане их влияния на функции и роль семьи в современном обществе.

Таким образом, и применительно к отдельной группе общественных отношений можно провести довольно четкую разницу между предметами двух рассматриваемых наук. Обнажая существо этой разницы, можно сказать, что юридическая наука изучает (наряду с нормами права) правовые отношения, в то время как социология изучает фактические общественные отношения людей.

Однако четкое различие правовых и фактических отношений признается не всеми юристами. Некоторые из них считают, что любое правовое отношение — это связь между субъектами только посредством прав и обязанностей¹.

Реализация этих прав и обязанностей имеет, разумеется, правовое значение, но она представляет собой уже не правовое, а фактическое общественное отношение. Фактическими являются и все те общественные отношения, которые не регулируются правом или противоречат ему. Некоторые юристы понимают правоотношение более широко, так как включают в него помимо прав и обязанностей субъектов и те фактические общественные отношения, которые подверглись правовому регулированию.

Не трудно заметить, что первая точка зрения (которая нам представляется правильной) дает возможность более четкого разграничения предметов правовой науки и социологии.

В любой отрасли права фактические отношения людей корреспондируют правовым отношениям. При этом следует подчеркнуть, что независимо от уровня развития социологии эти фактические отношения и раньше изучались, и теперь изучаются рядом общественных наук, не являющихся правовыми. Так, области гражданских правоотношений соответствуют экономические отношения людей, являющиеся предметом политической экономии и конкретных экономических

¹ См., напр.: Кечебян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 18 — 19.

дисциплин. Административное право охватывает разнородную группу правовых отношений организационного характера. Многие из них изучаются наукой управления, которая выходит за пределы науки права. Такого рода параллели можно проследить применительно к конституционному, предпринимательскому, экологическому и другим отраслям права; нормам и правоотношениям каждой из этих отраслей соответствуют фактические общественные отношения, изучаемые другими общественными науками, а в последнее время — и социологией.

4. При всем различии правовых и фактических отношений между ними существует тесная взаимосвязь. Как признано в юридической литературе, правовые отношения неразрывно связаны с экономическими, политическими, организационными (в том числе управленческими), семейными и иными общественными отношениями, как бы переплетаются с ними. Этим и определяется потребность в таком научном направлении, как социология права.

Взаимосвязь фактических общественных отношений, правовых норм и правовых отношений многообразна, но в ней можно выделить два основных элемента.

Первый элемент (первое направление связи) касается происхождения правовых норм. Известно, что правовые нормы формируются на основе существующих фактических отношений, они отражают их в своеобразном виде, преобразованном в соответствии с волей законодателя, с учетом тенденций общественного развития, потребностей и задач общества и государства. Насколько правильно правовые нормы отражают требования жизни, соответствуют ли они реальному положению вещей, способствуют ли дальнейшему развитию фактических общественных отношений, закрепляют ли именно те отношения, которые должны быть закреплены, — все эти вопросы являются частью проблемы социальной обусловленности правовых норм и порожденных ими правоотношений.

Эта проблема является одной из центральных задач социологических исследований в праве. Как видно, здесь смыкаются право и социология, ибо речь идет о том, как возникают конкретные правовые институты и нормы на основе и с учетом социальных отношений.

Социальная обусловленность правовых норм, институтов и права в целом представляет собой обширную проблему, которая предполагает глубокий анализ существующих в действительности общественных отношений, требующих правового регулирования. Фактические общественные отношения чрезвычайно подвижны, нестабильны, потому важно не только обрисовать их систему на сегодняшний день, но и выявить

тенденцию развития. Такой анализ дает возможность заложить основу для прогнозирования развития соответствующей отрасли права и подготавливать создание соответствующих норм и институтов.

Изучение социальной обусловленности права имеет и другой аспект: рассмотрение механизма этой обусловленности, который весьма сложен. Фактические отношения, требующие правового урегулирования, отражаются в виде интересов, мотивов и целей в сознании людей; это находит затем преломление в деятельности государственных органов и общественных организаций, выдвигающих проекты новых правовых установлений, а затем и в деятельности законодательных органов. Предметом социально-правовых исследований в этой связи становятся не только регламентированные формы деятельности по подготовке правовых актов, но и различные неформальные отношения в указанном процессе, общественное мнение и его различные течения и т. д.

Второй элемент взаимосвязи между правовыми и фактическими общественными отношениями состоит в изучении социального действия и социальной эффективности права, его институтов и норм. В этом элементе проявляется обратная связь между правом и регулируемым им общественными отношениями.

Вопросы эффективности правовых установлений не менее важны, чем вопросы их социальной обусловленности. Служебная роль права свелась бы к нулю, если бы оно не было эффективно в своих конкретных проявлениях: при восстановлении нарушенных интересов, при наказании правонарушителя и его исправлении, при предупреждении нежелательных поступков и т. д. Само собой разумеется, что изучение этих явлений невозможно проводить в рамках самого правоведения, понимаемого как анализ норм, так как эффективность его выражается в конечном счете именно в воздействии на неправовые явления, на фактические отношения людей. Вместе с тем это не «чистая» социология, ибо речь идет об изменении (или закреплении) фактических общественных отношений в результате действия правовых норм. Поэтому данное направление также относится к области социально-правовых исследований.

Обратная связь права с фактическими общественными отношениями осуществляется не сама собой, автоматически, а путем попутно возникающих или социально создаваемых общественных отношений и различных социально-психологических явлений. Так, влияние уголовного права на поведение людей осуществляется посредством правоприменительной

деятельности органов следствия и суда, деятельности общественных организаций, работы исправительно-трудовых учреждений, а также посредством формирования правосознания и общественного мнения, оказывающих непосредственное воздействие на поступки людей. Все эти и другие стороны процесса реализации норм права, разумеется, не могут быть изучены традиционными приемами логико-правовых исследований.

5. Анализ социального действия права, как видно, тесно связан с изучением его социальной обусловленности. Между этими двумя явлениями существует тесная двусторонняя связь. Если та или иная норма права не вызвана требованиями жизни, вряд ли можно рассчитывать на то, что ее применение даст желательный результат. С другой стороны, лишь на основе изучения эффективности действующего законодательства можно внести полезные предложения о его дальнейшем совершенствовании. Вот почему исследования, относящиеся к двум рассмотренным направлениям, в большинстве случаев тесно связаны между собой, а иногда вообще проводятся в рамках одной работы.

Суммируя сказанное, можно отметить, что социологические исследования в праве имеют своим предметом общественные отношения в сфере создания и функционирования правовой системы, ее институтов и норм; они направлены на изучение социальной обусловленности и социальной эффективности права и анализируют взаимосвязь между правовыми нормами, правовыми отношениями и фактическими общественными отношениями людей.

Социальные факторы, взаимодействующие с правовыми явлениями, а также механизм и закономерности такого взаимодействия и составляют, на наш взгляд, предмет социологии права. Такой подход ориентирует конкретные исследования на поиски новых, неюридических факторов, влияющих на право или испытывающих его влияние, на выявление новых тенденций и в конечном счете закономерностей в соответствующей сфере общественной жизни.

Данное понимание предмета социологии права может быть конкретизировано применительно к различным проблемным направлениям, сложившимся в современной социологии права. Так, предмет исследований, направленных на изучение социальной обусловленности права, составляют, очевидно, социальные факторы неправового характера, которые в той или иной мере влияют на формирование и развитие права. Предметом исследований эффективности действия права является определение степени и характера воздействия правового фактора на развитие общественных отношений.

Предмет изучения механизма действия права составляет соответственно механизм взаимосвязи правовых и неправовых факторов, воздействующих на регулируемые правовые общественные отношения.

В результате этих исследований формируется соответствующая структура социальных знаний о праве, т. е. социология права. В этой связи следует поставить вопрос о том, является ли она самостоятельной отраслью знания?

В перспективе значение социологической теории права будет возрастать. Это станет возможным, в частности, при развитии концепций принятия юридических решений, оптимальности правотворчества, престижа права, эффективности правовых норм. В самом деле, трудно представить перспективу развития юридической науки без усиления ее социологического характера. Процесс социологизации юриспруденции предполагает разработку новых проблем, которые не могут быть поставлены в рамках юридической концепции.

Суть вопроса не в ломке или механическом расширении предмета общей теории права, а в коренной переориентации гносеологических оснований правовых исследований, в переосмыслении с позиций социологического подхода, в том числе и традиционных проблем юриспруденции, что, несомненно, обогатит ее предмет, выявит новые социальные проблемы права, а быть может, и новые проблемы юридической догмы. Поэтому, для того чтобы действительно усилился социологический характер правовой науки, недостаточно ее достройки новыми социологическими концепциями.

Итак, мы полагаем, что социология права является самостоятельной наукой, представляя собой определенным образом структурированную систему социальных знаний о праве. Социологический подход — гносеологическая основа выведения социальных закономерностей правового феномена. Социологизация правоведения, в свою очередь, является объективно требуемой тенденцией, соответствующей современному этапу его развития. В этом смысле можно утверждать, что ввиду социального характера права теория права не может не быть социологической. Сама перспектива единства (не тождества) теории и социологии права уже в настоящее время представляется достаточно определенной.

6. Но при всех условиях необходимо определить те проблемы, которые подлежат научному анализу с позиций социологического подхода. В литературе было высказано мнение, что существуют две группы социально-правовых проблем, которые обуславливают и два соответствующих направления социологических исследований права: позитивные и негативные (криминологические) исследования.

Существует также точка зрения, в соответствии с которой суть социологических исследований в праве следует искать в соотношении категории закона «в норме» и «в жизни» (должного и сущего). При этом указывается, что функционирование права зависит от того, насколько четко регламентированы права и обязанности субъектов в нормах, и что определить это становится возможным как раз с помощью социологических исследований. И в том и с другом случае во внимание принимаются социальные проблемы действия права, вполне сформировавшегося и нашедшего свое официальное воплощение в законодательном акте государственной власти. Нет сомнения в том, что проблема социального действия права, а также вопрос о его эффективности должны выделяться в качестве важнейших проблем социологии права. Разумеется, возможны и другие подходы.

7. В отечественной литературе особое внимание уделялось недопустимости сведения права к закону. Нельзя упускать и того, что само понятие закона не сводится к нормативным актам государства, требуя проведения грани между законом и правом¹. Вместе с тем существует необходимость особого внимания к изучению законодательства и его роли в жизни общества. Последнее положение позволяет провести четкую грань между социологическим и догматическим пониманием, даже с точки зрения чисто внешней стороны.

Не следует абсолютизировать социальную сторону права, игнорируя его нормативно-юридический аспект. Впрочем, последний также имеет свою социальную характеристику. И. Сабо справедливо указывает на условность самого выражения «социальная сторона права», ибо «у права нет несоциальных сторон»².

Наблюдаемый в последние годы интерес к вопросам, связанным с определением специфики предмета, целей и задач конкретно-социологических исследований в праве, вполне закономерен на современном этапе развития социологического подхода к изучению правовых явлений. С одной стороны, он обусловлен тем, что уже накоплен достаточный опыт проведения исследований, позволяющий сделать теоретические обобщения, а с другой стороны, вызван необходимостью упорядочить исследовательскую работу, направить ее на решение наиболее актуальных проблем правовой теории и практики.

¹ См., напр.: Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1989.

² Сабо И. Основы теории права. М., 1974. С. 73.

§ 2. Очерк истории отечественной социологии права

1. Появление и развитие социологии права не является чем-то случайным. Это результат исторического развития знаний человечества, их дифференциации, обособления.

Самый термин «социология права», как обозначение самостоятельного научного направления, был введен в научный оборот сравнительно недавно, в 1962 г. на V Международном социологическом конгрессе. Тогда созданная *ad hoc* группа юристов и социологов поставила на обсуждение конгресса проблему «Содержание и метод социологии права». В результате дискуссии был сформулирован вывод, что современный интеллектуальный климат, развитие социологической теории, а также методологии общественных наук определили необходимость институционализации социологии права как науки. Это предложение конгресс принял и был создан Исследовательский комитет социологии права, действующий в рамках Международной социологической ассоциации.

Понятно, что это не означает, будто до этого момента не существовало социологического подхода к праву. Напротив, социологический подход к изучению права в России имеет богатые традиции как в сфере теоретических разработок, так и в области эмпирических исследований.

Французский ученый О. Конт, впервые введший в оборот термин «социология», вкладывал в его содержание широкий смысл. Он полагал, что предметом новой науки является не государство и право как таковые, не народное хозяйство в своей обособленности, а общественная жизнь, включая и явления духовной культуры. В этой связи он сформулировал и новые задачи этой науки: открывать законы общественных явлений в их «консенсусе» и в их эволюции. Для выполнения этой задачи старые методы не годятся и потому должны быть созданы новые. По концепции О. Конта, социологическое направление должно было проявить свою новизну одновременно и в области теории, и в области метода¹.

Ведущие теоретики русской социологической школы права — такие, как Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Кареев и др., — внесли значительный вклад в развитие правовой мысли. Они стремились выработать социологическое понятие права

¹ Кареев Н. Опуст Конт как основатель социологии // Введение в изучение социальных наук. СПб., 1903. С. 9. См.: Его же. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 3-4.

(право как разграничение интересов Н.М. Коркунова, право как правоотношение С.А. Муромцева) путем обращения «к изучению права в его жизни, в его движении» путем раскрытия исторического генезиса права, исследования законов «определенной группы социальных явлений, которые своей совокупностью образуют право» и т. п.¹

Русские профессора С.А. Соловьев и Н.М. Капустин связывали с действием права в обществе создание благоприятных условий для жизни людей, в частности, путем примирения принципов равенства и свободы. Развивая эту мысль, А.М. Горовцев доказывал, что право осуществляет в основном функцию соединения интересов всех членов общества, независимо от их сословного положения, а тем самым потенциал права связывался с защитой принципов гуманизма².

Социологический подход к исследованию правовых явлений не ограничивался лишь сферой теории и истории права. Существенно важным являлось развитие социологического подхода в области уголовного права. Это были классические работы таких виднейших русских юристов, как М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, Е.К. Тарновский, М.Н. Гернет, А.М. Бобринцев-Пушкин, и др.

Все эти работы оставили заметный след в изучении правовой практики и углублении представлений о праве как социальном явлении.

2. Социологический характер правопведения получил развитие уже в первые годы существования советской юридической науки. В работах тех лет зарождается и находит свое развитие идея о сложности права как общественного института.

Так, П.И. Стучка придавал особое значение правоотношениям, подчеркивая их безусловный примат перед нормами и правосознанием — конкретной формы права перед его абстрактными формами. Теоретическое кредо было выражено в следующем положении: «... основной момент права заключается не в законе, а в правоотношении»³. Едва ли можно согласиться с такой жесткой трактовкой правопонимания. Хотя указанный момент его концепции явился отражением реальных социальных условий: слабость нормативного компонента правовой системы, связанная не только с тем, что

¹ См. Коркунов Н.М. Сборник статей 1877 — 1897. СПб., 1898. С. 15; Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885. С. 6; Ковалевский М.М. Социология. Т. 1, 2. СПб., 1910 и др.

² Горовцев А.М. Некоторые основные вопросы учения о праве. Пг. 1916. С. 81-84.

³ Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правопведении. Л., 1987. С.37.

в условиях революции многие новые отношения не успели получить юридического опосредования в законах, но и с тем; что многие уже изданные законы были весьма несовершенны, а потому и недолговечны.

Отметим, что понимание права как системы (порядка) общественных отношений, охраняемой государством, акцент на поведенческом аспекте, обоснование необходимости рассматривать конкретные нормы в реальных социальных отношениях, а не только в застывших абстрактных нормах оказались весьма актуальными и в наши дни, в период ломки старой командной системы управления и становления обновленного общества.

В концепции другого представителя теории права того периода Е.Б. Пашуканиса, также подчеркивалось положение, имеющее определенное значение и сейчас. Будучи материалистом, Е.Б. Пашуканис предпринимает попытку детального исследования процесса непосредственного порождения правовой формы объективными экономическими отношениями. Он не просто декларативно провозглашает детерминированность правовой надстройки экономическим базисом, не просто констатирует зависимость права от материальных отношений, а выясняет механизм конечной детерминации права производственными отношениями. Е.Б. Пашуканис идет дальше П.И. Стучки в том смысле, что помимо классового критерия права, а также критерия опосредованности права государственной волей господствующего класса он ищет глубинный, генетический критерий правового в материальных отношениях. «Нельзя руководствоваться смутным представлением о праве как о форме вообще», право есть форма «некоего специфического социального отношения», и эта специфика как раз и предопределяет то, что «регулирование общественных отношений при известных условиях принимает правовой характер»¹.

Представляют интерес идеи Е.Б. Пашуканиса о том, что для утверждения объективного существования права недостаточно знать его нормативное содержание, но нужно знать, осуществляется ли это нормативное содержание в жизни, т. е. в социальных отношениях. Такая ситуация, при которой нормы закона не воплощаются в правоотношениях, свидетельствует о том, что «была попытка создать право, но эта попытка не удалась»². Эти положения рельефно показывают социологическую направленность правовой концепции

¹ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М., 1925. С.35.

² Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М., 1925. С.45-46.

Е.Б. Пашуканиса, являющегося наряду с П.И. Стучкой представителем теории права, которая на первом этапе, как справедливо указывается в литературе, в определяющей мере носила социологический характер¹.

Эта характеристика в полной мере распространяется и на концепцию И.П. Разумовского, отрицавшего догму права и раскрывавшего социологическое содержание права². В его взглядах проявляется тенденция к единому рассмотрению правового феномена и как нормативного институционализованного образования (т. е. сферы должного), и как реальных отношений, взаимосвязанных с действием различных социальных факторов, прежде всего глубинных экономических истоков права (т. е. сферы сущего). Нельзя не видеть в этом тенденции к целостному анализу права и как социального, и как юридического феномена, идейно-теоретический исток набирающего силу стремления синтезировать нормативно-институциональный и социологический подходы.

Было бы неверно утверждать, что социологический подход к исследованию правовых явлений полностью господствовал на первом периоде развития отечественной юриспруденции. Можно говорить лишь о преобладании социологического направления, тем более что на этом пути были серьезные трудности. Главная из них состояла в том, что имело место явно нигилистическое отношение к праву. Это было связано с упрощенными представлениями о путях развития социализма и о «буржуазности» любого права.

Что касается этого «типично буржуазного понимания права», то здесь выделялось два течения: психолого-нормативистское (К.А. Кузнецов, Э.Э. Понтович, П.А. Сорокин) и психолого-социологическое. В исследованиях одного из представителей последнего, Н.Н. Алексеева, а также в работах некоторых ученых проявлялось влияние школы солидаристов, что видно на попытках развить догматскую концепцию социальных функций в объяснении сущности права. Это было характерно для работ А.Г. Гойхбара, И. Каплана, А.Л. Малицкого, А.Н. Одарченко, В.Н. Охоцимского и др.

Известные сложности имелись и в рамках самого социологического направления. Так, призыв к социологическому

¹ См. Кудрявцев В.Н. Социология, право и криминология // Советское государство и право. 1969. № 2. С.64; Кульчар К. Цит. соч. С. 109; Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 29-30. Сабо И. Основы теории права. С. 13.

² См. Разумовский И.П. Октябрьская революция и методология права // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С.108.

объяснению права отнюдь не всегда сопровождался действительным анализом социальных аспектов правового феномена.

Правда, особенности понимания роли товарно-денежных отношений при социализме, которые резко изменялись в течение 20-х — начале 30-х гг., предопределяли и соответствующее отношение к праву, вплоть до его полного отрицания как самостоятельного социального явления. В рассматриваемый период только еще зарождалось понимание права как сложного феномена, представляющего в единстве норм, правоотношений и правосознания.

Критика догматической юриспруденции, в том числе и работ русских дореволюционных юристов, будучи необходимой, тем не менее вызвала известный «перекосяк» в виде умаления роли специфически-юридического аспекта права. Это повлекло за собой ослабление внимания к анализу особенностей юридических норм и формальных источников права, вызвало переоценки значения «революционного правосознания».

3. Догматизация правоведения стала возможной в силу целого ряда причин. Сложилась такая обстановка, при которой из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные суждения и оценки стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию. Критика западной социологической школы права приобрела такой характер и получила такой негативный запал, что «некоторые авторы с подозрением стали относиться к социологии вообще. Дело дошло до того, что сами слова «социология», «социологический» стали носить предвзятый оттенок»¹.

Догматизация правовопонимания находилась в непосредственной зависимости от конкретной социально-политической обстановки культа личности. Теоретическая борьба мнений в рамках науки фактически переросла в борьбу политическую, представители иных подходов к правовопониманию, например П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис и др., были объявлены «врагами народа». В чем же была их опасность? Выступая против догматизации правоведения, призывая к социально-экономическому исследованию государственно-правовых явлений, они, по сути дела, выбивали, по крайней мере в теоретическом смысле, почву у тех, кто всячески оправдывал складывающуюся в условиях культа личности административно-командную, авторитарно-бюрократическую систему экономических и социально-политических отношений.

С позиций социологического правовопонимания можно было теоретически обосновать гуманистический потенциал права, его личностную направленность и нравственную позицию. Однако начавшийся отход от демократических принципов не мог не отразиться и на состоянии правовой науки.

Только в условиях культа личности, административно-командной экономики, бюрократизированной структуры социально-политических отношений, что теоретически оправдывалось ярко выраженной этатистской трактовкой права, и стало возможным принятие нормативных актов, подобных, например, постановлению Президиума ВЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г., в котором, в частности, предусматривалось сокращение сроков следствия по этим делам, рассмотрение дела без участия адвоката и прокурора, не допускались обжалование приговоров и подача ходатайств о помиловании¹. Дела лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по политическим обвинениям, стали рассматриваться во внесудебном порядке с применением высшей меры наказания, а в связи с большим числом таких дел наказание производилось по спискам².

Приведенный в качестве примера нормативный акт 1934 г. вполне соответствовал формальным признакам того, что А.Я. Вышинский называл «правом». Издание подобных «законов», которые по своей сути были не чем иным, как официальным, идеологически замаскированным и насильственно обеспеченным произволом, теоретически можно было легко оправдать с позиций извращенного нормативистского правовопонимания. Оно предполагало признание абсолютного примата государства над правом, а применительно к самому праву — примат нормы над правоотношением, а также примат объективного права над субъективным, означающий то, что последнее возникает у личности лишь постольку, поскольку издаваемая государством норма предоставляет его субъекту. В результате право перестало восприниматься как человеческая деятельность, как живая практика. Юристы не изучали жизнь, а ограничивались исследованием лишь текстов законов. Проблема сущности права свелась к поискам его наиболее удачного определения, и никто при этом не спрашивал, что оно есть на самом деле, в лучшем случае дискутируя лишь о том, какие признаки нужно включить в это понятие.

¹ СЗ СССР. 1935. № 64. Ст. 459.

² См. напр.: Курицын В.М. 1937 год в истории советского государства // Советское государство и право. 1988. № 2. С. 117.

¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 14.

Догматико-бюрократическому правопониманию претил глубокий социально-экономический анализ истоков, объективных причин правового развития, а также исследование реального воплощения юридических норм в социальной практике, в поведении людей. Сам закон рассматривался как «данность», «позитив», фактически фетишизировался, а вопрос о правомерности исходящего от государства закона и, следовательно, о его эффективности представлялся немислимым, так же как и анализ того, насколько реально законодательство отражало волю общества. Тот же факт, что подобные законы, противореча объективным социальным потребностям, консервировали постоянную социальную напряженность, обуславливали необходимость в особом аппарате, служащем как для приведения их в действие, так и для охраны созданной системы отношений, которые правопорядком можно назвать лишь в самом формальном смысле. К тому же надо было обеспечить соответствующее идеологическое оправдание созданному порядку. В правовой науке эту роль весьма успешно выполняла догматическая концепция права. Таким образом, как ни парадоксально, формально провозглашенный режим законности, за которым скрывались грубейшее беззаконие и вопиющие нарушения прав граждан, вполне укладывался в рамки правопонимания, которое во главу угла при описании права ставит юридическую норму, вне ее социальной природы и направленности.

4. Следует иметь в виду, что существенное ослабление внимания к социальным аспектам права, характерное для того этапа развития общетеоретической концепции права, не означало вместе с тем абсолютного господства нормативизма в науке.

Характерным в рассматриваемый период времени становится внимание ряда ученых к феномену субъективного права. Важны были идеи С.Ф. Кечекьяна о сложности юридической надстройки, о необходимости включения в нее помимо норм также правоотношений, понимавшихся не в качестве придатка, производного от норм, а как действия, реализации последних¹.

Особую роль в преодолении догматизированного правопонимания сыграла позиция А.А. Пионтковского, прежде всего его идея о единстве права и правоотношений², выра-

жавшая стремление найти более широкий подход к праву через понимание его не только в объективном, но и в субъективном смысле. Сам факт усиления внимания к анализу правоотношений как права в его реализации свидетельствует не просто о расширении правопонимания, а о постепенно намечавшемся процессе социологизации подхода к исследованию права, несмотря на то, что в целом в правоведении продолжала господствовать узконормативная трактовка права.

Исследования социальной проблематики права получили мощный импульс в 60 — 70-е гг. На это время приходится возрождение интереса к социологии в целом. В этот период появляется немало работ, посвященных и социологии права¹. Однако в дальнейшем эти начинания не получили полноценного развития.

Возникшие в обществе застойные явления не могли не отразиться на состоянии правовой сферы. Разросшийся до опасных пределов бюрократизм, а также такие его уродливые проявления, как диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, казенное равнодушие к правам и нуждам людей, пренебрежительное отношение к общественному мнению и социальному опыту трудящихся стали тормозом общественного развития. В сфере права бурный рост нормотворчества, и прежде всего ведомственного, отнюдь не всегда сопровождался соответствующим повышением его правовых начал и законности. Юридическая форма нередко наполнялась неправовыми, а подчас и открыто противоправным содержанием — «голой» волей отдельных носителей государственно-властных полномочий. Интересы народа зачастую подменялись узковедомственными и узкоправовыми интересами. Отсюда и ставка на силу, принуждение, жесткий контроль сверху и т. п.

Ситуация в правовой надстройке, в свою очередь, не могла не оказать соответствующего влияния на состояние

¹ См. напр.: Кудрявцев В.Н. Право и социальная действительность. М., 1970; Зыков П.Г. О социальной природе права. М., 1976; Казимирчук В.П. Социологические исследования в праве // Советское государство и право. 1967. № 10; Его же. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10; Некоторые вопросы социологии и права. Иркутск, 1967; Право и социология. М., 1973; Проблемы социологии прав. Вильнюс, 1970; Социальные проблемы права. Л., 1973; Управление, социология и право. М., 1971; Злобин Г.А., Тищенко В.В., Шлыков С.А. Социологические исследования в праве: Труды ВНИИ СЗ. Вып. 4. 1975; Орехов В.В., Спиридонов Л.И. Социология и правоведение // Человек и общество. 1969. № 5; Яковлев А.М. Теоретические проблемы социологии права. М., 1970 и др.

¹ См.: Карева М.П., Кечекьян С.Ф. О социалистических правоотношениях. М., 1956.

² См.: Пионтковский А.А. Некоторые вопросы общей теории государства и права // Советское государство и право. 1956. № 1.

правовой науки. В ней, как и в целом в обществоведении, поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы, а попытки конструктивного анализа и выдвижения новых идей не получали поддержки. Но хорошо известно, что схоластика, начетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отторгают науку жизни, тормозят ее развитие.

Понятно, что в таких условиях начавшийся в 60-е гг. переход к активизации исследований социальной проблематики права постепенно заглох, захлебнулся.

Момент нового, активного возобновления процесса социологизации теории права будет верным отнести к 80-м гг.¹

Отметим и такой позитивный факт: именно в эти годы появились переводные работы видных зарубежных социологов права, в которых раскрывались актуальные проблемы теории и юридической практики².

Однако не следует понимать тенденцию к социологизации правоведения как «возвращение» к его начальному этапу. Так как первый этап развития юриспруденции пришелся по времени на первый этап образования советского общества и создания его правовой системы, то это обусловило и характер основной задачи, стоявшей тогда перед наукой права: дать социальное обоснование формирующейся правовой системе. С позиций узконормативного подхода едва ли можно было выполнить эту задачу. Анализ техники законодательного и правоприменительного процесса был, конечно, необходим, но он носил тогда вспомогательный характер, служил решению главной задачи — концептуально-социологического обоснования зарождающегося социалистического права.

Ныне ситуация иная. Сейчас можно, видимо, говорить о постепенном переходе юриспруденции на новый, более высокий

виток развития. Существует необходимость не только ограничиваться научным описанием будущей правовой системы, но и раскрыть ее с социальной стороны, выявляя при этом экономические, политические, этические, психологические и иные факторы, влияющие на ее развитие, чтобы далее давать научно-обоснованный прогноз этого развития в будущем.

Интерес к социальной проблематике права объясняется и динамикой развития общества на современном этапе. Социально-экономические проблемы реформы не могут не породить непосредственной потребности в социальных исследованиях права. Формирование новой экономической структуры отношений немыслимо без коренной, глубокой реформы правовой системы, что предопределяет необходимость соответствующей перестройки и в науке права, призванной дать теоретическое обоснование указанным процессам. Нельзя не признать, что объективные процессы развития нашего общества намного опередили тот научный «задел», который мог бы обеспечить оптимальное и эффективное управление ими.

Если учесть приоритетное значение для социологии права системы факторов, а также важное место проблематики соотношения экономики, политики и права, то нетрудно понять объективную потребность в расширении социологических исследований. Не меньшее значение приобретает реформа политической системы, развертывание демократии, гласности, — одним словом, все то, что характеризует новый подход к жизни и мышлению. Как известно, юридический статус граждан, их права и свободы коренятся в совокупности общественных отношений, а право фиксирует и обеспечивает то, что сформировалось в живой жизни. Однако продолжают бытовать представления о правах граждан как благоденствии сверху, что говорит о непонимании той действительной связи, какая существует между личностью, обществом, правом и государством.

Повернуть право в сторону здравого смысла, превратив в безусловный приоритет уважение к человеческому достоинству, — это сегодня серьезнейшая задача юридической науки и практики.

Без глубокого анализа социологических закономерностей права невозможно дать теоретическое обоснование и разработать программу реализации реформы политической системы общества, одной из целей которой является радикальное укрепление законности и правопорядка, с тем чтобы исключить возможность узурпации власти и злоупотреблений, эффективно противостоять бюрократизму и формализму,

¹ Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М., 1979; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980; Козлов В.А., Сулов Ю.А. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 1981; Сулов Ю.А. Конкретные исследования и развитие социологии права. Л., 1983; Сырых В.М. Метод правовой науки. М., 1980; Эффективность правовых норм. М., 1980; Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986; Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987 и др.

² Кульчар К. Чит. соч.; Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986 и др.

обеспечить надежные гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан, а также выполнения ими обязанностей по отношению к обществу и государству. Без исследования социологических аспектов права едва ли возможно сформировать правовое государство, коренной чертой которого должно стать верховенство и торжество закона, реально выражающего волю народа, когда не только граждане несут ответственность перед государством, но и государственная власть несет ответственность перед гражданами, действуя на строгой правовой основе.

6. В настоящее время есть достаточные условия для новых, мощных импульсов в развитии правоведения, для его «социологизации», в которой ощущается большая потребность: без всеобъемлющего анализа социальной проблематики права трудно научно определить перспективы его развития, раскрыть его роль в качественном совершенствовании общества, а также разработать теоретическую платформу осуществления правовой реформы, которая призвана обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизмы поддержания правопорядка на основе развития народовластия.

Однако есть еще и непреодоленные сложности в рамках самой юриспруденции. Так, зачастую узконормативный подход оттесняет на периферию социально-ценностную трактовку правового феномена¹. Такие важные общественные качества права, как соответствие потребностям и интересам народа, верность принципам гуманности и справедливости, нередко заслоняются соображениями административно-управленческой целесообразности. Существует тенденция свести социологию права лишь к конкретно-социологическим исследованиям отдельных вопросов правовой жизни. Увлечение эмпирическими аспектами конкретно-социологических исследований нередко приводит к тому, что их результаты носят тривиальный характер и служат лишь иллюстрацией известных теоретических положений².

Еще не изжито и такое явление, как комментаторство в юридической науке. Ведь не секрет, что ученые-юристы годами уделяли внимание текстам нормативных актов, анализировали главным образом содержащиеся в них формулировки, а не реальное претворение в жизнь законоположений. С этим

напрямую связаны и такие недостатки, как обилие терминологических споров, не продвигающих научное знание вперед и ничего не дающих практике, уход от раскрытия и изучения реальных противоречий общества, лакировка действительности, формирование своеобразной двойной шкалы оценок: для внутреннего потребления и для публикаций, в которых «слышатся отзвуки фанфар и видятся розовые краски».

В современной науке накопилось немало проблем, успешное решение которых зависит от перестройки самого правоведения, суть и главное средство которой — в новом юридическом мышлении, краеугольный камень которого видится в коренной переориентации правопонимания, в принципиальном изменении самого подхода к познанию права: от понимания права как состоящего из суммы изданных государственными органами актов фактически застывшего феномена — к пониманию его как динамичного, сложного образования, детерминированного социально-экономическими условиями.

§ 3. Теория права, философия права, социология права — единство или тождество?

1. Для полноты раскрытия вопроса о предмете социологии права остановимся на выделении соотношения теории права, философии права и социологии права. Относятся ли эти понятия к одному и тому же предмету исследования, и, таким образом, терминологически по-разному определяется предмет одной и той же науки, либо они выражают какое-то более сложное структурное и функциональное различие?

В литературе можно встретить, например, утверждение, отрицающее самостоятельный характер социологии права на основании ее интердисциплинарного характера.

Существует и утверждение, что социология права вытесняет теорию права или в лучшем случае они являются двумя неразрывными частями одной общей науки. Это мнение разделяют некоторые польские авторы (А. Подгурецкий, Я. Квашневский и др.).

В литературе по общей теории права распространена точка зрения, в соответствии с которой «в рамках этой единой теории есть относительно обособившиеся группы проблем, которые могут быть обозначены как вопросы «философии

¹ Критику узконормативного подхода см.: Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 155-193.

² См. Об этом Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. С. 17.

права», «социологии права», «специально-юридической теории (общей позитивной теории)»¹. Однако возникает вопрос, что понимается конкретно под каждой из указанных групп проблем. И если при определении специфики позитивной теории трудностей, по всей видимости, не возникает, то далеко не так просто решается вопрос о философии права и социологии права.

Прежде всего отметим, что единство каких-то явлений не означает их тождества, совпадения. Это положение относится и к науке. Так, единство государства и права не означает совпадения теории государства и теории права и не препятствует их раздельному научному изучению, преподаванию и даже организационному выделению научных групп и секторов соответствующего профиля.

Это является следствием развивающейся дифференциации научного знания, в том числе и в юридической науке. Основу дифференциации составляют объективные потребности, отражающие процессы развития демократического общества. Современный этап развития научного знания, в том числе и правового, характеризуется увеличением аспектов изучения одного и того же объекта. Иными словами, один и тот же объект изучается с большей специализацией, и в большем числе аспектов, чем когда бы то ни было.

Вместе с тем развитие научного знания сопровождается и процессами интеграции, когда новое знание рождается на стыке научных дисциплин. Важно правильно определять взаимоотношение и взаимодействие этих процессов. Взаимное сближение и проникновение наук, их интеграция, так же определяют судьбу науки. Не будет ошибкой сказать, что на стыке социологии и правоведения сложилась новая научная дисциплина — социология права, имеющая комплексный характер. И это объяснимо, ибо социально-правовые исследования по самой своей природе носят комплексный характер. А.Г. Здравомыслов определяет социологическое исследование как всестороннее и целостное изучение той или иной социальной проблемы, опирающееся на специальную разработанную применительно к этой проблеме методику и технику сбора и обработки первичного материала². Это полностью относится и к социологическим исследованиям в юридической науке. Социология права имеет собственно теоретическую

часть, целый веер так называемых проблем «среднего уровня» (т. е. располагающихся между вопросами теории и эмпирическими данными) и, наконец, сложный комплекс проблем, относящихся к методологии и процедуре исследования.

Для выделения нового научного направления и его развития существенное значение имеет и наличие благоприятных организационных предпосылок, поддержка общественным мнением новой проблематики исследований. Нельзя сбрасывать со счетов и так называемый субъективный фактор — наличие группы или отряда ученых, специально занимающихся систематической разработкой проблем новой науки, распространением знаний и пропагандой ее задач¹.

2. Говоря о соотношении теории права и социологии права, следует иметь в виду, что теория права, как самостоятельная научная и учебная дисциплина, имеет устоявшийся предмет исследования, систему категорий и понятий. Она отрицает позитивистски понимаемую нормативную концепцию в ее обнаженном варианте и потому не сводит понимание права к явлению исключительно нормативного порядка². Теория права и социология права — это взаимообусловленные и взаимосвязанные направления научного анализа и вместе с тем обладающие своей спецификой.

Особое место занимает философия права. По мнению некоторых ученых, коль скоро право — социальное явление, то философия права есть в то же время и социальная философия, т. е. социология права³. Вряд ли это правильно. Представляется корректной точка зрения Д.А. Керимова, который видит различие между философией и социологией права в том, что первая, являясь познавательной теорией, разрабатывает проблемы теоретико-мировоззренческого подхода к познанию государства и права, а вторая дает научную картину государственно-правовой реальности. В данном случае философия права рассматривается как специальная теория познания,

¹ В этой связи следует отметить, что социологическими проблемами права занимаются специализированные подразделения (секторы, отделы) в Институте государства и права РАН, Институте законодательства и сравнительного правоведения, в НИИ Прокуратуры РФ и в других научных учреждениях.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1 и 2. М., 1982; Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 12-13; Лифшиц Р.З. Теория права. М., 1994; Теория права: новые идеи. Вып. 1 — 4. М., 1991-1994; Общая теория права /Под ред. Бабаева В.К. Н.-Новгород, 1993.

³ См.: Явич Л.С. Характер философских проблем правовой науки // Советское государство и право. 1984. № 7. С. 17-19.

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. 1973. С. 392; Общая теория государства и права. Т. 2. Л., 1974. С. 208-209.

² Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1972. С. 11 и сл.

т. е. гносеология, а социология права — как учение о сущем, т. е. онтология.

Д.А. Керимов отмечает, что по мере накопления данных, полученных в результате исследования диалектики, логики и теории познания государственно-правовой действительности, происходят не только количественные, но и качественные изменения в предмете правоведения. Это дает основание говорить о возникновении в системе юридической науки относительно самостоятельной ее отрасли — философии права, имеющей в основе своего предмета гносеологию правовой реальности¹.

Философская проблематика охватывает широкий и сложный круг вопросов. К их числу относятся такие проблемы, как историко-логическое познание права, волевая природа права, познание цели права, содержательно-структурное раскрытие права, познание свободы и ее реализация правом, и ряд других².

Понятно, что теория права и философия права находятся не в оппозиции друг к другу, а во взаимодействии и взаимобусловленности³.

3. В отличие от изучения права в философском аспекте социология права рассматривает функционирование права в обществе в социальном аспекте. Вопрос о социальной обусловленности права, о социальных функциях права, об условиях его общественного действия — является предметом социологии права. Можно сказать, что это есть изучение воздействия права на поведение людей, как опосредованного воздействия на интересы и нужды масс, сочетающегося с целями правового регулирования.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что если бы дилемма «общая теория права» и «социология права» либо «общая теория права» или «социология права» сводилась к чисто терминологическому различию, то решение было бы относительно не трудным. Ответ зависел бы от того содержания, которое можно бы быть условно вложить и в тот, и в другой термин. Вопрос этот, как было видно, более сложен, так как речь идет о структуре отечественной юридической науки в широком ее понимании.

Изложенная структура социологии права позволяет прийти к выводу, что она может быть использована для конструирования и особой учебной юридической дисциплины. В современных условиях эта наука приобретает особое общественное звучание, участвуя в научном разрешении коренных вопросов теории и практики государственно-правового развития. Введение такой специальной учебной дисциплины — в виде спецкурса как самостоятельного предмета, — несомненно, улучшит подготовку юристов.

§ 4. Социология права и другие правовые дисциплины

1. Следует подчеркнуть, что социология права не может не быть связана и со специально-юридической концепцией. Их взаимодействие в рамках общей теории является преградой на пути абсолютизации социальной или нормативно-юридической стороны правового феномена, позволяет дать объективный анализ права в единстве противоречивых аспектов, определяющих саму его сущность.

Социология права представляет собой определенным образом структурированную систему социальных знаний о праве как особом социально-юридическом феномене в его генезисе, а также в действии, т. е. как социально детерминированном и социально действующем (социально направленном) явлении, процессе.

Таким образом, социология права представляет собой направление общетеоретических исследований, формирующееся в относительно самостоятельную структуру знаний о праве как динамичном социально-юридическом феномене с точки зрения его генезиса и действия в обществе.

2. Как уже отмечалось выше, социологические исследования проводятся и по отдельным дисциплинам, и в этом случае они также могут рассматриваться как аспекты (направления) соответствующих отраслей юридической науки. На этой основе возникают и развиваются социология трудового, гражданского, уголовного, административного, природоохранительного права и т. п.

Несколько особым является положение криминологии. Само по себе применение социологических методик к изучению преступности еще не свидетельствует о том, является ли данное исследование криминологическим, уголовно-правовым

¹ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 71-72.

² Подробнее см.: Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992.

³ С 1971 г. отечественные юристы принимают участие в работе Международной ассоциации правовой и социальной философии, имеющей своей целью развитие философии права.

или уголовно-процессуальным. Метод исследования недостаточно говорит или вовсе не говорит о его предмете.

Если предположить, что любое применение социологических методов при изучении преступности есть криминология, то получается, что в науке уголовного права места для таких исследований не остается; тем самым эта наука обрекается на использование только логико-юридических методов, иначе называемых догматическими. Неверно было бы и другое крайнее мнение: якобы все социологические исследования преступности входят в предмет науки уголовного права (в том числе и криминологии как части уголовно-правовой науки). Эта позиция ведет к обеднению криминологических исследований и не соответствует фактически сложившемуся положению вещей.

Уголовное право и криминология есть разные науки, хотя и тесно связанные между собой. По нашему мнению, криминологические исследования вовсе не исключают социологических исследований в области уголовного права. Разграничение между этими научными направлениями следует проводить не менее чем по трем основаниям.

Во-первых, криминология и уголовное право хотя и изучают одну область явлений (преступную деятельность людей), но на разных этапах ее осуществления. Если рассматривать антиобщественное поведение человека в различных стадиях его формирования и осуществления, то легко можно увидеть, что ранние этапы (формирование антиобщественных взглядов человека, возникновение конфликтной ситуации, создание поводов к преступлению и условий, ему благоприятствующих; наконец, появление мотива и конкретных планов достижения преступной цели) входят в предмет криминологии, а не уголовного права. Цепочка дальнейших событий, начиная с приготовления к преступлению и до наступления преступного результата, изучается уголовным правом, которое распространяет сферу своих интересов и на уголовно-правовые последствия преступных действий (назначение наказания и освобождение от него).

Во-вторых, различны цели исследований в области криминологии и в области уголовного права. Криминологические исследования направлены на раскрытие причин преступности и разработку системы предупредительных мер. Задача уголовного права более специфична: как правовая система, оно имеет целью установление и реализацию уголовной ответственности в отношении тех, кто совершает преступления. Поэтому преступление как социальное явление науку уголовного права интересует главным образом в плане уголовной

ответственности за его совершение (с точки зрения оснований, условий, форм ответственности, а также ее социальной обусловленности и эффективности).

Поэтому даже если в некоторых случаях криминология и уголовное право изучают одно и то же явление (например, умысел или неосторожность), то подходят они к нему с разных сторон. Криминологию субъективные признаки преступления интересуют с точки зрения механизма подготовки и осуществления преступного поведения, а следовательно, возможных путей пресечения общественно опасных действий; для уголовного же права здесь более важна проблема условий наступления уголовной ответственности, ее соразмерности и индивидуализации.

В-третьих, совершенно различна правовая регламентация тех мер, которые изучаются и рекомендуются этими науками. Наука уголовного права анализирует свой предмет на базе и в рамках уголовного законодательства и практики его применения. Криминология же содержит, если можно так выразиться, только социально-нравственные и организационные нормы и рекомендации (и лишь частично пользуется нормами разных отраслей права).

3. В заключение затронем вопрос о соотношении социально-правовых исследований и юридической практики.

Развитие юридических научных знаний проходит тот же путь, который свойственен всякому познанию: «от живого созерцания, к теоретическому мышлению и от него — к практике». Особенности этого пути применительно к правоведению состоят в том, что предметом практического опыта здесь выступают не явления природы, а общественные события, действия, процессы, в том числе и те, которые регламентированы правовыми нормами.

Правильно соображение, что по основным своим характеристикам юридическая практика есть не что иное, как объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов¹. Однако автор ограничивает указанный опыт лишь областью применения права. На наш взгляд, создание правовых актов — нормативных, а также и актов применения права — не может быть исключено из сферы юридической практики.

Социальная практика как источник теоретических знаний не сводится и к юридической практике. Для создания и применения закона, для определения закономерностей и тенденций в развитии правовой надстройки недостаточно анализиро-

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 340-341.

вать деятельность одних лишь юридических учреждений. Закон живет и действует в массиве, общественных отношений, он осознается, соблюдается или нарушается гражданами, должностными лицами, — а также конкретными коллективами различных предприятий, учреждений, организаций. Общественные отношения и процессы в сфере производства и распределения, быта и духовной жизни людей, внутренней и внешней политики государства служат и должны служить предметом тщательного изучения правоведения, особенно когда речь идет о таких направлениях исследования, как социальная обусловленность права или его эффективность.

Таким образом, социальная практика как исходный пункт теоретических исследований в сфере правоведения охватывает: а) общественные отношения и процессы, объективно существующие в обществе; б) субъективное отражение этих отношений и процессов — политическое и правовое сознание, интересы и мотивы поведения, ценностные ориентации и социальные установки людей; в) собственно юридическую практику — деятельность правотворческих и правоприменительных органов по созданию и применению правовых актов.

Разумеется, каждая отрасль правовой науки с учетом конкретных задач и направлений исследования определяет предмет своего изучения в необходимых границах. Неодинаково и влияние тех или иных аспектов социальной практики на развитие теоретических положений. Можно согласиться с тем, что непосредственное влияние судебной практики на совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности в большей мере сказывается в тех отраслях законодательства, уровень кодификации которых недостаточно высок, т. е. там, где существует неполнота нормативного решения отдельных сторон регулируемых правоотношений.

При этом имеется в виду роль практики в процессе создания новых правовых норм. Однако и в тех отраслях, где кодификация уже достаточно полна, изучение юридической практики весьма важно, и не только для исправления и предотвращения возможных ошибок, но прежде всего — для раскрытия объективно существующих закономерностей правового регулирования общественных отношений.

Неверно было бы полагать, что создание нового закона, пусть даже достаточно совершенного, исчерпывает проблему правового регулирования. Реально действие права отнюдь не сводится к существованию (и даже применению) закона. Для того чтобы право эффективно регулировало общественные отношения, и притом именно так, как желает этого законодатель, требуется совокупное действие многих факторов.

Изучение социальной практики и дает представление об этих факторах, позволяет понять причины неэффективности тех или иных нормативных положений, усовершенствовать их или практику их применения.

Анализ неверных решений в юридической практике имеет также весьма важное значение. Далеко позади осталось то время, когда науку права упрекали в отрыве от практики, в отставании от нее. Разумеется, и сейчас в юридических исследованиях встречаются схоластическое теоретизирование, поверхностное комментаторство, мелкотемье. Но во многих отношениях юридические исследования идут впереди практических разработок, глубоко анализируют социальную действительность, намечают пути совершенствования законодательства, деятельности государственных учреждений. Это можно сейчас сказать и об общей теории права, и о гражданском, трудовом, административном, уголовном праве, и о правовых проблемах охраны окружающей среды, и о многих других юридических дисциплинах. Высокий уровень ряда законов, принятых за последние годы, во многом связан с тем, что в их основе лежали фундаментальные исследования ученых.

Анализ ошибок и недостатков в работе практических органов не должен, конечно, быть самоцелью. Задача заключается в том, чтобы вскрыть причины этих ошибок и разработать меры по их устранению. Правовая наука должна исследовать всю юридическую практику, а также ту часть общей социальной практики и в тех отношениях, которые способны объяснить закономерности развития и функционирования правовой системы.

Практика питает теорию эмпирическими фактами, дает материал для теоретических обобщений, корректирует выводы науки, служит объектом экспериментов, наконец, она воспринимает научные положения в целях собственного совершенствования и развития.

Внедрение научных рекомендаций в юридическую практику — важнейшее звено их взаимосвязи. Проблема стоит сейчас, как никогда, остро.

Между тем, механизмы внедрения научных рекомендаций ученых-юристов в законотворческую и правоприменительную практику разработаны пока недостаточно. Некоторые рекомендации, например в области совершенствования законодательства, далеко не всегда рассматриваются законодательными органами. Что же касается предложений по вопросам применения права, то, по сути дела, ни один государственный орган не имеет обязанностей по их рассмотрению и оценке. В результате разумные и полезные предложения не находят практического применения.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Что значит изучать «право в жизни», в его реализации?
2. Что такое социальный фактор? Назовите несколько социальных факторов, влияющих на действие права.
3. В чем разница между фактическими и правовыми отношениями? Приведите примеры.
4. Каков предмет социологии права? Чем эта дисциплина отличается от философии права? От теории права? От общей социологии?
5. Назовите российских ученых, занимавшихся проблемами правовой социологии. Знакомы ли Вы с их работами?

□

Глава II Социальная обусловленность права

§ 1. Содержание правотворческого процесса

1. Правотворчество — это социальная — государственная и общественная — деятельность, в результате которой образуется, поддерживается и развивается система законодательных актов и других правовых норм. Частью правотворчества является собственно законодательная деятельность (законотворчество).

Правотворческая (законотворческая) деятельность — сложная совокупность различного рода элементов. Прежде всего надо отметить, что существует несколько способов реализации государственной воли в правовой норме. Главные из них — санкционирование государством уже фактически сложившихся норм поведения и непосредственная выработка новых норм компетентными правотворческими органами. Далее, сам процесс этой деятельности (правотворческий процесс) представляет собой сложную систему организационных действий, осуществляемых различными государственными органами и направленных к одной цели — созданию (изменению, дополнению) правовой нормы.

Законодательная деятельность (впрочем, как и правоприменительная) может рассматриваться как одна из разновидностей принятия решений.

Одна из главных функций социального управления — выработка и реализация общезначимых правил поведения. Исследование правотворчества сопряжено с анализом путей формирования правовых норм: кто и как предлагает и изменяет решения; кто, как и в результате какого процесса принимает их; какова вероятность их изменения; каковы проекты и фактические условия их изменений; как решения выполняются и какова их эффективность и т. д.

Методологическая особенность современного подхода к рассмотрению сущности социальных процессов вообще и проблемы принятия решения в частности заключена в единстве теоретического и эмпирического, абстрактного и конкретного, теории и практики, исторического и логического, структуры и функций. Когда речь идет о теории конкретных социологических исследований, то такой комплексный подход

совершенно необходим для эффективного анализа социальных, в том числе политических и правовых, отношений.

При конструировании теоретической модели принятия решения следует исходить из того факта, что социологические исследования призваны раскрыть соотношение различных факторов, влияющих на процесс принятия решения, направленность и степень влияния каждого из них и тем самым показать, какие из факторов оказывают позитивное, благоприятное воздействие, а какие влияют негативно, снижают эффективность принимаемых решений. Зная социальные факторы, опосредствующие принятие решений, можно сам процесс социального управления сделать более точным, эффективным, поскольку проблема переносится в иную плоскость: измерение, ранжирование этих позитивных факторов, приведение их в систему, а также выделение негативных факторов, блокирующих реализацию закона.

2. В процессе правотворчества большое значение отводится его субъектам. Вообще говоря, участие личности и коллектива в принятии решений зависит от ряда условий: от степени официального (закрепленного в соответствующих положениях) признания прав на участие в принятии решения; от содержания самого решения, поскольку стимулирующим фактором являются решения, направленные на формирование единства интересов личности и целей коллектива; от степени заинтересованности человека в принятии и реализации решения, приносящего моральное и материальное удовлетворение, помимо того близкое человеку, которое он может принимать со знанием дела; от степени социальной сплоченности коллектива, его мобильности, возможности критически обсуждать, свободно высказывать свое мнение; от эффективности социального контроля за реализацией решений.

Демократия, народовластие означают, что власть не только принадлежит народу, но и полностью им осуществляется в различных формах. Тем самым обеспечивается реальное участие населения в выполнении задач государственной власти, многообразных функций управления, в том числе и в сфере подготовки; принятия и контроля за принятыми решениями. При этом можно говорить о двух основных сферах участия народа в решении государственных дел: непосредственно и через представителей.

Представительная демократия означает решение выборными представителями наиболее важных государственных и общественных дел. Конституция РФ и принятие на ее основе законодательные акты определяют сферу деятельности представительных органов власти таким образом, чтобы она

охватывала коренные вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Обеспечению приоритета начал представительной демократии способствуют такие принципы государственной жизни, как верховенство закона, право представительных органов формировать органы управления и контролировать их деятельность, обеспечение прямого влияния избирателей на принятие решений (отчеты депутатов и т. п.), на оценку деятельности выборных представителей.

Участие населения в подготовке, обсуждении, принятии и исполнении решений гарантирует заинтересованность в содержании принимаемых актов, а, следовательно, благоприятным образом отражается на оптимизации всего процесса создания решений.

Большое значение имеет и развитие форм непосредственной демократии, отражающих одну из других особенностей народовластия. Под непосредственной демократией понимается принятие всеми гражданами или населением определенной административной единицы решения, обязательного для государственных органов. К непосредственной демократии относятся те формы, которые дают возможность вырабатывать мнения по вопросам общего или местного характера, представляют такую возможность каждому заинтересованному гражданину, обладающему избирательными правами, гарантируют обязательность мнения большинства для государственных органов и всех граждан.

Гибкое сочетание деятельности государственных и общественных организаций, форм представительной и непосредственной демократии, природа политического самоуправления предполагают, что формы принятия решения и их соотношение в разных странах могут иметь специфику.

В политической системе современности все большее значение приобретает общественное мнение как фактор демократической процедуры и принятия решения. С позиции правильно понятых общих интересов тут налицо не простая усредненность мнений, оценок и установок, а компетентное общественное мнение, выражающее действительные потребности социально-экономического и политико-правового развития. Высокий престиж и удельный вес общественного мнения являются реальными гарантиями развития демократии.

3. Проведенные социологические исследования показывают, что в функционировании и развитии механизма принятия решений встречается немало трудностей и нерешенных вопросов. Часть из них связана с неиспользованием прав граждан в данной области вследствие неосведомленности о них, незнания механизма использования своих прав, иногда

отсутствия объективных условий надлежащего осуществления, например достаточного уровня политической и правовой культуры, квалификации либо формального отношения должностных лиц к обеспечению реализации этих прав и слабого стимулирования активности членов коллектива.

Значительное место должно быть отведено изучению путей и методов формирования целевой ориентации личности, означающей выработку установки социально-активного поведения в политической сфере, в достижении общих политических задач.

Социально-психологические стимулы и мотивы политической активности личности должны стать в полной мере постоянно действующими факторами.

4. Перейдем теперь к более подробному рассмотрению самого правотворческого процесса, включая те стадии (этапы), из которых он состоит.

Некоторые авторы относят начальный момент правотворческого процесса на весьма ранний этап, считая, что начальной стадией является «изучение объективных факторов, определяющих необходимость правового регулирования данных общественных отношений»¹.

Правотворческий процесс и каждый из его этапов представляет собой деятельность юридическую по форме и социально-политическую по содержанию. Именно в этой деятельности находят свое конкретное проявление закономерности формирования права, его социальная обусловленность, его связь с объективными особенностями исторической действительности и субъективными представлениями законодателей.

Социологические аспекты правотворческого процесса прослеживаются по этапам законотворческого процесса с указанием на следующие проблемы, подлежащие изучению в социально-правовых исследованиях на стадиях:

— нового акта: какие объективные, социальные, политические, экономические, психологические причины требуют его создания; интересы каких классов, слоев и социальных групп населения отражаются в идее создания акта; каковы социальные механизмы влияния этих общественных групп на содержание концепции акта; какие существуют социальные препятствия при разработке этой концепции; как оцениваются перспективы принятия акта и его будущего действия;

— подготовки текста законопроекта: каков механизм подготовки текста проекта; какие социальные факторы при этом учитываются и в какой мере; в какой степени на текст

законопроекта влияют интересы, мнения и традиции, свойственные различным группам населения, в том числе и представленным в государственных учреждениях;

— обсуждения проекта: какова активность граждан в обсуждении законопроекта; какие классы, слои, социальные группы высказывают замечания и предложения к проекту и в чем они заключаются; в какой мере эти замечания учитываются в ходе и в результате обсуждения и по каким мотивам; каковы могут быть последствия принятия или отклонения тех или иных предложений;

— внесения проекта на рассмотрение законодательного органа: какие существенные изменения претерпел проект; как на этой стадии сказались различные интересы государственных ведомств, общественных организаций и представляемых ими социальных и профессиональных групп; как мотивируется потребность в законопроекте; как прогнозируется его применение;

— обсуждения в законодательном органе: те же вопросы и кроме того: как общественное мнение оценивает ход и результаты обсуждения законопроекта и характер внесенных в него поправок;

— вступления акта в силу: отношение лиц, которые будут применять новый акт, к его содержанию, юридической форме, к перспективам его действия и будущей эффективности.

Разумеется, в зависимости от содержания законопроекта и отрасли права перечни проблем могут сильно отличаться от приведенных.

5. Не трудно заметить, что некоторые из вопросов, относящихся к разным стадиям правотворческого процесса, повторяются. Если выделить эти повторяющиеся вопросы, то мы обнаружим, что их можно сгруппировать в три основные группы, которые будут различаться по кругу общественных отношений, подлежащих изучению.

Первая группа: общественные отношения, иные общественные явления и процессы, вызывающие потребность (необходимость, желательность) в правовом регулировании, и соответствующие им социальные интересы. Это причины, а нередко и сам предмет правового регулирования.

Вторая группа: общественные отношения в механизме правотворческой деятельности, стимулирующие, тормозящие или видоизменяющие ее развитие; здесь действуют интересы участников этого процесса. Таким образом, речь идет о социальном механизме правотворчества.

Третья группа: общественное мнение, интересы и установки населения — граждан и должностных лиц, непосредственно не участвующих в подготовке законопроекта (или участвующих

¹ Научные основы правотворчества. М.; 1981. С. 15.

частично — путем обсуждения). Следовательно, имеется в виду отношение к процессу создания новой нормы права со стороны ее будущих адресатов.

В совокупности эти три группы характеризуют проблему социальной обусловленности права в основных ее аспектах: объективном и субъективном, внутреннем и внешнем, социальном и социально-психологическом.

Далеко не все эти группы вопросов изучены применительно к праву в целом и его отдельным отраслям. Можно сказать, что, по существу, такое изучение лишь начинается. Однако потребность в нем существует и осознается многими юристами — учеными и практиками.

6. В заключение коснемся вопроса о так называемом «теневом нормотворчестве». Исходным пунктом развития «теневого нормотворчества» является неудовлетворительное функционирование официальных норм. Их несоответствие социально-экономическим потребностям общества влечет за собой деформацию социальных институтов, отношений между людьми, нарушение нормального взаимодействия между членами общества, их статусов и форм обычной жизнедеятельности.

Недоверие к нормам права, правовой нигилизм имеют не только социально-экономические причины. Верно отмечалось, что, каким бы «индивидуальным» ни было лицо того или иного конфликта, основание у них, как правило, общее. Социальная напряженность возникает там, где попирают закон, где расцвели бюрократизм, административный зуд, пренебрежительное отношение к трудовому человеку, к людям другой национальности, их правам. Это деформация общественных отношений, которая базируется, как правило, на дисфункциях соответствующих социальных институтов.

Но при этом изменяются и другие элементы, рассматриваемые в том же контексте: социальные нормы и ценностные ориентации людей.

Что касается норм, то с ними происходит несколько изменений. Это отрыв социальной (правовой) нормы от конкретной исторической реальности, ее несоответствие требованиям жизни. Деформируется, таким образом, не сама норма, а ситуация, на которую она была рассчитана. В результате правовая норма перестает исполнять свои функции, но поскольку она все же не отменена, то это начинает тормозить процесс общественного развития. Типичные примеры — акты прежнего хозяйственного законодательства, которые с большим трудом пытаются изменить и осовременить с учетом потребностей рынка парламент, правительство и президент. С этим связано и другое явление — игнорирование населением

нормы, утратившей полезность и авторитет. Надо заметить, что вовсе не только граждане, но и должностные лица, включая юристов (судей, следователей, прокуроров и др.), понимают бесполезность или даже вредность неудачной нормы и, вопреки своему долгу, не склонны ее применять. Примеры: ответственность за незаконные валютные операции, указ о сдаче оружия, запреты торговли спиртными напитками «с рук» и т. п. Все эти нормы не выполняются. Но разноречивой в практике, непоследовательность принимаемых решений чревата общим ослаблением авторитета закона и возникновением состояния аномии, при котором общество теряет нормативную ориентацию, существует без опоры на твердые нравственные и правовые принципы.

Следует также подчеркнуть, что в связи с деформацией социальных институтов и отношений усиливаются внутренние противоречия, которые всегда имеются в нормативной системе. Из-за несовпадения нормативных требований с реальными условиями жизни конкретных индивидов, социальных групп быстро возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом (социальной группой) для разных целей и в разных (противоположных) ситуациях. Защита интересов национального меньшинства может, например, обернуться агрессивностью против представителей другого малого народа. В условиях возникающей аномии и снижения авторитета власти нередки противоречия между нормами права и нормами нравственности; при этом предпочтение в большинстве случаев отдается деформированным моральным требованиям.

Именно на этой основе и возникает так называемое «теневое нормотворчество», т. е. создание неофициальных правил поведения, которыми тем не менее руководствуются значительные группы населения. Предпосылкой этого процесса служит разочарование в существующей нормативной системе, неверие в нее. Действующее законодательство или официальная мораль воспринимаются не только как неэффективные и неправильные по существу, но и как несправедливые. Растет недовольство сложившимся порядком дел — волокитой, бюрократизмом, неоправданными льготами и привилегиями, дефицитом, отсутствием заботы о мало-обеспеченных слоях населения и др. Упреки и обиды эти большей частью вполне оправданны. И пока нормы, институты и отношения остаются прежними, представления об их несправедливости неизбежно будут сохраняться и усиливаться, несмотря ни на какие словесные «разъяснения». Отметим в связи с этим, что критерий справедливости вообще представляет собой

достаточно точный и очень чуткий эталон для оценки степени соответствия той или иной нормы общественности нуждам и интересам.

В чем же проявляется «теневое нормотворчество»? В одних случаях — в установлении собственных, подчас полезных нормативов в рамках данного предприятия, колхоза, населенного пункта (например, доплата к пенсиям сверх установленной нормы). В других — в создании структур, не предусмотренных законом (например, вооруженных формирований или неформальных групп по борьбе с преступностью). Эти примеры свидетельствуют о том, что местная общественность стремится так или иначе компенсировать близорукость или некомпетентность соответствующих органов государственной власти.

Но гораздо больше можно привести отрицательных примеров. «Теневое нормотворчество» дельцов создает целую систему правил их поведения по принципу: «ты мне — я тебе». Жестокими традициями характеризуется «мораль» преступного мира. Ее нормы и правила, как и авторитет главаря преступной организации, обычно пронизаны и подкреплены специфическими «максимами», которые именуются достаточно привлекательно: «долг», «честность», «уважение к старшим» и т. д., но на деле имеют однобокий и извращенный смысл. К этому следует добавить «идейную обработку» сознания членов такой группы более опытными преступниками-организаторами, внушающими принципы аморальности труда, «благородства» и «чести» «легендарных» преступников прошлых лет и т. п. Такое «теневое нормотворчество» воспринимает все наиболее эффективное из других нормативных систем, включая право, религию и мораль: неминуемость кары, «внутренний голос» совести и слепую веру в авторитеты лидеров.

Не трудно видеть, что деформация норм права и морали, включая и «теневое нормотворчество», — это, по сути дела, уродливая модификация командно-административных методов управления. Здесь нет ни грана демократии, плюрализма мнений или уважения к человеческой личности.

Параллельно всем этим процессам происходит еще одно важное, а может быть, и решающее изменение — деформация социальных ценностей и представлений о них. «Теневые» нормы признаются более важными и значимыми, чем государственно-правовые установления. А это означает ослабление правовой системы, ее деградацию.

7. Выявление в фактически складывающихся формах и нормах социального общения общезначимых элементов

свободы и равенства является с точки зрения понимания права как формы и меры свободы признанием правовой природы такого рода норм. Именно их правовая природа и служит объективным основанием для официальной легитимации этих норм законодателем.

Здесь надо сказать, что само по себе наличие в общественной практике норм, объективно складывающихся в результате социальной саморегуляции и конкурирующих по своей регулятивной силе с нормами законодательства, является уже общепризнанным в социологии (но не в теории права). В литературе остается дискуссионным вопрос о правовой характеристике подобных (кстати говоря, неоднородных) норм и их значимости с точки зрения законодателя.

Не вдаваясь в эту дискуссию, имеющую уже довольно длительную историю в теории права, мы будем пользоваться устоявшимся в литературе термином «фактическая социальная норма»¹ (правда, при этом нам придется каждый раз уточнять, идет ли речь о фактической норме, отражающей в себе объективную природу права и требующей поэтому признания со стороны законодателя, или мы имеем дело с нормативными образованиями, нарушающими требования права или нейтральными по отношению к ним).

С позиций социологического подхода здесь важна не столько терминологическая, сколько содержательная сторона дела. Основной вопрос при этом заключается в выяснении природы (сущностных черт) тех социальных норм, которые должны получить законодательное закрепление. Каким бы термином ни пользовались исследователи данной проблемы, они не должны уходить от ответа на вопрос о том, почему, на основании каких объективных признаков одним социальным нормам законодатель может и должен придать статус закона, а другим — нет.

В этом смысле оригинальной является позиция французских юристов, предложивших конструкцию «инфраправа» (Ж. Карбонье, А.-Ж. Арно и др.). Пытаясь решить проблему отграничения права от неправовых явлений, они предложили понятия «инфраправо», «переживаемое право», «идеальное право», «обыденное право», «фольклорное право» и т. п.²

¹ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 12-20.

² См., напр.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1985. С. 186-194; Арно А.-Ж. Изучение предзаконодательного процесса — вклад в развитие теории нормотворчества // Социальные вопросы правотворчества. М., 1980. С. 19-27. Об инфраправе см. также: Социальная структура и социальные процессы: Словарь-справочник/ С.В. Боботов. М., 1990. С. 44-45.

Однако правовая сущность этих (так называемых инфраюридических) явлений, к которым относится «все то, что соприкасается с чисто юридическим в собственном смысле, в то же время не будучи правом в позитивном значении этого понятия»¹, остается невыясненной, а обилие взаимопересекающихся и перекрывающих друг друга терминов зачастую лишь осложняет суть дела.

Сторонники рассматриваемой концепции выделяют явления инфраюридического порядка в пределах сферы нравов, полагая, что к инфраправу относятся нравы, которые обладают «особым колоритом, обусловленным их близостью к праву и сходством с ним»². Однако приведенные характеристики («особый колорит», «близость к праву», «сходство с ним» и т. д.) остаются неопределенными и неverified. Между тем задача (и для социологов права, и для законодателя) состоит в том, чтобы дать четкий и однозначный ответ о правовой природе соответствующих норм и отношений, складывающихся в реальной действительности.

§ 2. Законодательная социология³

1. Термин «законодательная социология» сравнительно недавно вошел в научный оборот общей теории и социологии права⁴.

Рассмотрим возможную модель такой системы, элементами которой являются различные взаимосвязанные между собой формы социологического обеспечения законотворческой деятельности. В их взаимосвязи (начиная от прогнозирования потребности в правовом регулировании и

кончая изучением эффективности уже принятого законодательства) прослеживается определенная последовательность, что позволяет говорить (с известной мерой условности) о различных стадиях социологического обеспечения законотворчества.

Важным вопросом, дискуссионным в науке, до сих пор служит само определение круга явлений, охватываемых понятием «правотворчество». В данном отношении во многих странах прослеживается тенденция перехода от трактовки правотворчества только как вида государственного руководства обществом, состоящего в установлении, изменении и отмене норм права органами государства или уполномоченными государством другими субъектами правотворчества, через разграничение понятий «формирование права» и «правотворчество» к более широкому социально-юридическому аспекту его рассмотрения. В этом плане правотворчество характеризуется как процесс создания правовых норм, начиная от зарождения концепции и кончая принятием (санкционированием) и введением их в действие.

2. Встречающиеся и в наши дни попытки сведения всего сложного, многопланового и целенаправленного процесса создания правовых норм, по существу, к их обсуждению и принятию на сессии законодательного органа являются не корректными. Они негативно воздействуют в той или иной форме на выявление потребности в правовом регулировании, на разработку, принятие, изменение или отмену правового (законодательного) акта, и в конечном счете на его содержание.

Механизм проявления в праве социально-экономических и политических закономерностей очень сложен, а его результаты далеко не однозначны. Это обусловлено, помимо прочего, вероятностным характером явлений общественной и экономической жизни. На это обстоятельство справедливо обращалось внимание: поскольку «нормы гражданского права представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни, то они, смотря по обстоятельству, могут выражать их иногда хорошо, а иногда и плохо»¹.

Отмеченная специфика правотворческой деятельности не может не влиять на социальный механизм правотворчества. Все это выдвигает в число теоретически важных и практически неотложных задач правоведения выявление и обоснование системы социальных факторов правотворческой деятельности, ее структурных подразделений, а также раскрытие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 311.

¹ Арно А.-Ж. Изучение предзаконодательного процесса — вклад в развитие теории нормотворчества // Социальные вопросы правотворчества. М., 1980. С. 20.

² Карбонье Ж. Цит.соч. С. 186.

³ Параграф написан на основе материалов региональных исследований, которые провела группа научных сотрудников сектора общей теории и социологии права Института государства и права РАН: доктор юридических наук Куманин Е.В., кандидат юридических наук Колдаева Н.П., кандидат юридических наук Леванский В.А. Подробнее см.: Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Куманин Е.В., Леванский В.А. Исследование социальных факторов законодательной деятельности союзных республик // Правоведение. 1981. № 3. С. 52 и сл.; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.

⁴ См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 319.

содержательных и процессуальных сторон взаимосвязи и взаимодействия факторов в процессе принятия правотворческого решения.

3. Применительно к социальным факторам правотворческой деятельности в основу классификации целесообразно положить содержательные аспекты влияния отдельных факторов на эту деятельность и в конечном счете на текст правового нормативного акта, поскольку они так или иначе отражают и формальные моменты (структуру, цели и функции различных органов — участников процесса правотворчества и др.).

Понятно, что содержательная типология никогда не может быть исчерпывающей. Следовательно, в основу классификации социальных факторов могут быть положены лишь главные, доминирующие аспекты их влияния на правовые нормы и правотворческую деятельность. При этом предполагается, что каждый род факторов имеет и свои видовые особенности. Такой подход к классификации социальных факторов правотворческой деятельности облегчает, как показывает опыт проведения эмпирических исследований, создание операционального определения системы факторов.

Среди факторов, отражающих явления общественного бытия, особое место занимает экономический фактор. В нем проявляются потребности и возможности развития экономики страны в целом, входящих в нее республик, отдельных административно-территориальных единиц и отраслей хозяйственной и социальной жизни как в материально-производственном, так и в финансовом аспекте. Структура экономического фактора сложна. Это особенно стало заметно при вхождении страны в рыночные отношения. Влияние экономического фактора при этом имеет в значительной степени стихийный характер.

Условия материальной жизни определяют не только производство, но и природно-географическая среда, воспроизводство самого человека. Поэтому в системе факторов, отражающих явления общественного бытия, наряду с экономическими следует учитывать экологический, географический и демографический факторы. Экологический фактор отражает состояние сохранности природных богатств и степень рационального использования природных ресурсов. Географический — особенности географического положения страны в целом и ее отдельных регионов. Действие этих факторов наиболее заметно прослеживается в земельном, водном, лесном, природоохрительном законодательстве. Сказанным обуславливается, с одной стороны, более высокое место в иерархической цепи социальных факторов, отражающих явления общественного бытия, по отношению к основным факторам,

в которых проявляются процессы и события духовной жизни общества, а с другой — сложный характер их взаимодействия. Факторы влияют на правотворческую деятельность и на содержание нормативных актов не непосредственно, а через ряд других, отражающих явления общественного сознания, важнейшим из которых является политика. Вот почему в ходе проведения любого эмпирического исследования правотворческой деятельности следует одновременно учитывать как действие того или иного основного фактора, в котором находят свое проявление условия материальной жизни общества, например экологического, так и опосредующих его феноменов, отражающих явления общественного сознания, в том числе политико-правового, социокультурного, идеолого-психологического и др.

К числу важных факторов правотворческой деятельности, в которых проявляются события и процессы духовной жизни общества, относится политико-правовой фактор. Он выступает в форме политических директив, правовых установок и ориентаций относительно главных сторон развития законодательства, его отдельных сфер, отраслей и институтов. Эти установки и ориентации содержатся в руководящих государственных документах, в конституционных и иных основополагающих законах. Проводниками и носителями политико-правового фактора правотворческой деятельности являются прежде всего законодательные органы, выступающие как выразители интересов всего народа.

Наряду с политико-правовым фактором заметное влияние на правотворческую деятельность и содержание правовых актов оказывают другие, отражающие явления общественного сознания, прежде всего идеолого-психологический и социокультурный. В первом проявляются особенности правовой психологии и правовой идеологии субъектов — участников процесса создания правовых актов, в том числе и граждан. Во втором — культурный и образовательный уровень населения и должностных лиц, их правовая осведомленность, распространенность, развитость и эффективность деятельности средств массовой информации.

В число социальных феноменов входят также национальный и межнациональный факторы. Национальная государственность — объективная предпосылка формирования системы законодательства. В этом качестве она нашла закрепление в Конституции РФ и, следовательно, выступает в процессе создания нормативных актов как один из элементов политико-правового фактора, о котором говорилось выше. Вместе с тем на возникновение проблемной ситуации,

требующей правового регулирования, и на характер ее решения большое влияние оказывают и такие аспекты жизнедеятельности нации, как национальная и местная бытовая специфика, обычаи и традиции населения, а также языковые особенности отдельных государственных и административно-территориальных образований.

В ходе создания правовых нормативных актов национальный фактор взаимодействует с фактором международным, который отражает пути и формы взаимного обогащения и развития законодательства путем заимствования и «генерализации» нормативных отношений, а также степень и формы контактов республик и областей между собой при подготовке законопроектов.

Предложенная учеными Института государства и права модель системы социальных факторов правотворческой деятельности призвана содействовать углубленному изучению социального механизма подготовки правовых нормативных актов и тем самым совершенствованию процесса принятия правотворческого решения. Она имеет прежде всего методологическое значение, поскольку может использоваться, как об этом свидетельствует практика, при проведении соответствующих эмпирических исследований в качестве операционального определения, охватывающего конкретные признаки изучаемого объекта, «в форме, которую можно зафиксировать эмпирические, т. е. просчитать»¹.

Социальная значимость фактора проявляется в предложениях, замечаниях и пожеланиях субъектов процесса создания правового нормативного акта, адресованных правотворческому органу, а также средствам массовой информации и научным учреждениям, обобщающим общественное мнение по тем либо иным вопросам социальной жизни.

Таким образом, мощность фактора определяется не только качественными показателями, которые характеризуются его местом в общей системе факторов и в системе, присущей данной отрасли законодательства, но и силой воздействия того или иного фактора в конкретной ситуации, которая подлежит количественному исчислению. Степень влияния фактора в анализируемых условиях зависит от активности участников процесса создания правового нормативного акта — носителей соответствующего интереса и может быть определена как число совпадающих предложений, поступивших в связи с разработкой определенного законопроекта либо его отдельных положений от всех субъектов его создания.

Характер воздействия, который оказывают друг на друга социальные факторы, обуславливающие возникновение проблемной ситуации и ее надлежащее разрешение, определяется не только числом взаимодействующих факторов, их мощностью и направленностью, о чем уже говорилось выше, но и устойчивостью действия отдельных факторов, т. е. постоянным или временным характером их влияния.

При выведении общего результата взаимодействия всей относящейся к рассматриваемой проблеме совокупности факторов законодатель обычно абстрагируется от действия временных факторов, если их мощность не очень велика. Тем самым достигается необходимая стабильность законодательства, особенно важная применительно к правовым нормативным актам высшего уровня иерархии — законодательным актам.

4. Выявлению и учету социальных факторов правотворческой деятельности способствует проведение соответствующих эмпирических исследований. Такие исследования могут осуществляться государственными, общественными и научными учреждениями в связи с предполагаемыми реформами законодательства в той или иной сфере, а также в порядке проверки эффективности ранее изданных нормативных актов. В ходе проведения таких исследований объектом изучения могут оказаться отдельные отрасли, подотрасли либо институты законодательства, а также ранее принятые, либо подготовленные правовые нормативные акты.

Интересные результаты способны дать сравнительное изучение материалов параллельно проводимых исследований социальной обусловленности двух и более институтов (подотраслей) одной или нескольких смежных отраслей законодательства, например уголовного законодательства и законодательства об административной ответственности либо земельного, лесного и водного законодательства и др.

Методология изучения социальных факторов правотворческой деятельности базируется на принципах системного (структурно-функционального) и социологического анализа. В процессе исследования юридические понятия и категории, относящиеся к социальному механизму правотворчества, должны органически подкрепляться социологическими данными, полученными в ходе сбора, обработки и качественно-количественного анализа эмпирической информации.

На первом (предварительном) этапе исследования главное место займет разработка программы конкретно-социологического исследования социальных факторов правотворческой деятельности. В ходе ее подготовки должна проводиться операционализация применяемых понятий,

¹ Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 239.

прежде всего таких, как правотворческая деятельность, ее виды, стадии, этапы и процедуры; система социальных факторов, включающая их ранжировку; понятие и виды социальных интересов, в которых находят свое отражение факторы правотворческой деятельности; уровень взаимодействующих в процессе принятия правотворческого решения социально-политических и государственно-правовых организационных систем, который может быть общегосударственным, ведомственным, территориальным, социально-групповым и т. д.

Важное значение в ходе разработки программ исследования занимает системное описание механизма действия комплекса социальных факторов на правотворческую деятельность, который понимается как совокупность процессов и явлений, опосредующих влияние факторов на эту деятельность и, в конечном счете, на разработку, принятие, изменение или отмену правового нормативного акта. Описание этого механизма выступает как концептуальный набор гипотез, подлежащих проверке.

На этапе сбора и обработки эмпирической информации о действии социальных факторов правотворческой деятельности целесообразно использование разнообразных методов социологического анализа: опросы экспертов, контент-анализ документации и материалов, опубликованных в специальных журналах и в периодической печати, интервью с работниками государственного аппарата, наблюдение юристов-экспертов за работой постоянных депутатских комитетов и др.

Важным методом сбора первичной социологической информации является контент-анализ, в ходе которого производится объективное и систематическое выявление характеристик изучаемых материалов, соответствующих задачам каждого конкретного исследования. При анализе социальных факторов правотворческой деятельности объектом контент-анализа могут быть последовательные варианты текстов законопроектов, предложения и замечания государственных органов, общественных организаций, научных учреждений, отдельных граждан и трудовых коллективов, сделанные как до начала работы над проектом нормативного акта, так и в ходе его подготовки, согласования, обсуждения и принятия.

5. С помощью специально разработанной структурно-функциональной схемы (так называемого «паспорта фактора»¹) возможно выявление количественных характеристик,

¹ «Паспорт фактора» был разработан В.А. Леванским и апробирован в ходе проведенных эмпирических исследований социальных факторов законодательской деятельности.

которые относятся к действию различных социальных факторов, их числу, направленности и мощности влияния в ходе разработки и принятия конкретного правового нормативного акта, либо применительно к тому или иному институту (подотрасли, отрасли) законодательства.

В «паспорте» получают отражение: название подготавливаемого либо предполагаемого к подготовке проекта нормативного акта, отрасль законодательства, стадия и этап правотворческой деятельности. При этом в «проектном» этапе целесообразно выделение следующих стадий: подготовка текста правового нормативного акта и его предварительное согласование; обсуждение проекта в депутатских комитетах; обсуждение проекта населением; обсуждение проекта в ходе его принятия.

Должны фиксироваться не только родовые и видовые характеристики анализируемого фактора (при этом может быть использована изложенная выше система факторов), но и сила его влияния в конкретной ситуации. Эксперты могут определить это влияние как сильное, слабое или среднее, в том числе в зависимости от того, реализовано или нет (а если да, то полностью или частично) в подготавливаемом проекте либо в уже принятом нормативном акте отражающее этот фактор предложение.

Действие фактора может определяться экспертами также как позитивное либо негативное в зависимости от того, способствовало оно или препятствовало достижению цели, стоящей при подготовке проекта данного нормативного акта или его отдельного нормативного предписания, а на «предпроектной» стадии — при упорядочении анализируемой отрасли (подотрасли, института) законодательства.

В схематическом виде этот документ выглядит следующим образом.

Паспорт фактора

1. Название подготавливаемого или предлагаемого к подготовке правового нормативного акта.

2. Отрасль законодательства.

3. Этап правотворчества (предпроектный, проектный) и стадия прохождения законопроекта в правотворческом органе: подготовка текста законопроекта и его предварительное согласование; обсуждение проекта в комитетах; обсуждение проекта населением; принятие законопроекта.

4. Документ, в котором зафиксирован фактор:

а) название и вид документа;

б) дата;

в) кем внесен документ (конкретное министерство, ведомство, институт, местный орган государственной власти; должность, адрес и социальная принадлежность лица, внесшего документ);

г) мотивы обоснования внесения документа.

5. Род фактора (по классификатору социальных факторов).

6. Вид фактора (краткое содержание нормы, замечания, предложения и т. д. с указанием на то, чьи интересы — общегосударственные, самого правотворческого органа, ведомственные, территориальные, социально-групповые или личные — выражают данная норма, предложение, замечание).

7. Направление воздействия (по мнению эксперта):

а) способствует (позитивное направление) (+),

б) препятствует (негативное направление) (-),

в) оценить затруднительно.

8. Степень влияния (по мнению эксперта):

а) сильное влияние (3);

б) среднее влияние (2);

в) слабое влияние (1);

г) отсутствие влияния (0);

д) оценить затруднительно (=).

В ряде случаев ситуация «предложение принято» соответствует сильному влиянию, ситуация «предложение частично принято» — среднему или слабому влиянию; «предложение отклонено» — отсутствию влияния данного социального фактора.

9. Причина слабого влияния (отсутствие влияния) позитивного, по мнению эксперта, фактора либо причина влияния негативного, по мнению эксперта, фактора (указание адреса фактора-причины).

10. Примечание (связь с гипотезами исследования).

Если в конкретных предложениях проявляются различные социальные факторы, на каждый фактор составляется свой паспорт, а при количественной обработке такие факторы оцениваются взвешенно, соотносясь с содержанием предложения. Главное внимание обращается на фиксацию краткого содержания предложения (замечания, текста) и на указание, кем внесено предложение и чьи интересы оно отражает.

Полученные материалы пригодны для последующей количественной обработки, в том числе и с применением средств вычислительной техники.

6. В результате контент-анализа социальных факторов правотворческой деятельности могут быть составлены статистические таблицы, отражающие в количественной форме влияние каждого социального фактора на разных стадиях и этапах правотворческой деятельности.

Следует отметить, что разные стороны контент-анализа имеют неодинаковую достоверность. Наибольшей достоверностью обладают показатели активности организационных систем разных уровней иерархии, которые фиксируются как число замечаний и предложений, исходящих от граждан, административно-территориальных образований, ведомств, министерств и др. Разделение факторов на позитивные и негативные в большей степени зависит от квалификации экспертов-юристов и потому менее достоверны. Вот почему желательна перепроверка результатов контент-анализа с помощью независимой группы экспертов, работающей с использованием традиционных методов в общей социологии.

Наряду с контент-анализом в ходе эмпирических исследований социальных факторов правотворческой деятельности большое значение имеет также использование метода интервью. Он дает возможность скорректировать результаты количественного анализа сведениями, полученными от компетентных лиц, принимающих непосредственное участие в подготовке соответствующих законопроектов: работников аппарата высших законодательных органов, министерства юстиции, других министерств, государственных комитетов, ведомств, аппарата местных органов государственной власти и др.

На заключительном этапе исследования принципиальное значение приобретают качественные методы анализа полученных данных.

Результаты эмпирического исследования могут подтвердить либо опровергнуть правильность исходных теоретических посылок концепции исследования и положенных в его основание гипотез. При всех условиях проведение таких исследований способствует уточнению и обогащению научных знаний о ходе процесса правотворчества. Соответственно повышается достоверность рекомендаций в адрес правотворческих органов о возможных путях совершенствования действующего законодательства и оптимизации правотворческой деятельности. Тем самым эмпирические исследования социальных факторов правотворчества способствуют в конечном счете повышению эффективности принимаемых нормативных актов.

7. Важной проблемой является социологическое обоснование планов законопроектных работ. Надо сказать, что одним из позитивных моментов в работе прежних законодательных органов было долгосрочное планирование законопроектных работ. Это, в частности, позволяло научно-исследовательским юридическим учреждениям заблаговременно подключаться к работе по обновлению законодательства.

Новый законодательный корпус планирует свою деятельность в лучшем случае на 1-2 сессии парламента вперед. А в результате нередко наспех высказанное мнение, предложение сразу же, без должного обоснования и тщательной проработки «оформляется» в законопроект. Его обоснование зачастую готовится поспешно и потому нередко поверхностно, время для принятия законов определяется произвольно. Несмотря на настойчивые рекомендации специалистов и на то, что идея планирования законопроектных работ на несколько лет вперед (предлагается, в частности, в планах на 2-3 года предусмотреть темы важнейших законопроектов с указанием их разработчиков и сроков подготовки, а на более отдаленную перспективу запланировать общие направления развития законодательства) в принципе ни у кого не вызывает возражений, каких-то сдвигов и в этом вопросе пока что не наблюдается. Между тем очевидно, что без этого нельзя всерьез говорить о научном (а тем более о социологическом) обеспечении законодательства¹.

8. Прогнозирование потребности в правовом регулировании — это та сфера научной деятельности, которая, пожалуй, в наибольшей степени должна привлечь внимание социологии права². Дело в том, что такой серьезный недостаток социального прогнозирования, как нестыкуемость различных прогнозов и отсутствие комплексного подхода к их разработке, особенно негативно сказывается на возможностях научно обоснованного прогнозирования перспектив правового развития. Ведь закон может эффективно действовать, лишь будучи элементом слаженной правовой системы. Поэтому для прогнозирования правового регулирования какого-то отдельного фрагмента социальной жизни, как правило, необходимо иметь комплексное представление о перспективах развития всех связанных с ним элементов системы общественных отношений.

В этой связи сохраняет свою актуальность высказанная ранее специалистами идея создания научного центра по социальному прогнозированию, который, с одной стороны, мог бы дать проводимым различными институтами прогностическим исследованиям общие теоретические и методические ориентиры, а с другой стороны, осуществлял бы синтез результатов отраслевого прогнозирования, обеспечивая комплексный подход к разработке концепции будущего.

¹ Тихомиров Ю.А., Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф. Законотворчество и план // Народный депутат. 1990. № 9. С. 95.

² См.: Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 44 и сл.

§ 3. Закон и общественное мнение

1. Последние годы характеризуются заметным усилением влияния общественного мнения на законодательство. Именно поэтому исследование общественного мнения должно занять особое место в системе комплексного социологического обеспечения законотворчества¹.

Сложностью и многогранностью феномена общественного мнения, по-видимому, следует объяснить тот факт, что существуют столь многочисленные и разнообразные определения². Как правило, эти определения страдают односторонностью, в них в силу различных обстоятельств в качестве «точки отсчета» берется какая-либо одна сторона общественного мнения и не уделяется должного внимания другим, не менее важным аспектам. Как верно замечено, общественное можно и должно анализировать в двух аспектах — с точки зрения предмета, уровня и способов отражения (гносеологический аспект), а также с точки зрения их роли в общественной жизни (социологический аспект). Вряд ли правильно придавать слишком большое значение то одному, то другому из вышеуказанных аспектов³.

Таким образом, гносеологический подход акцентирует внимание на проблемах изучения общественного мнения как способа отражения действительности на определенных уровнях общественного сознания. В рамках социологического подхода больший интерес проявляется к проблемам социальной детерминации общественного мнения, его места, роли и функций, выполняемых в жизни общества.

Существование этих двух подходов в науке оказалось весьма плодотворным для теории общественного мнения. Теоретико-гносеологические исследования позволили установить, например, соотношение общественного мнения с различными формами общественного сознания; в социологических исследованиях общественного мнения, в частности, был доказан его действительно практический характер.*

¹ Подробнее см.: Лапаева В.В. Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1989. № 10.

² Обзор определений общественного мнения см. в следующих работах: Уледов А.К. Структура общественного сознания. М., 1968; Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967; Ошеров М.С., Спиридонов Л.И. Общественное мнение и право. Л., 1985; Ефремова Г.Х., Лежава Г.Ш., Ратинов А.Р., Шавгулдзэ Т.Г. Общественное мнение и преступление. Тб., 1984. и др.

³ Коробейников В.С. Пирамида мнений. М., 1981. С. 8-9.

Сейчас довольно широкое распространение в научной литературе получило понимание общественного мнения как состояния массового сознания.

Следует, однако, отметить, что хотя категория «массовое сознание» вошла в понятийный аппарат социологической теории общественного мнения, она до последнего времени оставалась неопределенной, расплывчатой. Более того, такое положение создавало предпосылку отождествления этого понятия с понятием общественного мнения, и ранее употреблявшегося в социологии и социальной психологии. В этой связи была предпринята попытка операционализации феномена массового сознания в условиях реформирования общества и его структурирования¹.

В этой связи было предложено выделить в структуре массового сознания два слоя: квазиидеологию и уровень обыденного сознания.

Распространенность идеологии — существенная, но не единственная характеристика массового сознания. Его содержание богаче и разнообразнее. Здесь есть место и социально-психологическим образованиям, и самостоятельно полученным опыту и значению масс. Да и сама идеология в толще массового сознания приобретает новые формы и способы существования, трансформируясь в особое состояние, которое можно было бы условно назвать квазиидеологией, т. е. подобием идеологических концепций, существующих иначе, чем на уровне специализированного сознания.

Общественное мнение на уровне обыденного сознания нередко формируется под влиянием слухов, неадекватного понимания частью населения естественных трудностей общественного развития. Иными словами, обыденный уровень массового сознания в современных условиях содержит значительные элементы стихийности, иллюзорности.

И в этом нет ничего удивительного, поскольку стремительное развитие политических и экономических процессов опережает, опрокидывает устоявшиеся стереотипы и догмы массового сознания, в том числе в сфере политических и правовых отношений.

Теперь стало очевидным, что в нашем обществе формируется и функционирует разнородное общественное мнение. Подобный плюрализм общественного мнения имеет объективные предпосылки. Их необходимо искать в различиях экономического, социального и культурного характера, а также в

¹ См.: Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. Новосибирск, 1987. С. 19-25.

тех различиях между людьми, которые обуславливаются естественными социально-демографическими факторами (различия по полу, возрасту, семейному положению и т. д.).

В основе определяющих различий между слоями, отрядами, группами лежит их особое социальное положение. Отсюда специфические интересы у лиц данной группы, которая тем самым выступает в качестве социального субъекта. Близость интересов социальных субъектов определяется общим принципом их выделения — характером разделения труда. Это обуславливает и сходство социальной активности составляющих группу индивидов. Сдвиги же в социальном характере разделения труда сказываются на степени дифференцированности социальной структуры, воздействуют на социальный интерес, а также на активность социальных субъектов.

Таким образом, существование в обществе на современном этапе специфических интересов у различных социальных общностей обуславливает различия в оценочном отношении к тем или иным явлениям и фактам общественной жизни, порождает неоднозначность и разнохарактерность общественного мнения.

2. При разработке концепции правовой новеллы законодатель необходимо опираться на обширный комплекс социологических знаний, который в идеале должен охватывать теоретические и эмпирические данные о наличии социальной проблемы, требующей правового решения, результаты исследований эффективности действующего в данной области законодательства, материалы поисковых прогнозных разработок (основанных на экстраполяции существующих тенденций) и альтернативных нормативных прогнозов (т. е. прогнозов эффективности различных вариантов решения проблемы). Каждое из этих направлений исследований в той или иной мере должно включать в себя изучение общественного мнения, ориентированное на выявление оценки существующего положения дел в соответствующей сфере социальной жизни, его возможной реакции как на сохранение этого положения (т. е. сохранение прежнего режима правовой регуляции), так и на социальные последствия новых правовых решений.

Могут проводиться также и специальные опросы общественного мнения, направленные на выявление отношения граждан к тем или иным идеям и положениям концепции правовой новеллы. Однако было бы неверно преувеличивать, а тем более абсолютизировать (как это иногда делается) значение оценок (или результатов опросов общественного мнения по поводу концептуальных моментов правовых решений. Науке хорошо известно, что общественное мнение далеко

не всегда может достаточно компетентно судить о сложных проблемах социальной жизни. Еще Гегель в свое время остроумно заметил, что «в общественном мнении все ложно и истинно, но найти в нем истинное есть дело великого человека»¹.

Вряд ли было бы уместным ждать от общественного мнения прямого ответа на концептуальные проблемы, неясные для самого законодателя. Такого рода ответы законодатель должен получать от науки в виде гипотетической концепции (или набора альтернативных концепций) правовой новеллы. Роль исследований общественного мнения на данном этапе заключается в том, чтобы дать этим теоретическим гипотезам надлежащую эмпирическую верификацию. Для подобной верификации необходимо найти такую стыковку научного знания, представленного в концепции закона, с обыденным знанием населения, при которой это обыденное знание было бы выявлено именно в сфере своей наибольшей компетенции, т. е. там, где затрагиваются близкие, понятные людям вопросы, непосредственно связанные с интересами и потребностями их повседневной жизни. Определить сферу компетенции общественного мнения применительно к каждому конкретному случаю — специальная задача социологии.

3. Мы уже отметили, что социологическое обеспечение работы над проектом нормативного акта должно быть направлено на выявление меры согласия с основными положениями законопроекта той части общества, интересы которой он затрагивает. Момент согласия, поиска консенсуса в обществе имеет принципиальное значение для законодательства. Ведь закон — это общая норма, выражающая всеобщий интерес. Поэтому объективная природа законодательского процесса требует согласования воли и интересов, которое могло бы обеспечить устойчивость и стабильность социальной системы.

В данной связи следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Общественное мнение в силу своей оценочной природы всегда несет в себе определенную оценку того или иного социального явления, составляющего предмет суждений общественного мнения. В этом смысле результат опросов общественного мнения всегда фиксирует меру согласия или несогласия субъектов этого мнения с какими-то суждениями по поводу данного предмета. Однако для законодателя необходима в первую очередь та информация, которая дает представление об общественном согласии на уровне интересов. Это означает, что в исследовании общественного мнения, направленном на социологическое обеспечение законопроекта,

следует так определить предмет исследования (точнее предмет суждений исследуемого общественного мнения), чтобы он был непосредственно связан с коллизией интересов, затрагиваемых и актуализируемых введением в действие данной правовой новеллы.

В современных условиях нестабильной социально-политической жизни особенно наглядно проявляются противоречия между интересами различных социальных групп, наций и народностей. Из-за известной неразвитости нашей социологии мы зачастую не располагаем надежными эмпирическими данными, характеризующими содержание и интенсивность разногласий. Однако эта весьма существенная для законодательства проблема в какой-то мере восполняется в ходе работы законодательных органов — федерации и республик, ставших трибуной для выражения через народных представителей позиций и интересов различных групп и слоев общества.

Высказывания общественного мнения нередко могут показаться противоречивыми, ложными, не соответствующими научным представлениям о предмете суждений. В этих случаях легко поддаться искушению объявить общественное мнение некомпетентным, искаженным идеологическими догмами, примитивными стереотипами обыденного мышления и т. п. Но если социолог за этими противоречиями, несогласованностями сумеет обнаружить реальные коллизии интересов людей, то он найдет в общественном мнении ту истину, в которой нуждается законодатель.

Так, например, при оценке гражданами акта об амнистии, принятого в 1994 г., более 40% опрошенных заявили, что после амнистии политическая ситуация в стране ухудшится. Авторы закона объявили это мнение некомпетентным. Но, как показала жизнь, преступность после издания этого акта продолжала возрастать. Видимо, отрицательное социально-психологическое значение освобождения правонарушителей не было должным образом учтено инициаторами закона.

4. Отсутствие независимых социологических центров и служб, которые могли бы проводить параллельные исследования по сходной тематике (обеспечивая таким образом взаимный контроль за их результатами), создает условия для возможности дезинформации законодателя из-за низкого качества исследований и в результате разного рода манипуляций с помощью социологической информации. Ситуация усугубляется еще и тем, что социологические данные, ставшие в последнее время столь «модными», охотно принимаются к опубликованию. При этом публикации (как в широкой прессе, так и в печатных органах научного профиля) зачастую не сопровождаются

¹ Гегель. Философия права. Л.; 1934. С. 338-339.

необходимыми указаниями на объем выборки, размер возможной ошибки, методы проведения исследования и т. д., что лишает приводимые данные какого-либо научного знания. И такие весьма сомнительные сведения, попадая к депутатам, начинают фигурировать в качестве аргументов на заседаниях парламента.

Поэтому, как справедливо полагает В.В. Лапаева, столь необходима организация экспертизы квалифицированными специалистами результатов исследований общественного мнения, осуществляемых в рамках социологического обеспечения законотворчества, а также и материалов иных опросов общественного мнения, получаемых депутатами в период работы высших представительных органов (а такая практика уже сложилась). Думается, что создание постоянно действующей научной экспертизы законопроектов способствовало бы решению и этой задачи. В будущем же осуществление такой социологической экспертизы целесообразно, по-видимому, возложить на парламентскую социологическую службу, которая, наряду с проведением самостоятельных исследований, могла бы взять на себя и контроль за достоверностью результатов исследований общественного мнения, осуществляемых в рамках социологического обеспечения законотворчества иными социологическими центрами.

Проблема интересов, достаточно глубоко разработанная в рамках общей теории права, еще не получила должного развития с позиций конкретной социологии права. Отсутствие соответствующей юридико-социологической теории среднего уровня существенно затрудняет проведение эмпирических исследований. В плане создания такой теории важно иметь в виду, что для правотворчества наибольшее значение имеет тот аспект социологии интересов, который пересекается с предметной областью социологии нормообразования. Ведь для законодателя важен прежде всего нормообразующий интерес, представляющий собой результат согласования интересов различных участников общественных отношений.

Как выявить нормообразующий интерес с помощью эмпирических исследований? Во-первых, можно проследить возможный путь его генезиса, следуя от изучения интересов различных участников социального общения и пытаясь на этой основе сконструировать нормативную модель компромисса. Нормообразующий потенциал смоделированного таким образом общего интереса можно затем проверить путем изучения (с помощью опроса, эксперимента и т. п.) готовности субъектов общения воспринять соответствующую норму.

При всей теоретической значимости этих (и иных аналогичных) путей научного моделирования правообразующего интереса в настоящее время не приходится говорить о возможности их практического применения. Пока что это, скорее, перспективная область научных исследований в рамках социологии права, теоретико-методологические основы которых только начинают разрабатываться. Думается, что со временем на основе таких исследований сформируется одно из важных направлений прикладной законодательной социологии.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Что такое правотворчество? Отличается ли оно от нормотворчества? От законодательной деятельности? Какие акты правотворчества Вы можете назвать?

2. На какие стадии (этапы) можно разделить правотворческий процесс? Можно ли считать стадией (этапом) этого процесса возникновение потребности в правовом регулировании тех или иных отношений? Является ли такой стадией опубликование закона?

3. Что такое теневое нормотворчество? Кем создаются теневые нормы? Кто и почему их соблюдает? Что действует сильнее: официальная или теньевая норма и почему? Приведите примеры.

4. Какие факторы и в какой степени влияют на правотворческий процесс? Можно ли устранить или корректировать их действие? Кому и как следует учитывать действие подобных факторов? Что такое паспорт фактора?

5. Приведите примеры совпадения и, напротив, расхождения законодательного решения с общественным мнением. Кто был прав в случаях расхождения: законодатель или общество?

Глава III

Социальное действие права

§ I. Социальные функции права

1. Для изучения социального действия права необходимо обратить внимание на исходные позиции, характеризующие эту обусловленность: роль права в системе общественных отношений; конкретные функции права и его норм; механизмы действия права; особенности личности участников правовых отношений и правовая культура.

По всем этим позициям ситуация в нашей стране за последнее десятилетие была весьма неоднородной. Остановимся прежде всего на роли права (закона) в государственной и общественной системе.

Во всяком государственно-организационном обществе существует правовая система, целью которой является поддержка и защита социально-экономического строя, воли и интересов различных классов, слоев и групп общества, создание и поддержание правопорядка. Существовавшая у нас идеология по-разному оценивала роль права и законодательства в жизни общества; об этом упоминалось выше. Что касается последних десятилетий, то можно вполне определенно констатировать не только признание важности, но и настойчивое подчеркивание того, что оно совершенно необходимо для развития общества, поскольку обеспечивает защиту прав личности, стабильность, порядок и организованность, реализацию перспектив социального и экономического развития.

Нельзя вместе с тем не отметить этатистского крена в такой постановке вопроса. Право больше рассматривалось прагматически, инструментально, а не как самостоятельная ценность.

В политических документах 70-х — начала 80-х гг. и в научной литературе подчеркивалось, что наша правовая система должна соединить в себе социальную ценность и эффективность как на уровне правовой нормы, так и на уровне системы в целом. Общим показателем социальной эффективности правовой системы признавалась ее «реализованная ценность», т. е. состояние законности, уровень социальной активности личности, социальных групп, общества в целом¹.

¹ О связи между социальной ценностью и эффективностью см.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1976; Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977.

Вместе с тем проблема защиты прав человека освещалась явно не достаточно.

Признание важности и социальной ценности права повлекло за собой разработку проблемы природы и функций правовой системы. Так же, как и эффективность правовых норм, правовых институтов и права в целом в достижении социальных целей эта проблема тесно связана с воздействием права на социальную действительность.

2. Само по себе понятие «функция» достаточно разнообразно и даже противоречиво. В литературе насчитывается несколько значений, которые имеет это понятие в современных социологических исследованиях: выражение зависимости при взаимодействии между двумя или более переменными факторами; совокупность процессов, происходящих в рамках объекта исследования (например, функционирование органов юстиции); желаемый результат какого-либо социального действия, процесса, явления, совокупность всех, — как ожидаемых, так и побочных — последствий действия, процесса, явления.

Мы будем исходить из понятия функции, которое применяется для обозначения ведущих, важнейших для социальной системы, определяющих процессов, осуществляемых всей системой в целом. Цель структурно-функционального анализа в этом случае — объединение изучаемых факторов, процессов путем установления их значения для больших социальных структур, частью которых они являются. Целью правовой системы должно быть утверждение, защита, обеспечение прав личности и интересов общества, регулирование социального, политического и экономического развития на всех уровнях общественной структуры, социальных групп, коллективов, классов, общества в целом.

С этих позиций сначала рассмотрим некоторые теоретические положения, выдвинутые в связи с понятием функции права.

Наиболее общим образом функция права определяется как «обусловливаемое социальным назначением права направление его воздействия на общественные отношения»¹.

Применительно к отдельной отрасли права можно выделить еще один аспект понятия функции, не охватываемый приведенным определением. Речь идет о воздействии одной отрасли права на другую, о функциональных зависимостях отраслей права между собой. Все эти зависимости должны изучаться в рамках проблемы функций права.

¹ Радько Т.Н. Функции права // Общая теория права. Н-Новгород, 1993. С. 267.

Широкая трактовка функций права исходит из рассмотрения права, а также его отраслей как элементов не одной, а целого ряда общественных систем (общество, политическая система, сфера общественной жизни, трудовой коллектив, семья и т. д.). То, что отрасли права и право в целом могут рассматриваться в качестве элементов разных систем, сомнению не подлежит.

В юридической науке господствует, однако, иное представление о функциях права. Обычно в теории права выделяются регулятивная и охранительная функции права. Очевидно, нельзя отрицать возможность такой классификации функций, поскольку она важна для познания специфики регулирующего воздействия отдельных правовых норм, отдельных институтов и целых отраслей права на общественные отношения. Она исходит из собственных свойств права и позволяет дать юридическую характеристику действия права. Но она недостаточна для понимания и раскрытия социального назначения права, его активно-творческой роли в преобразовании общественных отношений. Функцию можно рассматривать и как внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений¹. Иными словами, функции выражают направления обратного воздействия права на общественные отношения, а показателем их реализации служат экономические, социальные, политические, идеологические и иные последствия, которые наступают в результате действия права.

Мы полагаем, что классификация функций права на регулятивную и охранительную соответствовала тому периоду в развитии правовой науки, когда она занималась исследованием преимущественно внутривидовых проблем. Однако в последние годы юридическая наука вышла за пределы нормативной теории права, стала в большей мере исследовать вопросы социального действия права, его реального влияния на общественные отношения. В этих условиях обнаружилась явная узость прежнего подхода к пониманию функции права. Потребность в более глубоком познании функций права заставила перейти от формальной их классификации к содержательной.

Тезис о связи правовых функций с функциями государства рассматривался очень часто, но довольно одномерно. Подчеркивалось положение о том, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»², но соотношение права и государства всегда

трактовалось в пользу последнего. Выполняет ли право самостоятельные функции или оно лишь реализует функции государства?

3. Как стало ясно в последние годы, характеристика права только как формы государственной деятельности умаляет его социальную ценность и принижает его роль в жизни общества. Право с его специфическими свойствами воздействия на поведение людей (нормативность, обязательность, определенность предписаний) оказывает прямое и непосредственное влияние на различные сферы человеческой деятельности, содействует достижению социально полезных целей, которые могут быть получены в результате именно нормативно-правового регулирования. К этому следует добавить, что право должно выполнять роль организующего фактора по отношению не только к гражданам, но и к самому государству, его органам и должностным лицам. Это вытекает из ведущего принципа правового государства: взаимной ответственности государства и гражданина. Все это дает основание утверждать, что право, имея тесную связь с государством, представляет собой социальную ценность и выполняет самостоятельные функции в обществе.

4. При характеристике состава и классификации функций права необходимо, на наш взгляд, исходить из следующих посылок:

— право как надстроечное явление в конечном счете детерминировано материальными условиями жизни общества и с изменением этих условий преобразуются его функции. В этом смысле функции права производны от системы общественных отношений, облакаемых в правовую форму, хотя и зависят от специфических свойств и содержания самого права;

— право — продукт сознательной деятельности людей, направленной на обеспечение и охрану личности, социальных групп и классов, достижение общих целей социального развития. В этом смысле правовое регулирование общественных отношений так или иначе связано с решением задач, которые ставит перед ним общественная жизнь на данном этапе исторического развития;

— право является одним из элементов социальной системы, оказывающих влияние на все ее составные части.

Вот почему функции права необходимо рассматривать в единой системе социального управления и в неразрывной связи с экономическими, собственно социальными, политическими и идеологическими факторами общественного развития. Объективным критерием классификации его функций могут служить основные виды общественных отношений,

¹ Философский словарь. М., 1975. С. 448.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

определяющих структуру общества. Право имеет самостоятельное значение в жизни общества и выполняет свои функции методами и средствами, соответствующими его свойствам и месту в общественной структуре.

5. Изучение функций правовой системы является одним из направлений анализа ее социального действия. Такой подход основывается на том, что:

— изучение важнейших функций правовой системы по существу есть изучение закономерных связей отраслей права и правовых институтов с регулируемыми ими общественными отношениями;

— исследование функций права является по преимуществу качественным анализом социального действия права, в то время как, например, исследование эффективности правового регулирования предполагает широкое использование количественных методов;

— функции правовой системы должны исследоваться в целом, а не только применительно к отдельным отраслям и институтам;

— изучение функций права устраняет элемент субъективизма, который связан с оценкой результатов действия правовых норм в сравнении с их целями.

Надо принять во внимание, что даже социальное управление в целом вряд ли можно характеризовать только как целенаправленную деятельность. Следует говорить о динамическом соотношении систем принятия решений и других видов общественных действий, которые можно назвать незапланированными, стихийными. Последнее имеет отношение и к правовому регулированию. Правовые нормы — это не разовое управленческое решение, а действующее длительное время предписание, которое воздействует на мотивацию человеческих поступков. И принятие правовой нормы — это не только, а подчас и не столько средство достижения конкретной цели, сколько изменение социальной ситуации, в которой действуют люди. Поэтому оценка эффективности права с точки зрения достижения цели носит ограниченный характер. Ограниченность оценки эффективности правовых норм преодолевается исследованием реальных функций права, его отраслей и институтов, включая нежелательные последствия действия нормы.

6. Каковы же основные функции правовой системы, ради которых создается, а затем и применяется законодательство? Ведущей, основной и определяющей является функция интеграции, сплочения социальных образований (групп, классов, наций и народностей, всего общества). Правовая система

путем взаимодействия со смежными социальными системами, — экономической, политической, моральной и другими, — должна действовать для достижения основной цели — социального и национального согласия и обеспечения и защиты интересов человека, а тем самым и всего общества. Она организует и стимулирует поведение и деятельность людей таким образом, чтобы они были солидарны с прогрессивными общечеловеческими демократическими нормами.

Все остальные функции являются вспомогательными, дополнительными по отношению к этой основной и ведущей функции права. Такая постановка вопроса соответствует современным социально-экономическим и политическим реалиям, ибо позволяет решить приоритетную задачу достижения юридического консенсуса как адекватного понимания смысла и ценности правовых предписаний всеми членами общества. Тем самым право обеспечивает включенность коллективов и индивидов в единую систему социальной организации.

Правовая система должна служить инструментом интеграции элементов политической системы, укреплению связей между ними, быть юридической основой деятельности общественных организаций, функционирования трудовых коллективов, базой непосредственной демократии. Именно с этих позиций следует оценивать социальную значимость и эффективность правовой формы, предпочтительность того или иного метода регулирования данного комплекса общественных отношений. Это означает, что правовая система может успешно выполнять в обществе задачи не только по укреплению и упрочению господствующего правопорядка, но и эффективно обеспечивать другие важные задачи, в частности, функции социального сплочения и обеспечения контроля за поведением людей. В конечном счете реальное наполнение этих функций общественно-полезным содержанием зависит от типа социально-экономической формации, от того, интересы каких слоев населения защищаются с помощью права, какие цели преследуют в своей внутривнутриполитической деятельности государство и его органы.

Правовая система не должна ставить себя над обществом. Напротив, источник развития правовой системы может быть только в самом обществе, которое способно использовать право для преобразования общественных отношений и в особенности для развития самоуправления, как высшей формы руководства общественными делами. При этом общественная система и создаваемые ею правовые гарантии должны способствовать расцвету, а не подавлению личной самостоятельности, предоставлять каждому право выбора

профессии благодаря разумно направленному воспитанию и высокому уровню культуры и образованности. К сожалению, за многие годы и десятилетия в нашей стране этого не было осуществлено.

7. Регулятивная функция правовой системы выражается в наделении субъектов правоотношений определенной суммой прав и обязанностей как по отношению друг к другу, так и по отношению к государству и его органам. Регулятивное воздействие правовых норм составляет существенную особенность правового воздействия.

Вместе с тем преувеличенное значение регулятивной функции было господствующим в определенный период, а именно в эпоху административно-командной системы, когда государство практически жестко вмешивалось и регулировало все сферы общественной и духовной жизни, включая идеологию, образование и культуру. Причем это делалось с помощью принуждения во всех его сферах, хотя в лозунговом виде на первое место и ставилось убеждение.

Между тем характеристика регулятивной роли права этим не ограничивается; оно предполагает не только закрепление, но и развитие и охрану складывающихся общественных отношений, стимулирование новых форм собственности, распределения и обмена и т. д. Регулирование предполагает и упорядочение того, что уже сложилось, было апробировано на практике и получило общественное признание как социальная ценность. В этом смысле можно утверждать, что регулятивное воздействие подкрепляется охранительным.

Надо подчеркнуть, что правовая система обеспечивает регулирование не только посредством установления обязанностей, запретов и дозволений, но и путем создания позитивных стимулов для общественно-полезной деятельности, создает предпосылки развития гражданско-правовой активности. С этих позиций можно утверждать, что в регулятивной функции права находит наиболее полное воплощение единое организующее начало, свойственное политическим решениям, принимаемым государством и его органами и осуществляемым в правовой форме.

Основу регулирования создает законодательная деятельность государства. Но каким бы разветвленным и совершенным ни было действующее законодательство, оно никогда не в состоянии охватить все многообразие общественных отношений. Применительно к регулированию в различных сферах человеческой деятельности всегда будут возникать пробелы, коллизии и неясности. Поэтому важнейшую роль в осуществлении регулятивной функции выполняет правоприменительная

система. Следовательно, нормоустановительная деятельность не завершает проблему регулирования, а лишь формирует ее основные принципы, создает общие условия и предпосылки для конкретного регламентирования.

В окончательном виде правовое регулирование получает выражение в том массиве конкретных решений, бремя ответственности за которые берут на себя должностные лица и органы, осуществляющие применение права. Социально-правовые исследования показали, что эта сторона функционирования правовой системы была у нас гипертрофирована. Ведомственные инструкции не только количественно многократно превзошли законотворчество, но и по содержанию нередко подменяли, а то и отвергали закон.

8. Коммуникативная функция правовой системы представляет особый интерес. Одно из основных понятий современной общественной науки — понятие информационно-причинной связи, имеющей большое значение и в плане управления общественным развитием. Известно, что социальная жизнедеятельность индивидов органически связана с получением, восприятием, усвоением (переработкой), хранением и использованием социальной информации. Правовая информация является одной из разновидностей социальной информации, имеющей прескриптивный, предписывающий характер. При помощи юридических норм доводится до сведения участников общественных отношений позиция государства о требуемом, дозволенном или запрещенном поведении. Таким образом граждане информируются о средствах и способах достижения необходимых результатов, в своей деятельности — личной или общественной — о последствиях нарушения правовых предписаний. Подробнее на этих вопросах остановимся ниже.

9. Охранительная функция правовой системы определяется необходимостью защиты общественных отношений, охраны интересов гражданина, социальной группы, всего общества.

Охранительная функция, как и регулятивная, опирается на весь комплекс правовых норм, поскольку установление любого правила поведения, в том числе и позитивного, одновременно содержит в себе и требование к участникам общественных отношений действовать в соответствии с этим правилом. Однако охранительный аспект во многих правовых нормах непосредственно не обнаруживается, поскольку их главная задача заключается не в том, чтобы запретить, а в том, чтобы указать варианты действий, совершение которых поощряется в общих интересах. Основное назначение охранительной функции — предотвращение правонарушений.

Этой цели служат такие правовые средства, как запреты совершать действия, нарушающие права граждан, общественных организаций и государства, формулирование составов правонарушений, установление санкций и т. п. Таким образом, юридические условия и предпосылки для развития нормальных общественных отношений создаются прежде всего самим фактом издания норм, предостерегающих от совершения наказуемых поступков путем угрозы наступления неблагоприятных последствий. Главной отличительной чертой охранительных правоотношений является то, что в их рамках применяются меры государственного принуждения, реализуется юридическая ответственность.

Несмотря на то, что в основе действия охранительной функции лежит принуждение — в смысле установления запретов и санкций за правонарушения, — ее содержание этим не исчерпывается. Охранительная функция обеспечивает также восстановление нарушенного права в рамках закона и в пределах возможного. Поэтому содержательное значение санкций не ограничивается наложением кары в виде уголовного или административного наказания. Речь может идти и о системе правосоставительных действий, к которым принуждается непосредственный причинитель ущерба — гражданин, должностное лицо или организация, и о системе мер вспомоществования, которые государство и его органы осуществляют по собственной инициативе. Так, в сфере уголовно-процессуальных отношений охранительная функция права выражена в трех типах реализации ответственности: в виде мер правообеспечительных, правоохранительных и правосоставительных, к которым относится, в частности, отмена незаконного приговора, возмещение материального и морального ущерба, восстановление справедливости и т. п.¹

В зависимости от характера субъективных прав и юридических обязанностей нормы подразделяются на три вида: обязывающие, запрещающие и управомочивающие. Это разделение правовых норм по форме и характеру их воздействия на поведение субъектов правоотношений обусловлено исторически. Согласно традиционному представлению римских юристов задача права, его действительность заключались в том, чтобы «повелевать, запрещать, разрешать, карать»². Очевидно, что карательное воздействие норм права, хотя является

его функциональной характеристикой, все же имеет производное значение как альтернативы на случай неисполнения обязывающих и запрещающих норм либо злоупотреблений при использовании управомочивающих норм (превышение власти, совершение действий или издание актов, нарушающих закон). Это производное, второстепенное место наказания по сравнению с позитивным правовым регулированием еще далеко не стало очевидным в нашей теории и особенно в юридической практике.

§ 2. Механизм социального действия права

1. «Все законы писать, коли их не исполнять», говорит русская пословица. И это справедливо: жизнь права — не в текстах кодексов и постановлений, а в реальных отношениях людей, соблюдающих (или нарушающих) правовые нормы.

С социологической точки зрения вопрос о реализации права — это вопрос о путях обратного воздействия юридической формы на социальное содержание.

Дать социологическую характеристику действия права — значит, опираясь на его материальные истоки, исследовать влияние экономического и других социальных факторов на сформировавшееся право в процессе его действия, а также характер воздействия права на различные сферы общественной жизни.

Под социальным механизмом действия права, пишет В. В. Лапаева, «мы понимаем механизм взаимодействия правовых и иных социальных факторов, принимающих участие в жизни права на всех этапах его функционирования». Речь идет, как поясняет автор, о социальной среде действия права, ее структуре, связи ее элементов с правом¹.

При этом необходимо представить социальное действие как процесс и как систему, выявить ее элементы, вскрыть существующие между ними взаимосвязи, показать характер их взаимодействия, динамики, т. е. дать характеристику механизма социального действия права.

В науке, как известно, достаточно разработана проблема механизма правового регулирования. В нем выделяют три основных элемента: юридические нормы, правоотношения и

¹ Подробнее см.: Петрухин И. Л. Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности // Сов. государство и право. 1984, № 14. С. 83-84.

² Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 32.

¹ Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 93.

акты реализации прав и обязанностей¹. В данном случае налицо именно юридический механизм действия права. При этом социальный его аспект лишь подразумевается, но не объясняется. Можно усомниться также в необходимости выделения третьего элемента (акты реализации права), ибо права и обязанности реализуются в правоотношениях, т. е. второй и третий элементы совпадают. Если же считать, что субъективные права могут реализовываться не только в правоотношениях, но и в правовых связях, то и в этом случае юридическая модель механизма правового регулирования может быть представлена в виде взаимосвязи двух элементов: юридических норм и правовых связей (в том числе и правоотношений).

Следует заметить, что признание правового регулирования юридической нормы в качестве исходного элемента механизма в известной мере препятствует анализу процесса действия, особенно его социологическому объяснению, если, например, учесть, что механизм может и не сработать по заданной схеме: может не возникнуть юридический факт, норма может оказаться мертворожденной, экономически и социально не обусловленной, в силу чего на ее основании могут и не возникнуть правоотношения, объективная норма может не реализоваться в субъективном праве и т. п. Но для предупреждения возможных отклонений необходимо объяснить их причины. Представляется, что в этом немалую помощь может оказать социологический подход к праву.

2. В литературе было высказано справедливое соображение, что социальный аспект механизма действия права предполагает исследование прежде всего социальных обстоятельств, находящихся вне самого механизма, но которые так или иначе его детерминируют и на которые этот механизм призван оказывать обратное воздействие, а также социальных факторов и процессов, включенных в сам механизм действия права, также определяющих его юридическую и социальную действительность².

Вместе с тем была предложена и структура механизма действия права, выделяющая в нем: управляющие социальные системы (механизм государственного и социального управления, нормы права); социальные факторы (социально-экономические, политико-идеологические, социально-демографические, ситуационные); передающие системы (информационные,

нормативно-ценностные, социально-психологические); регулируемые социальные системы (личность, группа, коллектив, общество), и, как результат, правомерное и социальное активное поведение.

Отдавая должное детальному характеру этого исследования, надо, тем не менее заметить, что взаимодействие указанных элементов, точнее факторных блоков, отнюдь не содержит гарантии того, что юридические предписания на всех уровнях будут переведены в правомерное и социальное активное поведение. Едва ли механизм действия права можно ограничить только таким — идеальным — вариантом функционирования.

Конечно, это оптимум социального действия права, но если не замечать того, что возможны сбои в социальном управлении, и недостаточно обоснованным может быть законотворчество, что возможны различные нарушения в механизме передачи правовой информации, что существует серьезная противоречивость различных интересов, и бывает практически непредсказуемо действие ситуационных факторов — едва ли будет объясним тот факт, что отнюдь не всякое правомерное поведение является одновременно и социально активным, а тем более то, что иногда правовые предписания вообще не воплощаются в правомерном поведении.

3. С учетом вышеизложенного представляется необходимым выяснить следующие моменты: формы правового воздействия, средства правового воздействия, стадии социального действия права.

Формы правового воздействия. Наиболее специфической формой является правовое регулирование общественных отношений путем предоставления прав и возложения обязанностей на субъектов. Видимо, это наиболее изученная форма правового воздействия. Может ли социология права от нее абстрагироваться? Едва ли. Можно даже утверждать, что именно от характера специфически юридического воздействия во многом зависит характер иных форм.

Психологическое воздействие¹. Юридическая наука, а тем более социология права должна видеть за субъектами права конкретных личностей, которые обладают соответствующим психологическим статусом.

Вступление личности в правовое общение предполагает сопряжение ее интересов с интересами других людей, а также формирование определенного отношения личности

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. С.27.

² Явич С.Л. Об исследованиях механизма действия права // Советское государство и право. 1973. № 8. С.26-32.

¹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1992. С.87-107.

к действующим юридическим нормам. Это отношение не сводится к простому приспособлению к ним, к простому акту подражания, а является сложным отношением действия и противодействия существующим нормам, их принятия или отторжения, выполнения, игнорирования, нарушения, фактического или только формального следования им и т. д.¹

Надо признать, что в условиях прогрессивных правовых систем, а таковыми, видимо, следует считать системы, в которых изданные государством юридические нормы максимально соответствуют объективным социально-экономическим потребностям (т. е. являются истинными)², и, следовательно, могут самореализовываться (воплощаться без приказа государства) в субъективном праве, существует максимально высокая степень согласованности между требованиями норм и персональной психологической направленностью личностей.

Можно заметить, что в случаях, когда на позитивную психологическую предпосылку, которая есть проявление соответствия между правовой установкой личности и предъявляемыми к последней правовыми требованиями, накладывается фактор позитивной деятельности этой личности в соответствии с ее установкой и с правовыми требованиями, то можно, видимо, говорить о правовой активности личности как наиболее ценной форме правомерного поведения.

Если, далее, в психологическом статусе личности преобладает апатия по отношению к правовым требованиям, то это ведет к конформному виду правомерного поведения. С формально-юридической точки зрения это нормально, ибо поведение субъекта соответствует требованиям юридических норм. С социологических позиций — это недостойное поведение, ибо соответствие его нормам носит формальный характер. Но оно ущербно потому, что в связке «психологический настрой личности — требование нормы» первое звено пассивно, а отсюда нет гарантии того, что отсутствие четкой позиции личности по отношению к праву не превратит это безразличие в отрицательное отношение к правовым требованиям, а это уже половина пути к неправомерному поведению.

В этом плане столкновение психологической установки личности с требованиями юридических норм является непосредственной предпосылкой правонарушения, хотя это еще также формально правомерное поведение. Речь в данном случае идет о так называемом маргинальном (пограничном)

1 Пеньков Е.М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972. С.94.

2 См.: Баранов В.М. Истинность правовых норм. Саратов, 1989.

состоянии. Но здесь грань между правом и антиправом уже слишком тонка, и переход к активной деятельности, т. е. наложение на отрицательную психологическую установку в отношении права отрицательной деятельности, свидетельствует о противоправном поведении, о правонарушении, которое должно влечь за собой юридическую ответственность.

Теоретический анализ различных видов отношения личности к праву, правовых позиций личности имеет немаловажное значение и для конкретной социологии¹.

Результатом психологического воздействия права становится формирование образа права, т. е. «обобщенной, эмоционально окрашенной формы отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах, методах их проведения в жизнь и об органах юстиции»². Образ права — это, по всей видимости, своеобразный слепок правосознания, его конкретность. Разумеется, на формирование образа права оказывают влияние законы, деятельность правоохранительных органов и пр. Но едва ли этим можно ограничиться. Конечно, поскольку речь идет о психологическом воздействии права, характеризующем в определенном ракурсе механизм социального действия права, то уже предполагается оформленность последнего в законах, в юридических нормах.

Следовательно, непосредственно образ права формируется именно под воздействием самих законов и практики их проведения в жизнь. Но, с одной стороны, законы, если они являются воплощением права, а не произвола, должны быть слепком, отражением объективных правовых потребностей общества, а с другой стороны, деятельность по применению законов не может не испытывать на себе влияния самых разнообразных неправовых, но связанных с правом факторов. И то, и другое необходимо учитывать при характеристике формирования образа права. В данном случае особо хотелось бы подчеркнуть, что категорию «образ права» нельзя трактовать формально. Это не просто результат влияния норм закона и юридической практики (в узком смысле). Такое влияние имеет более широкий социальный контекст.

Было бы неверно ограничивать психологическое воздействие права лишь пределами личностного уровня, тем более

1 См.: Личность и уважение к закону. М., 1979. С.40; Щербак Н.В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986. С.27-28.

2 Швыдак Н.Г. Образ жизни и образ права // Социальное развитие и право. М., 1980. С.5.

что на формирование психологической установки личности по отношению к праву немалое влияние оказывает социальная группа, а также общество в целом. Надо учитывать, что воздействие группы и общества означает не просто зеркальное воспроизведение и восприятие личностью соответствующих правовых позиций социальной группы или общества в целом. Эти позиции опосредуются собственным социально-правовым опытом личности, который получает, таким образом, «личностное положение».

В целом же общественная психологическая установка, т. е. состояние общественного сознания в правовой сфере, характеризуется через категорию «правовой климат»¹.

Этическая форма действия права. Если правовая норма имеет свое объективное материальное основание, если она действительно является адекватной мерой социальной свободы, если объективные правовые потребности общества адекватно отражаются в юридических нормах, то можно предположить, что эти нормы в той же мере будут отражать требования социальной справедливости, пределы которой в конечном счете детерминированы на каждом этапе социально-экономического развития общества. Если правовая норма справедлива, то она одновременно и моральна, отвечает соответствующим уровню социального развития этическим требованиям².

Моральный потенциал нормы, ее справедливость, т. е. адекватное, а не лимитированное и не преувеличенное отражение реальных социальных возможностей создает фон, предпосылку успешному социальному действию права. В свою очередь, только справедливые, «морально оправданные» и «морально насыщенные» нормы права могут оказать соответствующее воздействие на сферу нравственной жизни.

В данном случае прослеживается взаимосвязь между моральной и психологической формой социального воздействия права. Формирование соответствующего отношения к праву (позитивного, негативного, безразличного), т. е. формирование личностных, групповых или общественных правовых позиций, связано с той информацией, которая исходит из правовых норм, из самого духа этих норм, из того, в какой мере они содержат в себе нравственный потенциал, насколько являются

1 Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С.256.

2 См.: Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977; Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984.

справедливыми, а также из того, насколько «нравственно насыщенной» является система функционирующих в обществе правовых отношений, которая лишь при таком условии может свидетельствовать о существовании действительно прочного и стабильного правопорядка.

Информационная форма социального действия права. При рассмотрении взаимосвязи между этической и психологической формами правового воздействия уже упоминалось, что именно характер исходящей из права информации предопределяет у личности, социальной группы, общества в целом облик права. Однако ясно, что такая информация этим ограничиться не может. При рассмотрении информационной формы социального действия права интерес главным образом представляет рациональный аспект, т. е. информация о собственном содержании права: о правилах поведения, заключенных в нормах объективного права, о характере субъективных прав, в которых эти нормы опосредуются, о специфике правоотношений и правовых связей и т. п. Следует подчеркнуть, что в исследованиях информационного аспекта права максимальное внимание уделяется рациональной информации, содержащейся в юридических нормах. Понять такой интерес к позитивно-правовой информации можно. Правовые исследования в указанном аспекте осуществляются в пределах кибернетического подхода, который в своем практическом преломлении предполагает использование электронно-вычислительной техники. Наиболее простой путь к внедрению ЭВМ в правовую сферу — это закладка в память машины текстов законов, т. е. формализация и кодирование позитивно-правовой информации.

Однако едва ли дальнейшее развитие научно-технической революции позволит остановиться на уровне использования ЭВМ в праве лишь как хранилищ формализованных норм законов. Не исключено, что в перспективе появится возможность использования также и аналитической функции искусственного интеллекта в сфере права. В этом случае уже трудно будет ограничиваться пониманием правовой информации лишь как совокупности сведений о действующих юридических нормах. Но если даже не уходить в область юридической фантастики, то более широкое понимание правовой информации все равно необходимо. И вот почему.

Выше уже говорилось об огромном влиянии на становление психологической установки по отношению к праву исходящей из него информации о его моральности, справедливости. По большому счету можно сказать, что практически любое взаимодействие права с иными социальными факторами,

явлениями и процессами общественной жизни порождает и соответствующий поток информации. Почему этому уделяется такое внимание? Дело в том, что именно от полноты информационных сведений о социальном развитии права в значительной мере зависит дальнейшее развитие правовой системы, другими словами, от полноты социальной информации зависит динамика собственно правовой сферы. Это понятно, ибо от того, в какой мере обществу будет известно об эффективности социального действия права и, напротив, о том, насколько велики сбои в его действии, будут зависеть и соответствующие акции общества, организованного в государство, по корректировке функционирования правовой системы. И едва ли эти акции будут адекватны реальным правовым потребностям общества, если правовая информация будет ограничиваться содержащимися в формальных юридических источниках нормами.

6. Средства социально-правового воздействия. В данном случае рассматривается структурный аспект механизма социального действия права, анализируются его элементы. При этом выясняется, «каким путем, с помощью каких средств правовые требования... переводятся в социальное поведение на всех уровнях его действия — общества, коллектива, малой социальной группы, личности»¹.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что, поскольку право живет, оно не может не сигнализировать о своем действии. При этом имеются в виду два основных вида информационных сигналов в праве. Во-первых, это сигналы об объективности юридических норм, т. е. об их соответствии правовым потребностям общества. Суть этой информации состоит в том, что, если она есть, это свидетельствует о действии права. При этом существуют два возможных варианта: либо оно действует в силу своей адекватности социально-экономическим потребностям и реальным социальным условиям, либо действие искусственно инициировано по тем или иным соображениям приказом государственной власти. В любом случае это информация «для науки» — ее анализ позволяет выработать соответствующие практические рекомендации по совершенствованию законодательного и правоприменительного процесса. Но этот вид информации в большей мере лишь косвенно влияет на социальное действие. Непосредственное отношение к последнему имеет второй вид информационных сигналов — сигналов рационального характера, т. е.

сведений о праве в юридическом смысле, о содержании юридических норм. Итак, информационные сигналы являются одним из элементов механизма социального действия права.

Одним из источников правовой информации являются нормы. Однако это вовсе не означает первичности их в механизме социального действия права, ибо, как уже ранее было выяснено, сами по себе нормы не обеспечивают функционирования механизма. Для того чтобы он действовал, требуются соответствующие социальные условия, которые позволяют данной норме воплотиться в субъективном праве. Лишь теперь наступает момент для включения в механизм следующего элемента — юридических фактов, или фактических составов. Это юридическое средство перевода абстракций юридических норм, социально способных воплотиться в субъективном праве, в конкретную плоскость правоотношений.

Но в данном случае вновь создается вероятность дальнейшего функционирования механизма социального действия права в двух направлениях — как собственно социального действия и как социального противодействия. Выбор того или иного направления в решающей мере зависит от самого субъекта правового общения. Таким образом, именно личность, человек является в конечном счете главным, центральным звеном в механизме социального действия права. И об этом недопустимо забывать. Вместе с тем диалектика взаимодействия личности с различными социальными факторами в процессе ее деятельности в правовой сфере достаточно сложна и неоднозначна.

Субъект под влиянием информационного и психологического воздействия права уже в определенной мере (рационально и психологически) подготовлен к деятельности в правовой сфере. При этом негативная психологическая установка, будучи «наложена» на юридический факт, может обусловить такое функционирование механизма социального действия права, которое можно назвать антиправовым, т. е. вызвать правонарушение. Разумеется, не само ущербное правосознание непосредственно влечет противоправную деятельность субъекта.

Ясно, что дефекты правосознания, негативная психологическая установка личности имеют более глубокую подоплеку. Материалистический анализ требует выяснения указанной причинной зависимости. Кроме того, нельзя забывать о социальных условиях. При социологическом анализе действия права этот элемент механизма приобретает исключительно важное значение. Его роль отнюдь не ограничивается лишь обеспечением возможности опосредования юридических норм в субъективных правах.

¹ Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37-44.

Даже при наличии юридического факта, т. е. формального основания возникновения правоотношения, и при наличии соответствующей психологической установки личности на правонарушение социальные условия могут поставить личность в такое положение, при котором она не сможет реализовать свою негативную установку. Нельзя также упускать из виду, что, вступая в правоотношение на основании воплощенных в субъективных правах юридических норм, личность не может так или иначе не ощущать морального фона правового регулирования. Это проявляется, в частности, в правосознании субъекта — в его отношении к той или иной норме как справедливой, нравственно оправданной либо нет.

7. Следует различать правореализацию, а соответственно, и социальное действие права в правоотношениях и вне правоотношений — правовых связях. Это дискуссионный вопрос в науке. Хотя непосредственного отношения к рассматриваемым в работе проблемам он не имеет, хотелось бы отметить следующее.

Реализация, а следовательно, и социальное действие права, возможно и в том, и в другом случае. Если утверждать, что право реализуется и социально действует только в правоотношениях, имея в виду то, что помимо них существуют также правовые связи, то можно прийти к выводу о том, что право собственности, конституционные права реализуются только при их нарушении, ибо лишь в этом случае возникает правоотношение как конкретная правовая связь.

Для социологии права важность различения правоотношений и правовых связей объясняется вот еще какой причиной. Опосредование абстрактной нормы в субъективных правах уже свидетельствует о реализации права, о том, что оно социально действует. При этом в зависимости от сферы правового регулирования реализация может завершиться уже на уровне правовых связей (конституционные права, право собственности). В других случаях правовая связь, возникающая при опосредовании юридических норм в субъективных правах, может быть лишь этапом в социальном действии права, на котором его характер еще не может раскрыться полностью, поскольку сами особенности отношений, попадающих в сферу права, предполагают наличие, как минимум, двух субъектов, а следовательно, требуется следующий этап — реализация права в правоотношениях.

Социальное действие права на уровне правоотношений предполагает взаимодействие субъектов, обладающих правами и обязанностями. Правоотношение — это конкретная правовая связь субъектов. Именно субъектов, а не просто

конкретного субъективного права одного субъекта и конкретной юридической обязанности другого. Разумеется, в практических целях при специально-юридическом анализе отраслевого правового материала необходимо осуществлять именно такое разложение на права и обязанности.

В более широком социологическом плане следует, видимо, иметь в виду, что правоотношение — это сложная связь субъектов, личностей, а не просто их прав и обязанностей. Поэтому, быть может, не стоит навсегда абсолютизировать действительно жесткую связку «право — обязанность»? И в этом утверждении отнюдь не содержится противоречия известному положению: «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав».

В данном случае предполагается лишь то, что субъект, вступая в правовую связь, в том числе и правоотношение с другим субъектом, т. е. связывая свое конкретное право с корреспондирующей ему обязанностью, вовсе не абстрагируется от других своих прав и обязанностей, как, впрочем, и другой, в данном случае обязанный, субъект.

8. Стадии социального действия права. Из изложенного выше вытекает вывод о том, что в функционировании социального механизма права могут быть выделены по крайней мере две основные стадии: формирование социальных предпосылок и собственно действие права. Причем переход от первой стадии ко второй возможен лишь при наличии системы, по меньшей мере, трех взаимосвязанных факторов: юридического факта (формальное основание), соответствующих социальных условий (социальное основание), соответствующей психологической ориентировки личности (субъективное основание).

Можно попытаться по возможности кратко охарактеризовать этот механизм в целом. Существует жесткая зависимость между правом как результатом правогенеза и действием права. Само существование права проявляется в его действии. С социологической точки зрения бессмысленно говорить о бездействующем праве, ибо оно уже не право, а юридическая фикция. Действовать же оно может лишь в том случае, если в своем юридическом выражении в форме закона будет соответствовать объективно созревшим потребностям общества в праве, правовой природе социальных отношений, имеющих свои материальные истоки на соответствующем участке экономического базиса. Наличие права предполагает также наличие информации о праве. Кроме того, оно тесно привязано к системе социальных условий, играющих немалую роль в обеспечении функционирования социально-правового механизма.

Этот момент связан с проблемой правового государства. Суть идеи создания государства, вся деятельность которого связана правом, состоит в том, чтобы превратить государство из органа стоящего над обществом в орган этому обществу всецело подчиненный. В правовом государстве высшим принципом становится «безусловное подчинение всего и всех закону». Но очень важно, чтобы сам закон был реальным воплощением правовых начал, представляя собой такую специфически юридическую форму, в которую облекается подлинно правовое содержание общественных отношений и в которой, следовательно, адекватно отражаются суверенная воля народа, объективные потребности общества. Подведение четкой правовой основы как под правоприменительную деятельность, так и под законотворчество, которое должно быть действительно демократическим процессом, дает важную гарантию не только против предписаний, но и против волюнтаризма власти в ходе нормотворческой и правоприменительной деятельности.

§ 3. Факторы реализации права

1. Как было видно из предыдущего изложения, действие права — это процесс движения от нормы к социальному результату.

Реализация права — явление сложное, несводимое к изданию актов применения права. Она включает не только (например, от органов расследования к суду), но и большое число неформальных связей и отношений. Различные звенья правоприменительной подсистемы, должностные лица оценивают состояние правопорядка, вырабатывают свои позиции по вопросам применения закона, высказывают мнения и влияют на мнения других лиц, принимают решения по конкретным делам, изменяют текущую практику, выступают с предложениями по совершенствованию законодательства и т. д. Весь этот сложный механизм материально-правовых, процессуальных, организационных, технических, психологических и иных связей и отношений и образует правоприменительную деятельность, совершенство которой является одним из важных условий эффективности действия нормы.

Задача социологии правореализации в связи с этим заключается в том, чтобы установить указанные факторы, измерить степень их влияния на правоприменительную и иную реализующую право деятельность и, в зависимости от этого

сформулировать рекомендации по повышению эффективности рассматриваемого процесса.

Рассмотрим теперь механизм реализации (применения) права немного подробнее. В обобщенной форме он «может быть представлен как осуществление в определенной правовой форме интересов, потребностей, отношений субъекта в ходе достижения целей, предусмотренных законодателем»¹. Этот подход приближает к социологическому пониманию данного явления.

Исходными элементами правореализации служат два феномена: юридическая норма и социальная ситуация, к которой она непосредственно относится. Понятно, что не возникает вопроса о правореализации, если норма существует, а должная ситуация отсутствует (так, уголовный кодекс бездействует, пока не совершено преступление). Но и одна ситуация, без правовой нормы, породить правоприменительной активности не может.

Наличие же двух компонентов — нормы и социальной ситуации — вызывает цепочку организационных (если речь идет об учреждении) и психологических (если действует должностное лицо или гражданин) событий: оценка ситуации, анализ нормы, сопоставление предписаний нормы с интересами и мотивами субъекта, прогнозирование последствий применения (и неприменения) нормы, наконец, принятие решения и действие (бездействие), соответствующее норме или противоречащее ей. В ходе развития этой цепочки событий и действуют названные социальные факторы: особенности ситуации; интересы, мотивы, характерные черты личности субъекта; прогнозируемые социальные последствия и т. п.

Все элементы (звенья) рассматриваемой цепочки могут сильно модифицироваться в зависимости от очень многих обстоятельств; в интересующем нас плане укажем лишь на два из них.

Первый — юридическая разновидность нормы. Если придерживаться известного трехчленного деления норм на Управомочивающие, обязывающие и запрещающие, то очевидная специфика социального механизма их действия будет связана с тем, какие (чьи) интересы найдут отражение и будут реализовываться при применении этих норм: гражданина, государственного органа, социальной группы, общества в целом и т. д. Отсюда возможные коллизии при правоприменении, а следовательно, и различные средств, используемых государством для эффективного действия этих норм: стимулирование,

¹ Правовая система социализма. М., 1988. Т.2. С.126.

правовое обеспечение, принуждение, угроза наказанием, применение его и т. д.

Второй — потребность в промежуточных актах правоприменительного характера. Если они нужны — цепочка удлиняется; появляется несколько субъектов. При этом, с одной стороны, обеспечивается более полная и надежная реализация исходной юридической нормы (во всяком случае, такова идеальная цель правоприменительных промежуточных действий), а с другой — возникают различные помехи, искажения, оттяжки в исполнении требований нормы (во всяком случае, такова правоприменительная практика).

Нельзя не учитывать также особенностей разных отраслей права. Социология правореализации, как и всякого другого социального процесса, вполне конкретна: в данной области знаний изучается не теоретическая модель всех мыслимых событий, а реальная жизненная практика. А она различна, идет ли речь, например, о применении Закона о государственном предприятии (объединении) или законодательства об охране природы; гражданского или уголовного кодексов; норм материального или процессуального права. Конечно, во всех этих случаях есть немало общего, но не менее важны и различия: ведь нередко действуют разные социальные группы и слои населения, затрагиваются разные интересы, а следовательно, и процессы реализации права проходят не одинаково.

Исходный пункт реализации права — наличие нормы, рассчитанной на применение в определенной ситуации; конечный — достижение социальных целей. При этом нельзя не различать цель, преследуемую государством и обществом при конструировании данной правовой нормы, и цель, которую стремится достичь субъект (гражданин, организация, должностное лицо). Обе эти цели совпадают лишь в идеальном случае. Степень достижения при реализации нормы тех целей, которые были поставлены при ее создании, служит измерителем эффективности действия нормы. В свое время было выдвинуто положение, что «понятие эффективности правовых норм может быть определено как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты»¹. Это конструктивное положение.

Но к этому следует добавить важность анализа степени достижения целей, которые преследует лицо, реализующее правовую норму. Иными словами: в какой степени правовые

нормы соответствуют целям и интересам личности, выражают эти интересы? Способствует ли реализация указанных норм достижению этих целей? Ведь нельзя же считать интересы конкретной личности чем-то второстепенным и тем более предполагать их полное совпадение с общегосударственными интересами.

Так или иначе, если изучать степень достижения целей нормы, поставленных законодателем, то становится очевидным, что она определяется многими факторами, которые иногда трудно выделить, а еще труднее определить меру их влияния на конечный результат.

Для классификации условий эффективности действия права большое значение имеет использование системного подхода. Правовые нормы должны рассматриваться как часть (элемент) сложной социальной системы, включающей в себя не только правовую надстройку в целом (в том числе правовые учреждения, правосознание и др.), но и общественные отношения неправового характера, культуру, идеологию, государственные учреждения, общественные организации и т. д. Каждый элемент социальной системы имеет то или иное значение для нормального функционирования права и в этом своем качестве может быть истолкован как определенное условие эффективности права. Однако, разумеется, степень значимости каждого элемента неравноценная: среди них могут быть более важные и менее важные применительно к данной исторической обстановке и данной правовой норме.

2. За последние годы наметилось два основных подхода к классификации факторов, влияющих на эффективность норм, а соответственно и к определению условий их эффективности.

Один подход связан с выделением во внешней среде, в которой действует право, основных объективных и субъективных свойств, явлений и процессов, во взаимодействии с которыми правовая норма воздействует на поведение граждан и коллективов.

Речь идет, например, о следующих группах условий эффективности правовых норм: а) макросоциальные условия (реальные возможности общества, состояние общественного сознания и др.); б) условия, связанные с функционированием политической и правовой системы; в) микросоциальные условия (малые группы, трудовые коллективы и др); г) личностные условия субъекта, реализующего право.

Есть и другое основание классификации условий эффективности действия правовой нормы. В этом случае они разделяются в соответствии с элементами механизма действия права. С этой точки зрения условия эффективности

¹ Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С.22.

действия нормы будут относиться, во-первых, к самой норме; во-вторых, к деятельности правоприменительных органов и их должностных лиц; в-третьих, к особенностям правосознания и поведения граждан, соблюдающих или нарушающих требования правовой нормы.

В середине 80-х гг. группа сотрудников Института государства и права под руководством проф. А.М. Васильева провела социологические исследования процесса применения норм различных отраслей системы права (государственного, гражданского, хозяйственного, экологического и др.). Исследователи изучали реальный путь от нормы (закона или указа) до конечного результата — фактического поведения субъекта, ради которого была принята эта норма.

Путь этот оказался длительным и сложным. Оказалось, что в среднем от издания нормы до первых фактов ее применения в конечном звене (гражданином, организацией, должностным лицом) проходит около года. Это время тратится на то, чтобы довести первоначальную норму до сведения правоприменителей и конечных результатов, принять конкретизирующие акты (преимущественно ведомственные инструкции), издать акты исполнительного характера (судебные решения, предписания органов власти и управления и т. п.) и, наконец, фактически произвести требуемые действия. Чрезмерно длинной оказалась и цепочка правоприменительных действий, подчас сложным и запутанным механизм применения закона.

Авторы исследования сформулировали ряд общих условий эффективности правоприменительного процесса. К ним относятся: хорошее качество исходной нормы; наличие необходимых ресурсов для ее применения (материальных, кадровых, организационных); оптимальность юридического механизма применения нормы; достаточно высокий уровень правовой информированности, знаний и культуры исполнителей; их заинтересованность в реализации нормы; наличие и эффективность санкций, предусматривающих ответственность за неисполнение нормы.

В задачу исследователей не входила специальная проверка качества исходных норм, применение которых они изучали. Тем не менее, по их оценкам, это качество не превышало 75% (по сравнению с эталоном, определяющимся экспертами в данной отрасли права). В последующих звеньях механизма правоприменения, где создавались новые акты, это качество становилось все ниже: для конкретизирующих предписаний оно не превышало 67%, а для актов применения (исполнения) права — 60%. Таким образом, лишь две трети инструкций и

конкретных управленческих и юрисдикционных решений были достаточно грамотными и юридически правильными.

Примерно на таком же уровне оказалось ресурсное обеспечение правоприменения (67%).

Исследователи подробно проанализировали функционирование механизма применения нормы, выявив следующие его дефекты, которые встречались наиболее часто: а) недостаточность звеньев правоприменительной цепочки; б) избыток таких звеньев; в) несовершенство звеньев; г) недостаточность правовых связей между звеньями цепочки; д) избыток связей; е) несовершенство связей; ж) деформирующее вмешательство внешних факторов; з) общее несовершенство функционирования механизма правоприменения (ритм, методы деятельности, программа и т. п.). По их оценкам, общая степень функционального совершенства изученного ими механизма не превышает 40 — 50% по сравнению с оптимальной (эталонной) моделью.

Касаясь уровня подготовки исполнителей, надо сказать, что он также оставляет желать лучшего. По экспертным оценкам, уровень правовой культуры должностных лиц государственных учреждений, применяющих закон, составляет около 59%, граждан — 47%. При этом степень информированности населения снижается по мере движения правоприменительной цепочки: если об исходных нормах (законы, указы) знали 51% опрошенных, то о конкретизирующей их норме — 70%, а о правоприменительном акте — всего 57%. Не удивительно, что степень достижения конечных целей изученных правовых норм была оценена исследователями в 54 — 55%. Иначе говоря, только в половине с небольшим случаев социальные цели изданных законов были фактически реализованы.

3. Обратимся к конкретным причинам этих явлений. В общей форме исследователи оценили причины низкой эффективности процесса правоприменения следующим образом: недостатки исходных норм составляют 25%, слабость ресурсного обеспечения 23%, низкая правовая культура и информированность — 36%, расхождение интересов, выраженных в норме и представляемых исполнителями — 16%.

При более подробном анализе причины все они были разделены на объективные (не зависящие от правоприменителя и адресата) и субъективные; «вклад» тех и других в дефекты правоприменения, по мнению исследователей, приблизительно равновелик.

Анализ объективных причин показал, что главную роль (до 15%) играют экономические. Речь идет о том, что исполнение нормы нередко противоречит хозяйственным и другим

экономическим интересам правоприменителей. Этот вывод достаточно известен в отношении к проблеме несоблюдения экологического законодательства.

Другие объективные причины связаны с территориальными особенностями применения нормы (6%), слабой организацией дела (6%), недостаточной информацией (5%) и методологическим обеспечением (4%), дефектами планирования (5%) и др.

К субъективным причинам низкой эффективности правоприменительной деятельности исследователи отнесли относящиеся к личности применителей дефекты социокультурного (8%) и политико-правового (8%) свойства; ценностно-психологические изъяны (7%), а также особенности нравственной атмосферы в коллективе и др. Очевидно, что здесь проявились те недостатки общественного правосознания, о которых говорилось в предыдущих главах.

Исследования процесса применения нормы права важны не только для понимания причин неэффективности действия немалого числа законов, но и как показатель уровня работы государственного аппарата. Трудно будет реализовать задачу формирования правового государства, если не преодолеть тех недостатков, которые препятствуют юридически грамотному, быстрому и эффективному проведению в жизнь выраженной в законах воли.

Проведенные исследования показывают, что многие негативные явления, наблюдаемые ныне, порождены господствовавшей долгие десятилетия административной системой и свойственными ей социальными институтами.

Как известно, институты закрепляют устойчивые связи и типы отношений; они обрастают материальными формами, реализуясь в деятельности учреждений, функционировании должностных лиц, поступках граждан. Окостенелость институтов, свойственных административной системе, породила догматизацию такого социального регулятора, каким являются в обществе правовые и нравственные нормы. Хотя законы, конечно, изменялись, но все больше в одном и том же направлении — дальнейшей зарегулированности общественных отношений. Официальная мораль по существу стала представлять собой лубочную картинку идеального мира, впрочем, находившуюся в достаточном согласии с содержанием прокламируемых целей общественной жизни. И эта взаимосвязь оказалась далеко не безобидной. Назовем лишь некоторые факторы, пронизывавшие официальные нормы, ценности и институты: интересы государства — превыше всего; разрешено только то, что прямо указано государственной властью; инакомыслие

— тяжкое преступление перед государством и обществом. На этих принципах воспитывались поколения.

Возникает вопрос: с какого элемента — институтов, норм, ценностей, отношений — началось разрушение рассматриваемой системы? Ответить на него не так просто, и прежде надо сделать два замечания. Во-первых, говоря о разрушении, следует под этим, по-видимому, иметь в виду некий сложный процесс, выходящий за рамки темы настоящей книги. Иными словами, его нельзя свести к социальной деформации, потому что сама ликвидация окостеневших структур есть благо, социальный прогресс. Значит, присутствовало и то, и другое, но в причудливом переплетении. А, во-вторых, можно ли говорить о разрушении системы как некотором внешнем действии или, скорее, речь идет о ее «естественном саморазвитии»? Последние слова надо взять в кавычки, ибо что же это за саморазвитие, да еще естественное, если оно ведет к кризису сложившихся социальных структур? Но дело обстояло, видимо, именно таким образом.

Если внимательно проследить эволюцию норм, институтов, ценностей и отношений, присущих командно-административной системе, то можно выразить предположение, что кризис начался именно с институтов. И развивался он по хорошо известной социологической модели.

4. Здесь следует сделать еще одно небольшое отступление и заметить, что традиции социологии большей частью тяготеют к рассмотрению таких крупных социальных потрясений, которые имеют глубокие социальные корни и в той или иной степени связаны с революционными ситуациями, порождают или развивают их. А рассматривать социальные деформации в условиях, так сказать, «социального мира» принято в рамках одного общественного строя.

Успешное существование социального института зависит от ряда факторов: четкого определения его целей, функций и способов деятельности; от рациональной организации внутренних и внешних связей; от степени деперсонализации действий в объективизации функций, а главное — от практической значимости института, его результативности для общества или социальной группы. Как только соответствующие требования нарушаются, социальный институт перестает выполнять необходимые функции и теряет свое значение. Именно это и происходило прежде всего с управленческими структурами в экономике, с системой использования достижений науки, с организацией труда в сельском хозяйстве и промышленности, с формами образования и развития культуры. Главная причина ясна: несоответствие административно-командных

структур изменившемуся миру; невозможность с их помощью удовлетворить даже элементарные технологические, социальные, нравственные требования современного общества. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что в принципе социальные институты содержат семена своего собственного потенциального разрушения.

Каковы последствия? Для самих институтов — деградация; бюрократизация соответствующих аппаратов и прекращение выполнения элементарных функций (самый наглядный пример — положение в торговле); появление «теневых» («параллельных») структур, компенсирующих бездеятельность официальных органов.

Но это только часть последствий, потому что деформация социального института одновременно служит причиной или необходимым условием изменений и в других компонентах социальной жизни. Эта связь осуществляется по меньшей мере четырьмя путями: а) деформация института вызывает социальную напряженность, поскольку рушатся социальные ожидания; б) это, в свою очередь, порождает стремления к замене официальных структур неформальными связями и отношениями, в том числе противоправного характера; в) дисфункции социальных институтов, продолжающиеся длительное время, отрицательно сказываются на нравственном облике общества, искажают системы ценностных ориентаций и мотивации поведения людей; г) ослабевают контрольные функции социальных институтов, что ведет к безнаказанности нарушителей социальных норм, а затем и к общему состоянию безответственности и аномии; рано или поздно ослабевает вся общественная система со всеми вытекающими отсюда последствиями. Индивидуальные отклонения в поведении становятся массовыми, приобретают серьезный и опасный характер; углубляется деформация социальных норм и других компонентов общественной жизни.

§ 4. О механизме убеждения и принуждения

1. При реализации права используются, как видно из изложенного, не только «естественные» факторы поведения: интересы, потребности людей, но и дополнительные — внешние — средства воздействия, призванные стимулировать социально-полезное поведение и предотвращать общественно-вредные поступки. Социально-правовые исследования еще в

20-е гг. были направлены на то, чтобы определить эффективность воспитательных, стимулирующих, предупредительных и принудительных мер воздействия в интересах соблюдения требований права.

Известна работа криминолога М.М. Исаева, который в 1924 году изучал факторы, влияющие на соблюдение гражданами уголовно-правовых запретов (опрошено свыше 300 чел.). Приведем полученные им данные о причинах, удерживавших опрошенных лиц от совершения преступного поведения.

Таблица 1

Объяснения опрошенных	Муж.	Жен.
Совесть не позволила	24,3%	36,0%
Страх наказания	19,6%	20,0%
Неловко перед людьми	3,8%	4,0%
Из отвращения к поступку	30,8%	28,0%
Из принципиальных соображений	19,6%	12,0%
По нерешительности	1,9%	—

Не трудно видеть, что далеко не одна лишь боязнь наказания (и не она главным образом) удерживала этих лиц от совершения преступлений. Можно выделить три группы мотивов, влияющих на поведение опрошенных: 1) принципиальное отрицательное отношение к преступлению (куда, по нашему мнению, относятся пункты 1, 4, 5). Этот мотив выражен в целом в 75 — 80% ответов; 2) учет отрицательной оценки преступления окружающими (пункт 3) — около 4%; 3) страх перед наказанием — около 20%.

Исследования, подобные тому, что проводились М.М. Исаевым, более не повторялись. Однако в последние годы при изучении правосознания различных категорий лиц были получены сходные данные, свидетельствующие о том, что распределение мотивов поведения с учетом общепреventивного действия права является довольно устойчивым. Об этом говорят, например, сведения о мотивах, удерживавших подростков от преступлений. Большинство из них считало такими мотивами моральные соображения (будут причинены неприятности родителям и воспитателям — 33,8%; утратят доверие друзей — 27,9% опрошенных). Опасение неблагоприятных юридических последствий, в том числе санкций, удерживало от преступлений лишь 12, 29 опрошенных¹.

¹ См.: Павилонис В.И. О роли нравственного воспитания в формировании правосознания несовершеннолетних // Вопросы судебной психологии. С.29. См. также: Афиногенов Ю.А. Эффективность уголовного закона и общая превенция // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977. С.17 и сл.

Опрос взрослого населения показал, что на первом месте среди сдерживающих факторов у граждан стоит согласие с законом, далее — боязнь утратить доверие близких, друзей, знакомых, а в самом конце перечня — боязнь наказания и осознание невыгодности преступления¹.

Лишь 9% городских жителей молодой промышленной области ссылались на страх перед наказанием как на главный мотив, удерживающий от преступления. В деревне этот процент оказался более высоким².

К сходным выводам привело изучение правовых позиций более 4000 человек взрослого населения, проведенное сотрудниками Института государства и права в ряде регионов России и за ее пределами.

Таблица 2

Правовая позиция	Рабочие	Колхозники	Специалисты
Принципиальная	42,4%	40,1%	47,9%
Боязнь санкции	21,5%	24,7%	20,0%
Привычка (стереотип)	21,2%	22,0%	24,2%
Другие причины	5,6%	6,2%	4,8%
Затрудняется ответить	9,6%	7,2%	3,4%

То обстоятельство, что преобладающим мотивом воздержания от правонарушений являются не опасения санкции, а принципиальное позитивное отношение к закону, согласие с требованиями нравственных норм, весьма показательны с точки зрения характеристики уровня правосознания населения³.

Это — факт положительный. Вместе с тем нельзя не заметить, что снижение опасений быть наказанным за правонарушение характеризует, особенно в последние годы, и другой процесс: падение престижа юстиции, веры в неотвратимость ответственности.

2. Многие проведенные конкретные социально-психологические и правовые исследования указывают, что представление о строгости ответственности имеет немаловажное предупредительное значение. Из приведенных выше данных видно, что для определенного слоя граждан страх перед законом играет сдерживающую роль. Вот в этих пределах и следует рассматривать вопрос о значении строгости грозящего наказания.

1 См.: Каминская, Волошина Л.Д. Криминологическое значение исследований нравственного и правового сознания// Советское государство и право. 1977. № 1. С.73.

2 Там же.

3 См.: Личность и уважение к закону. С.44.

И.И. Карпец приводит результаты проведенного им опроса более 200 несудившихся граждан в возрасте от 25 до 50 лет. Они свидетельствуют о том, что многие граждане неправильно представляют себе характер санкций уголовного закона. А это, несомненно, отрицательно сказывается на его общепреventивной силе. Так, 40% опрошенных не знали, что максимальный срок лишения свободы достигает 15 лет. Другие же утверждали, что максимальные сроки наказания составляют 20 и 25 лет, но в силу «зачетов рабочих дней» они не отбываются и наказание является нереальным. На основе подобных представлений в некоторых слоях населения создается весьма своеобразная психологическая атмосфера почти полной безнаказанности преступников. «Данное обстоятельство, — пишет автор, — во-первых, понижает общепреventивное значение наказания; во-вторых, стимулирует неустойчивых людей в критических для них ситуациях идти на правонарушения; в-третьих, рождает необоснованные по существу требования «ужесточить», «усилить» наказание¹.

По данным А.И. Марцева, из 147 обследованных им преступников 90 в момент совершения преступления не боялись наказания или относились к нему безразлично. Однако после осуждения и направления в места лишения свободы боязнь наказания у многих усилилась². Это свидетельствует о том, что общепреventивное воздействие уголовно-правовых норм было недостаточным, неадекватным действительной строгости юридических последствий преступления.

Особенно наглядно это наблюдается применительно к подросткам. По данным К.Е. Игошева, 28,7% из большого числа опрошенных им несовершеннолетних правонарушителей заявили, что не знали об уголовной ответственности за совершенные ими деяния, а 4,1% «слышали, но не верили». Многие заявили, что об ответственности они знали («посадят на пятнадцать суток, «накажут в школе», «поругают на работе» и др.), но не думали об уголовном наказании. Около 9% подростков и 5% юношей указали на неверные представления об уголовной ответственности как на одну из главных причин совершения ими преступлений³.

1 Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С.131.

2 См.: Проблемы борьбы с преступностью. Вып. 1. Иркутск, 1970. С.52; Марцев А.И. Общая превенция преступлений// Правоведение. 1970. № 1. С.73.

3 См.: Игошев К.Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетних. Свердловск, 1973. С.125.

3. Из всех этих данных можно заключить, что характер юридических последствий поступка, в том числе степень строгости грозящего наказания, входит в число факторов, оказывающих в ряде случаев существенное влияние на выбор вариантов поведения. Разумеется, значение этого фактора для разных типов личности различно. Человек с высоким уровнем правосознания не нуждается во взвешивании «выгод» от преступления или «риска» в связи со строгой санкцией: он уже в силу своих убеждений не совершит такого деяния, которое запрещено законом. С другой стороны, некоторые опасные преступники способны совершить тяжкое преступление, невзирая на грозящую им суровую санкцию. Между тем и другим полюсами располагаются различные типы неустойчивых субъектов с низким уровнем правового сознания. Для некоторых из них суровость санкции закона может оказаться существенным сдерживающим началом.

Принципиальная позиция, однако, должна быть неизменной: главное в общепреventивном воздействии права — это понимание его ценности, необходимости, обязательности для эффективного функционирования социализированного общества, а это связано с общим повышением правовой культуры и сознательности трудящихся. Воздействие страхом не может выступать как метод воспитания. Воспитание страхом, угрозами и т. п. — это прошлое человеческого общества, самый грубый способ воздействия на людей. По мере развития нашего общества «наказание все более будет вбирать в себя черты не столько карательной меры, сколько воспитательной»¹. Это относится и к другим видам санкций правоохранительной системы.

Особенно важно при назначении и отбывании наказания обеспечить реализацию принципа справедливости. Применительно к юридической ответственности этот принцип проявляется в таких ее свойствах, как дифференциация и индивидуализация, предполагающие назначение наказания в соответствии с тяжестью совершенного правонарушения и с учетом особенностей личности виновного.

Соблюдение меры в сочетании строгости и мягкости назначаемого наказания — сложная задача, неправильное решение которой ослабляет не только обще-, но и специально-преventивное значение ответственности. Чрезмерно строгие наказания порождают чувство несправедливости, ослабляют стремление стать на путь честной трудовой жизни. Случаи рецидива после отбывания длительных сроков лишения

свободы встречаются гораздо чаще, чем после отбывания исправительных работ или других наказаний, не связанных с изоляцией от общества. С другой стороны, чрезмерно мягкая мера наказания может быть воспринята осужденным как «прощение» и тоже окажется неэффективной.

Было изучено поведение около 1000 условно осужденных. Наблюдения дали возможность сделать вывод, что среди совершивших тяжкие преступления и условно за это осужденных рецидив весьма высок (53%). В то же время рецидив среди лиц, условно осужденных за менее опасные преступления, не превышает 10%. Если лица, осужденные впервые, рассматривали условное осуждение как заслуженное ими наказание, то «рецидивисты обычно относились к условному осуждению просто как к освобождению от наказания, к своего рода прощению»¹. Нельзя не видеть здесь прямую связь эффективности наказания со степенью его индивидуализации, дифференциации. Это подтверждается и данными о применении административных взысканий к разным категориям правонарушителей. Если общий коэффициент эффективности специальной превенции при применении административных санкций составляет 0,81 (т. е. 81% наказанных не совершает новых проступков), то по отношению к лицам, совершившим административный проступок впервые, этот коэффициент значительно выше (0,95). Напротив, у ранее судимых он снижается до 0,79².

4. Социально-правовые исследования показывают далее, что значение санкции реализуется главным образом через ее позитивное содержание, обеспечивающее необходимую социализацию личности. Если этого нет, то цель наказания достигается редко. В ходе исследований было выявлено, что после отбывания одного года лишения свободы прекратили поддерживать связь со своими прежними трудовыми коллективами 86% осужденных, а после трех лет — даже 97%. У таких лиц рецидив оказался впоследствии значительно выше, чем у осужденных, сохранивших прежние связи³. Подобную же отрицательную роль играет и разрыв

¹ См.: Карпец И.И. Цит. соч. С.142.

¹ Ласковский В.Я. Учет обстоятельства дела и личности виновного при назначении условного осуждения// В кн.: Эффективность применения уголовного закона. С.124, 128.

² См.: Попов Л.Л., Щергин А.П. Исследование эффективности административно-правовых санкций за нарушения общественного порядка. Советское государство и право. 1974. № 8. С.22-23.

³ См.: Васильев А.И., Кувшинов В.С. Эффективность социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы// Эффективность применения уголовного закона. С.152.

отношений с семьей. Изучение показало, что из числа осужденных, расторгнувших брак во время отбывания наказания, совершили новые преступления 24%, а из тех, кто поддерживал нормальные отношения с семьей, — лишь 7%¹.

Некоторые виды наказаний, еще сохраняющиеся в Уголовном кодексе, почти лишены воспитательных начал; их роль в исправлении осужденных весьма невелика. К таким видам относится, например, ссылка. Рецидив после ее применения составляет около 25%, что почти втрое превышает уровень рецидива отбывших исправительные работы. Авторы, изучавшие эту меру наказания, отмечают, что неэффективность ссылки в первую очередь объясняется ее весьма слабым воспитательным потенциалом. Не случайно и судьи применяют ссылку крайне редко: лица, которым ссылка назначалась как основное или дополнительное наказание, составляют всего 0,2% от общего числа осужденных².

5. Эти примеры еще раз подтверждают, что смысл принудительного воздействия права заключается не в том, чтобы лишить правонарушителя тех или иных благ или преимуществ, а чтобы использовать эти, подчас суровые средства для его исправления и перевоспитания. И только в той мере, в какой применяемые средства способны содействовать процессу исправления, они и могут быть эффективны, а следовательно, и допустимы в советском праве.

Определение конкретных путей и мер наиболее успешного исправления и перевоспитания правонарушителей выходит за пределы данной книги. В области исправительно-трудового права и педагогики к настоящему времени сложился уже большой опыт, имеется и литература по этим вопросам. Однако все это разработано исключительно или главным образом применительно к проблемам уголовной ответственности. Что же касается других видов правовой ответственности, то вопросы их оптимального воздействия на лиц, подвергшихся различным мерам государственного принуждения, почти не изучались. Между тем именно эти более мягкие меры имеют перспективу в дальнейшем развитии права.

В последнее время стали вновь раздаваться голоса о необходимости усиления репрессий, повышении санкций. Мотивировалось это главным образом ростом преступности.

О причинах такой динамики преступности мы скажем далее, здесь же коснемся социальных и психологических аспектов отмеченной тенденции в общественном сознании.

Прежде всего зададим себе вопрос: есть ли в нашем современном обществе социальные группы, вообще не заинтересованные в установлении устойчивого общественного порядка, ограждении от преступности; коррупции? Если и есть, то они сводятся, с одной стороны, к «деятелям» теневой экономики, уголовным преступникам, а с другой — к малочисленным экстремистски настроенным лицам, в том числе националистического толка. И тех, и других к сторонникам реформ отнести, конечно, нельзя. Да и к консервативным силам, скептически относящимся к происходящим событиям, они тоже, пожалуй, не примыкают.

Кто составляет основные силы в современной жизни? Каковы их политико-правовые позиции по рассматриваемому вопросу? Можно ли утверждать, что сторонники реформ заинтересованы только и исключительно в снятии всяческих ограничений, к какой бы области жизни они ни относились, а противники — в обратном, т. е. в расширении всевозможных запретов? В действительности среди самых широких слоев населения нарастает требование укрепления организованности и порядка, обеспечения стабильности и надежности повседневных условий бытия, защищенности от экономических неурядиц, насилия, обмана, унижения достоинства личности. Это естественное проявление процессов демократизации, роста политического и нравственного сознания людей. Понятно, что выполнение такого требования тесно связано с установлением четких рамок поведения, в том числе и запретов, и ответственности. Личная свобода должна быть надежно ограждена от любых преступных посягательств, будь то насилие или воровство, оскорбление или вымогательство. Не в меньшей мере она должна быть ограждена от административного произвола и бесцеремонного вмешательства властей.

Призывы к укреплению дисциплины и порядка слышны и со стороны тех, кого сторонниками реформ вроде бы не назовешь. В чем тут дело? Особенность ситуации заключается в том, что водораздел между прогрессивными и консервативными силами в данном случае определяется не самим по себе стремлением к порядку, а проходит внутри этой позиции и зависит от того, какими методами обе стороны намереваются эту цель осуществить. Да и понимание «порядка» различно, если не противоположно. Выбор здесь, в общем-то, достаточно ясен: либо строить правовое государство, либо возвращаться к административно-командной системе. Иногда

¹ См.: Васильев А.И., Кувшинов В.С. Эффективность социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы// Эффективность применения уголовного закона. С.154.

² См.: Шлыков С.А., Гацихо О.И. Ссылка// Наказания, не связанные с лишением свободы. М., 1972. С.46.

выражаются, пожалуй, даже яснее: «Нужна сильная рука». Это, как известно, означает: законы можно бы и отложить в сторону...

Юридические ведомства, включая тех, кто готовит законопроект, еще не в полной мере осознали эту альтернативу и связанную с нею опасность — подорвать процесс демократизации, скатиться к нарушениям законности прошлых лет, а тем самым остановить и демократические процессы. Иначе не было бы стремления келейно принимать нормативные, в особенности ведомственные, акты по вопросам, предполагающим широкое, гласное обсуждение и нормальную законодательную процедуру; не было бы и попыток расширительного толкования законов. Особенно прискорбно то, что кое-где возрождаются попытки использовать методы, казалось бы, уже навсегда осужденные нашим обществом: нарушение процессуальных норм предварительного следствия, затягивание сроков содержания обвиняемых под стражей, упрощение судопроизводства.

Наше общество, как и всякое другое, не застраховано от неурядиц, противоречий, преступлений, конфликтов. Но если законом четко определены разумные правовые границы человеческих поступков, если созданы и строго соблюдаются демократические процедуры разрешения возникающих коллизий, то и вспыхнувший конфликт вполне может быть остановлен и предотвращен мирными и законными средствами. Еще более важно вовремя заметить и устранить причины зарождающегося конфликта. Если народ бурлит, озлоблен, тяготеет к митингам, демонстрациям, забастовкам, значит, для этого есть объективные или субъективные причины.

Дальнейший ход реформ самым тесным образом связан с демократизацией отношений между людьми, расширением рамок свободы и укреплением гарантий ее обеспечения и защиты. Свобода личности, коллектива, нации и народности не только элемент реформы, но и необходимое условие ее успешного развития.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Что такое социальные функции права? В чем они состоят? Отличаются ли социальные функции права от социальных функций государства?

2. Что входит в механизм действия права? На какие звенья этого механизма могут повлиять законодательная и исполнительная власти? Общественные движения и организации? Граждане?

3. Воздействует ли правовая норма на психологию ее исполнителя или, напротив, личность исполнителя нормы влияет на процесс ее реализации? Аргументируйте свое мнение. Приведите примеры.

4. Что такое установка личности? Чем она отличается от психологии личности? От мотивации поступка? От правосознания?

5. Дайте понятие эффективности права. Каковы критерии эффективности правовой нормы: достижение целей, поставленных законодателем? Наступление общественно-полезного результата? Длительность действия нормы? Согласие населения с данной нормой? Аргументируйте свою точку зрения.

Глава IV

Правовая социализация личности

§ 1. Понятие правовой социализации

1. В философской, психологической и социологической литературе понятие «социализация» в его наиболее общем значении, рассматривается как процесс социального становления человеческого индивида, формирования и развития его социальной сущности. Сущность человека изменяется и развивается вместе с обществом. Изменяется социальная среда, адаптируясь к этим условиям, меняется и человек.

Социализация — это сложный процесс общественного формирования и развития личности. Она означает «весь многогранный процесс очеловечивания человека, включающий как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду и предполагающий: социальное познание, социальное общение, овладение навыками практической деятельности, включая как предметный мир, так и всю совокупность социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей и т. д., активное переустройство окружающего (как природного, так и социального) мира, изменение и качественное преобразование самого человека, его всестороннее и гармоническое развитие»¹.

Социализация — процесс непрерывный, зависящий не только от форм связей человека и социальной среды, но и от степени зрелости данного общества. Социализация включает в себя, с одной стороны, целенаправленное воздействие социальных условий, различных социальных институтов на человека с целью приобщения его к системе понятий, оценок, представлений, социальных норм и иных ценностей культуры, принятых в обществе, с другой — социальную деятельность самого человека в процессе социализации, становления личности. Человек, действуя в социальной среде, изменяет, совершенствует ее и в то же время изменяет собственную сущность, формирует у себя новые качества и свойства. Поэтому человек в процессе социализации выступает в качестве объекта и субъекта, воздействующего на внешний мир и свой внутренний, духовный мир. Таким образом, социализация индивида складывается как из формирования индивидуального опыта, так и из усвоения социального опыта.

¹ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. — С. 165.

Исходя из этого социализация рассматривается как усвоение индивидом культурной системы того общества, в котором он живет. Усваиваются прежде всего общезначимые, т. е. коллективные, нормы, система которых и составляет ту культуру, которая определяет социальный облик индивида и способствует его общественному и индивидуальному самовыражению. Индивид усваивает коллективные нормы поведения до такой степени, что они становятся частью его личности и в конце концов автоматически и подсознательно направляют все его поступки.

2. В западной литературе, посвященной проблемам социализации, преобладают две противоположные точки зрения. Первую концепцию защищают главным образом представители французской школы социологии, последователи Э. Дюркгейма. Ему же принадлежит и сам термин «социализация». В рамках этого социологического направления, основанного на коллективных верованиях, и в котором все то выражаемое, что индивид может постигнуть или даже наблюдать, имеет не индивидуальное, а общественное происхождение, социализация сводится к методическому и авторитарному воспитанию: любое правило, любой способ выражения мысли, поведения, любой образ действий, внушается группой — индивиду. При этом целью социализации является достижение однородности общества и обеспечение социального воспроизводства его членов¹. Социализация проходит через внушение шаблонов поведения, по которым каждый человек должен моделировать свое собственное поведение, с тем чтобы последующее поколение унаследовало те понятия, нравы и привычки, которые позволяют каждому новому поколению адаптироваться к условиям жизни в обществе, развивающимся как бы по спирали.

Неточность здесь состоит в том, что может сложиться ложное впечатление, будто разница в возрасте и в поколениях не имеет решающего значения и будто общество состоит лишь из одного бесконечного, продолжающегося поколения. Далее, данный подход недооценивает самостоятельности индивида и его активной роли в формировании собственного характера.

В противоположность этой концепции о явлении социализации, которая опирается на решающее значение социальной системы, но игнорирует личностный аспект, существует и другая, в которой процесс социализации мыслится сугубо индивидуальным. Такой подход связан с довольно старыми

¹ Durkheim E. L'education moral. Paris: «PUF», 1963. P. 83.

интеллектуальными традициями. Еще Монтень и особенно Руссо считали, что развитие индивида должно прежде всего зависеть от его собственной инициативы. Данная концепция занимает преимущественное место в работах психологов-генетиков. Правда, Пиаже утверждает, что именно в самом процессе социализации ум приобретает свойства объективности. Но это лишь определенный период в психическом развитии, следующей за двумя первичными фазами его эволюции. Обе первые фазы — замкнутость и эгоцентризм — в сущности своей являются сугубо индивидуальными. Кроме того, даже на стадии социоцентризма в развитии индивида его отношения в основном умственных, а не на его участии в решении общесоциальных жизненных проблем. Это значит, что примат социального отрицается, но существует относительный разрыв между формированием личности и требованиями общества. Эти требования, как нам представляется, действуют лишь в качестве опосредующего инструмента, выполняющего как бы хирургическое вмешательство на определенном этапе психического развития индивида. Данная концепция о взаимоотношениях между личностью и обществом, и следовательно о сущности процесса социализации, также не вполне соответствует действительности. Можно полагать, что создаваемые личностью связи с обществом не возникают вследствие активности рассудка и логической интуиции, а зависят от спонтанного включения в совокупность ситуации и жизненного опыта, имеющих выраженный социальный смысл.

Логично предположить, что существует иной путь подхода к явлениям социализации, сочетающий признание активной роли социальной системы с активным проявлением индивидуальных начал. В этом смысле социализация представляет собой процесс формирования социальных качеств личности. Процесс социализации выражается прежде всего в идентификации с социальными группами, к которым данный субъект принадлежит или которые он сам себе выбирает. Человек всю жизнь органически включен в группы, имеющие географическую или историческую основу: семью, класс, деревню или район, нацию. То есть человек постоянно является и биологическим организмом, и индивидуальной особью, и членом определенной общественной группы, следовательно, он приобщается сразу к трем процессам организации.

Данная принадлежность проявляется через признание и личное восприятие групповых ценностей и норм, в которых отражены прошлый, настоящий опыт и планы группы на будущее. Этим же определяется уровень знаний и личностный статус индивида. Нужно, чтобы индивид усвоил большую

часть культурного наследия общества и множество бытующих представлений и чувств, если он не хочет, чтобы на проявлениях личностно-субъективных качеств лежала печать социальной бесплодности. Опыт группы может иметь явную и выраженную форму, хотя чаще всего он является подразумеваемым, или интуитивным. Восприятие ценностей группы проявляется в следовании некоторым обязательным установкам, сопровождаемым привилегиями и запретами, а также одобрением более расплывчатых, т. е. институционально не закрепленных, установок.

3. Правовая социализация составляет необходимую и важную часть общей социализации и соотносится с ней как часть и целое. Она, как органическая часть процесса общей социализации индивида, представляет собой специфическое проявление ее общих законов в сфере формирования и развития индивидуального политического и правового сознания, правовой культуры.

Правовая социализация в своем развернутом виде означает все более полное осознание человеком, гражданином своей социальной роли, места в социальной структуре общества, выработку самосознания представителя класса, члена партийной группы, все более широкое включение в социально-правовые отношения, наполненные их личностным содержанием. Этот процесс происходит непрерывно в течение сознательной жизни человека.

Основной содержательный смысл и особенность социализации индивида в условиях демократического режима — в приобщении его к политическим и правовым нормам, ценностям, к политической и правовой культуре и практике в целом, к сознательной социально-активной деятельности, которая является универсальным способом совершенствования социальной среды и одновременно формирования личности. Будучи социальным продуктом, она зависит от развитости других форм социальной культуры, от политической и нравственной зрелости социальных групп, классов, слоев, трудовых коллективов, общества в целом. Внутренняя ценностно-нормативная система личности есть продукт индивидуального опыта и коллективных устремлений.

Раскрывая особенности правовой социализации, нужно отметить ее строгую конкретность, направленность и определенность, поскольку гражданин живет и проявляет свою активность в определенном обществе, т. е. в системе, имеющей свою собственную историю и свою собственную логику культурного, социального, политического и экономического функционирования.

Каждое государство определяет формы принадлежности к национальной общности, правила и способы участия в делах общества, структуру властных отношений и роль авторитетов, тип государственного строя. В нем действуют исторические традиции и политический режим, социально-демографические и экономические структуры общества, законодательство, с помощью которого организуются общественные отношения и определяется социальный и правовой статус личности. Форма и история взаимоотношений между общественными учреждениями и государством составляют мощные факторы, обуславливающие процесс социализации.

Социальные представления об этих явлениях формируются по-разному, в зависимости от того, какой объем прав личности признает общество: предоставляет ли оно ей автономный статус или обставляет системой зависимости. При этом интенсивность и характер идеологических предпочтений будет зависеть от того, в каких исторических условиях она живет: в условиях стремительных трансформаций или в системе давно устоявшихся социально-культурных воззрений. Восприятие отношений между управляющими и управляемыми, установки по отношению к государству будут также варьироваться в зависимости от проникновения государственной власти в сферу личных интересов, особенно в области социальной защиты. Это всего лишь несколько замечаний, которые тем не менее напоминают о невозможности рассмотрения процессов политической и правовой социализации в их абстрактном содержании.

4. Наиболее существенным следствием сказанного является тот факт, что социализация вообще, а правовая социализация в особенности, есть средоточие конфликтующих начал. Идея конфликтности заключается в самом понятии множественности групп, и, следовательно, множественности групповых принадлежностей. Тот, кто соглашается с множественностью групп: социальных, политических, половозрастных, семейных, культурных — согласен тем самым с разнообразием кодов, систем ценностей и норм. Личность может сталкиваться с ситуациями самого широкого диапазона: от гармонического созвучия до полного диссонанса. Поэтому значительно проще понять правовую социализацию как накопление различных видов опыта, гармонично дополняющих и обогащающих друг друга, и постичь однородность среды социализации как совокупность групп, в лоне которых накапливается личный опыт, что является, и это надо особо подчеркнуть, благоприятствующим фактором передачи и укрепления социальных ценностей. Однако ситуации столкновения и противоборства

являются не менее решающими. Конфликт может возникнуть из-за одновременной принадлежности к нескольким группам, но он может также появиться ввиду переосмысления всего предшествующего опыта, кардинального пересмотра ранее сложившихся взглядов.

В любом обществе существует определенный набор представлений, позиций и ценностей, разделяемых большинством его членов. Наряду с этим общим ядром существуют другие системы норм и ценностей специфичные для каждой социальной группы. Процесс социализации вписывается во все вышеуказанные комплексы норм, с помощью которых внедряется определенный тип социальный практики и внедряется социальный порядок. В то же время в процессе правовой социализации возникают благоприятные возможности для попыток сопротивления нормам, их модификации и даже опровержения. Таким образом, личность может находиться в сфере давления и навязывания весьма противоречивых норм и ценностей.

Правовая социализация не есть простое повторение из поколения в поколение устоявшихся мнений и шаблонов поведения. Фактически это означало бы вырывание явлений социализации и воспроизводства мнений из их временного контекста, стирание эффекта познания личного и коллективного опыта.

Социализация предполагает некоторую преемственность, передачу наследия. Но, говоря о наследии, не нужно это понимать как простое воспроизводство. В конце концов и это тривиальный пример — можно унаследовать дом, но, учитывая его конструкцию, можно кардинально изменить расположение комнат. Таким же образом происходит и усвоение субъектом ценностей, предпочтений и норм, которые он унаследует, т. е. он может изменить их содержание и применение, обогатить переданное наследство внесением собственного опыта.

В ходе жизненного цикла или исторического развития в более общем смысле субъекты, формирующиеся под влиянием ранее сложившихся установок, могут обогащать свой опыт, изменять шкалу предпочтений, а сами установки могут расплываться или вновь соединяться в единое целое, но каждый раз это целое будет иным. Таким же образом в зависимости от обстоятельств из этих установок могут проистекать различные мнения и поступки. Однако ранее усвоенные предрасположенности и сложившиеся установки составят ту сеть, первичную матрицу, в которую будет неизменно включаться всякий новый опыт.

5. То, что говорилось по отношению к формированию поведения и мнений, остается действительным и по отношению к процессу накопления знаний. Попытка рассматривать правовую социализацию как процесс наращивания информации вполне возможна. Но нельзя смешивать познание и знания, информацию и социализацию. В их природе и качестве существуют различия. Само понятие информации еще не содержит в самом себе порядка, организации, интенсивности. Для нас же важнейшим является изучение того, как происходит интериоризация знаний, т. е. их включенность в совокупность всей информации, приобретенной ранее, и их оценка в соответствии с социальным статусом и ролью личности в обществе.

С этой точки зрения простой замер уровня знаний недостаточен, и не потому, что ячейки информационной сетки подчас оказываются слишком широкими, чтобы уловить все значимые для жизни и поведения, но потому, что существо вопроса заключено в другом. Приобщение к социальным и политическим институтам и даже воздействие авторитетом может быть делом случая или сугубо индивидуального опыта. Если такое познание не ассоциировано полностью, не интегрировано в систему других знаний, всегда есть вероятность того, что оно останется лишь эфемерной информацией. Оно может и не стать устойчивым фактором социализации. Единственно, что остается прочным, это качество самого усвоения и стабильность полученных знаний.

Предложенный подход к феномену правовой социализации и совокупность вытекающих из него следствий подводят к различению трех его каналов, сопутствующих, но неравнозначных по ценности и важности: правовая социализация посредством научения, передача опыта и «символическая» социализация.

Социализация посредством научения основывается прежде всего на приобретении познаний и усвоении тех норм, которые прививают уважение к известному числу правил политической и правовой системы и социальным ролям, — иначе говоря, прививается определенный образ поведения и деятельности в связи с действительностью. В этот процесс включаются политические и правовые нормы, знания политических и общественных институтов, механизма их функционирования и т. д. Это и будет, образно говоря, багажом, позволяющим понимать происходящие события и выполнять свою роль гражданина. «Знания», полученные личностью, воспринимаются в этом случае как своеобразная совокупность исходных постулатов. Но, как бы ни старались придать процессу такого восприятия объективный характер, он в действительности

никогда не бывает нейтральным. Любое понятие, всякое представление о предмете соотносится с системой практических ценностей реципиента. И сама личность пытается их усвоить и изучить не иначе как в интегрированном виде, исходя из своей собственной системы оценок.

6. Социализация посредством передачи опыта выступает как плод собственного социально-политического и правового поведения и деятельности личности. Через различные роли, которые приходится выполнять, человек начинает вникать в многообразные принципы организации общества и функционирования политического режима. На практике он может проверить те нормы и ценности, которые усвоил. И исходя из того, насколько глубоким оказался разрыв между этими нормами и личным опытом, первоначальные установки будут подвержены усилению или деформации. Таким образом, имеет место некий индуктивный процесс, который, исходя из комбинирования и накопления позитивного и негативного опыта, формирует соответствующую схему политического поведения.

Наряду со сферой научения и приобретения личного опыта существует не менее существенный канал воздействия на сознание и поведение. Это так называемая «символическая» социализация. Правовая социализация не обязательно должна основываться на выводах, рожденных из непосредственного включения в политическую и юридическую практику или вследствие прямой конфронтации с политической реальностью. Она может основываться на представлениях, возникших из оценок и реакций на них со стороны членов партийной группы, общественных движений, класса, общества в целом. Например, слова: «страна», «нация», «семья и т. п. — позволяют человеку строить более или менее синкретическую схему, в которую он включает образ политической и правовой системы, но при этом не образ порождает схему, в наоборот.

Такого же рода соображения можно высказывать и для гораздо большего числа понятий. Закономерен и сам вывод о правильности такого подхода к изучению явлений социализации. С известным преувеличением можно даже сказать, что представление о понятии «страна» интересует нас не столько с точки зрения пространства, каким бы истинным оно ни было, а с точки зрения социального и правового микрокосмоса. Это представление имеет определенный смысл с точки зрения социального и политического реализма, и именно на подобном уровне его следует изучать.

Личность вырабатывает свою систему значений, соотнося их с другими высказываниями и ассоциативно объединяя

в своем политическом и правовом мышлении различные представления и понятия, иногда даже не связывая их с опытными познаниями о каком-либо предмете. Так что можно принять за основу, что личность способна на интуитивном уровне понять какой-то социальный и правовой феномен, не имея точного опыта, так как значение всех понятий опосредовано их ассоциацией с другими, уже познанными явлениями политической и правовой действительности.

Но никакое представление, даже самое абстрактное, не является просто-напросто зависящим от окружения; то, что личность сохраняет в своих социальных представлениях и оценках, всегда реформировано и отобрано согласно законам политического и юридического мышления, и практического опыта, свойственным каждому индивиду на каждой стадии его развития.

§ 2. Диалектика субъективного и объективного в процессе правовой социализации

1. Процесс правовой социализации индивида может быть понят только в том случае, если его рассматривать в тесной связи с такими предпосылками, составляющими суть всякого существования людей, как социальные условия их жизни, общественные отношения, деятельность этих людей, посредством которой они изменяют социальную среду и свою собственную сущность, свои идеалы и взгляды, поступки, а также их воспитание. Эти предпосылки являются исходными методологическими принципами анализа сущности, структуры, механизма процесса, правовой социализации индивида.

Вне конкретно-исторических видов и форм общественных отношений и деятельности, воспитания не может быть реального процесса социализации. В такой же мере вне философских категорий, отражающих эти реалии, нет и не может быть методологии правовой социализации как предмета научного исследования.

Философские категории «общественные отношения», «деятельность», «воспитание» позволяют наиболее глубоко анализировать разнообразнейшие социальные явления и процессы, в том числе и такой сложный процесс, как социализация, формирование личности.

Вне реальных социально-экономических, политических, культурных, нравственных, правовых и других общественных отношений и общения, выступающих в качестве основной предпосылки различных видов человеческой деятельности, нельзя представить себе правовую социализацию индивида. Общественные отношения и общение, составляющие основу социальной действительности, выражающие содержательные особенности социальной макро- и микросреды, являются реальной основой процесса социализации индивида.

Общественные отношения — это не абстрактные связи между людьми. Это межличностное общение, постоянный процесс взаимовлияния людей друг на друга, соприкосновения их потребностей и интересов, сопоставление взглядов и убеждений, обмен деятельностью, опытом, а также результатами деятельности, предметно воплощенными в материальной и духовной культуре. В общении раскрываются рациональное, эмоциональное и волевое взаимовлияние и взаимодействие людей, выявляется и формируется общность настроений, взглядов, осуществляется передача и усвоение манер, привычек, стиля поведения, образа жизни, создаются сплоченность и солидарность, характеризующие групповую и коллективную деятельность¹.

В процессе этого опосредованного и непосредственного общения, взаимодействия индивид испытывает влияние непосредственного социального окружения, в рамках которого он эмпирическим путем приобретает определенную социальную информацию. Часть этой информации усваивается в виде императивов поведения, поскольку в информации всегда содержатся требования, предписания, целесообразные альтернативы действий, а также социальные нормы. Именно в общении проявляется социальный характер связей между людьми, нравственно-правовых принципов и норм поведения. Общение — непосредственная форма развития, средство формирования социальной культуры личности².

Определяющее влияние общественных отношений, межличностного общения на формирование индивида предполагает, что цели и задачи процесса социализации не могут выдвигаться произвольно, а отражают объективное содержание конкретно-исторических форм этих отношений. Противоречия между субъективно намеченными, хотя и самыми

¹ Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. С. 111.

² Буева Л.П. Диалектика социального и индивидуального в развитии личности // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. М., 1983. С. 116.

гуманными целями и объективным содержанием общественных отношений приводят на практике к разрыву между объективными и субъективными факторами социализации индивида.

Отметим, что в западной литературе общепринятым является разделение социализации на две основные формы: прямую и косвенную. При прямой социализации содержание приобретаемых индивидом ориентаций носит явно выраженный политический характер (например, представление о государственном и политическом строе, о внутренней и внешней политике и т. п.). В случае косвенной социализации человек вырабатывает ориентации, которые сами по себе не являются политическими, но в то же время влияют на его политическое поведение (например, под влиянием окружения, неформальных групп формируется чувство уважения к власти, к закону, к авторитету и т. п.). При этом абсолютизируется косвенная форма политизации, поскольку она как бы является продолжением естественного процесса развития личности¹. Понятно между тем, что обе формы являются разными видами общения между индивидами.

Вся совокупность общественных отношений, все виды и формы социального общения не существуют вне предметно-практической деятельности индивидов. Общественные отношения определяют организацию, содержание деятельности, способ реализации ее социализирующих функций. Социальная деятельность выступает как сила, воспроизводящая и изменяющая социальную среду, реальные общественные отношения, содержание общения, содержание социальных ролей, а вместе с ними структуру и содержание политического и правового сознания и поведения, уровень политической и правовой культуры личности в целом. Поэтому изучение социальной среды, реальных общественных отношений вне деятельности индивида не дает возможности анализировать систему социализации в динамике ее развития. Живая практика, конкретная деятельность представляют собой тот решающий фактор, который обуславливает изменение социального окружения индивида, общественных отношений и его собственное развитие.

Решающая роль социальной деятельности индивида — важнейший методологический принцип в исследовании личности². В основе всех видов и форм деятельности, характеризующих человека как систему, находится социальная

¹ Подробнее см.: Федосеев А.А. Политика как объект социологического исследования. Л., 1974. С. 98. и сл.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 483-484.

деятельность¹. Следовательно, необходимо включать индивида во всеобщие, основные виды деятельности и избирать те их формы, которые соответствуют его потребностям, интересам, раскрытию его способностей, дарований и потребностей, интересам общества. Встает задача сознательного построения соответствующей системы деятельности личности, задача развития и совершенствования структуры форм ее жизнедеятельности.

2. Неотъемлемой составной частью процесса социализации индивида выступают политическое и правовое воспитание. Его цель — формирование системы знаний, убежденности, мотивов и привычки социально-активного поведения.

Правовое воспитание осуществляется в различных формах. Это прежде всего обучение, просвещение и пропаганда. Полученные знания помогают индивиду формировать ценностные ориентации, социальную установку. Они играют важную роль в упорядочении сознательной деятельности личности, выступают стержнем правового сознания и в конечном счете оказывают существенное влияние на формирование отношения человека к различным политическим явлениям, определяют его поведение в сфере общества. От уровня, качества воспитания в значительной мере зависит уровень культуры личности, быстрота превращения социальной нормы в реальность, перевода нормативных требований в привычку, в социально-активное поведение.

Однако перемещение политико-правовых норм и системы ценностей во внутреннюю структуру индивида невозможно без его собственных усилий. Чтобы внешние социализирующие воздействия были должным образом восприняты и усвоены индивидом, необходимо желание его самого взять на вооружение те ценности, которые культивирует общество. Поэтому важную роль в механизме социализации выполняет самосознание индивида как участника социального общения.

Самосознание суть восприятие, осознание, оценка, контроль участников общения своего положения, действий и их последствий в каждой конкретной социальной ситуации. Оно способствует самовоспитанию индивида, которое является необходимым дополнением процесса правовой социализации.

Вопрос о влиянии совокупности внешних социализирующих воздействий на личность достаточно широко освещен в философской, политологической, социологической, педагогической, психологической и юридической литературе, между тем как проблема самовоспитания личности, роль самовоспитания в

¹ Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С. 4.

процессе политического формирования пока еще разработана недостаточно. Вместе с тем становление и изменение индивида необходимо рассматривать как двуединый процесс, в котором он предстает и как объект социализирующего воздействия, и как активный субъект. Активность личности не сводится к одной только практической деятельности, направленной вовне, в ходе которой происходят и политическое развитие и изменение. Духовная деятельность направлена непосредственно и на личность, которая, являясь ее предметом, способна изменяться под влиянием самопознания и самооценки.

В теории воспитания общепризнано, что самовоспитание является результатом хорошо организованного воспитания. Роль самовоспитания как необходимого условия воспитания подчеркивали В.А. Сухомлинский, И.С. Кон, А.Г. Ковалев, В.П. Киселев, Л.И. Рувинский, И.А. Донцов и другие исследователи¹. Работы, посвященные самосознанию и самовоспитанию человека, можно рассматривать как серьезный вклад в познание личностного уровня процесса правовой социализации.

Осознанная внутренняя активность, направленная на изменение своей личности, выработку у себя желательных качеств, называется самовоспитанием. Самовоспитание — это работа человека над формированием собственной личности. Самовоспитание — это осознанная, целеустремленная деятельность человека, направленная на выработку и совершенствование своих социальных качеств в соответствии с ценностными представлениями и социальными ориентациями, складывающимися под воздействием общественных условий и воспитания.

Самовоспитание охватывает все сферы умственного, нравственного и физического качества, вкусы и черты характера. Стремление индивида к самовоспитанию, его содержание порождается самой социальной средой, воспитанием и собственной деятельностью.

¹ Ковалев А.Г., Бодалев А.В. Психология и педагогика самовоспитания. Л., 1958; Арет А.Я. Очерки по теории самовоспитания. Фрунзе, 1961; Абульханова Е.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973; Донцов И.А. Личное самосовершенствование и мораль. М., 1975; Леви В.Л. Искусство быть собой. М., 1977; Киселев В.П. Нравственное самовоспитание. М., 1977; Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978; Сухомлинский В.А. Рождение гражданина // Избр. пед. соч.: В 3 т. М., 1979. Т. 1.; Чеснокова И.И. О психологических основах самовоспитания // Психология формирования и развития личности. М., 1981; Дубинин Н.П. Что такое человек. М., 1983; Рувинский Л.И. Самовоспитание личности. М., 1984; Донцов И.А. Самовоспитание личности. М., 1984 и др.

Правовое самовоспитание предполагает усвоение, развитие, укрепление определенных принципов политики, права и морали, ценностей, социальных и правовых норм поведения для того, чтобы устоять перед любым негативным внешним влиянием. Оно основано на сознательном преобразовании личности, развитии положительных и преодолении своих прежних асоциальных качеств, собственных недостатков, на самопринуждении, самоконтроле. Причем ведущим процессом является самовоспитание социально значимых ориентаций, установок на позитивное поведение.

Опережающее развитие последних обеспечивает высокую результативность социализации. Так происходит становление политической сознательности, ответственности, дисциплинированности, принципиальности, чувства собственного достоинства и других ценных социальных черт.

Главным моментом в самовоспитании личности и его основным содержанием являются пополнения и обновления знаний. Самообразование выступает в роли своеобразного катализатора, ускоряющего процесс формирования и развития личности. Оно, как форма обогащения индивида, способствует усвоению и «переработке» политической и правовой информации, социально-правового опыта, социальных норм и критериев поведения. Повышение уровня образования, культуры личности в процессе самовоспитания развивает самоконтроль и другие социально значимые качества.

Внешние социализирующие факторы и самовоспитание индивида не должны рассматриваться как некое внешнее соединение самостоятельных процессов. Это взаимосвязанные аспекты единого процесса формирования и развития личности, предполагающего социальную обусловленность ее формирования и развития, индивидуальную активность, проявляющуюся в различных видах ее практической деятельности и общественных отношений. Проблема соотношения внешних социализирующих факторов и самовоспитания индивида связана с проблемой диалектической взаимосвязи всех форм общественной и индивидуальной деятельности, создания условий, при которых цели социальной деятельности отвечают целям, потребностям индивидуальной деятельности. Это, наконец, проблема взаимодействия, взаимоперехода внешнего и внутреннего, объективного и субъективного в общем процессе правовой социализации индивида.

Диалектика объективных обстоятельств и субъективного фактора социализации, способности последних к взаимопереходу открывают возможность для понимания этого процесса как двуединого процесса интерриоризации объективных

внешних социализирующих воздействий и экстерииоризации личностных качеств человека, а также устанавливают вес социального и личностного¹.

Экстерииоризация означает процесс объективизации внутреннего мира человека, превращения его сознания в элементы действительности².

3. Изложенные соображения представляют достаточное основание, чтобы сформулировать некоторые положения методологического характера.

Прежде всего не следует ограничивать анализ процесса правовой социализации рамками социальной макро- или микросреды или правовым воспитанием, а включить в предмет этого анализа все общество в целом и каждого индивида в качестве субъекта и объекта социализации; все виды и формы практической деятельности и социального общения, правовое воспитание рассматривать в качестве средств, слгаемых социализации.

Процесс правовой социализации следует рассматривать как целостное единство социализирующих воздействий на индивида социальной среды, целенаправленной воспитательной деятельности общества, его социальных институтов, собственной деятельности. А это значит наиболее полно отразить реальные границы и объем правовой социализации, совокупность объективных и субъективных факторов, опосредующих ее структуру, содержание и развитие.

Далее, анализ правовой социализации как воздействие общественных отношений, деятельности и воспитания на формирование индивида дает основания для того, чтобы представить этот процесс в качестве совокупности его основных относительно самостоятельных сфер и показать их взаимовлияние, особенности и социализирующие возможности.

Приведенное определение наиболее адекватно отражает специфику функционирования процесса социализации как на уровне общества, социальной микросреды, так и на уровне личности.

Наконец, методологический принцип анализа правовой социализации посредством общественных отношений, деятельности и воспитания позволяет рассмотреть этот процесс не только в статике, но и в динамике, развитии, функционировании.

¹ Под интерииоризацией подразумевается переход внешней предметной деятельности и общения во внутреннюю психическую деятельность, деятельность сознания. (См.: Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 95.)

² См.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Л.: 1968, — С. 329.

Следовательно, такой принцип дает возможность проанализировать процесс социализации не только в аспекте его субъективно-объективных отношений, но как целостную систему, представляющую собой совокупность структурных компонентов целей и средств, уровней и сфер.

Изучение системного характера процесса социализации является условием для того, чтобы предусмотреть основные предпосылки его оптимизации на этапе реформы и управлять им.

Определение правовой социализации как специфического усвоения индивидом норм и ценностей политической и правовой культуры в целом, окружающей его социальной среды посредством воспитания, изменения и развития его деятельности и общественных отношений обеспечивает возможность преодолеть терминологическую неопределенность в методологии и методике процесса социализации, которая наблюдается в литературе.

Одним из ошибочных суждений, базирующихся на одностороннем понимании социализации, является точка зрения, согласно которой социализация исчерпывается главным образом воспитанием.

Воспитание понимается в узком и широком смысле. В узком смысле под воспитанием подразумевают целенаправленную организованную деятельность общества и его социальных институтов по формированию у личности политических и правовых знаний, убеждений и установок на социально-активное поведение. Оно включает и обучение, и просвещение.

Однако сила воздействия воспитания зависит от целого ряда обстоятельств, прежде всего от характера влияния, идущего от социальной среды и от собственной активности личности. Забвение этого аспекта приводит к тому, что целевые установки воспитания, рассчитанные на формирование сознания личности, отрываются от ее деятельности, от социальной практики, т. е. основных средств их реализации, и связываются преимущественно со средствами и формами воспитательного, психологического воздействия на личность.

4. В правовой литературе длительное время господствовало одностороннее представление о механизме правового воспитания как о процессе непрерывного накопления некой суммы знаний о праве. В то же время не проводилось строгой дифференциации в оценке роли и значения других факторов (в том числе социальных, образовательных, профессиональных) в правовоспитательном процессе. Недооценивались и социально-психологические факторы, оказывающие большое влияние на формирование элементов общей и правовой культуры. Это, по-видимому, можно объяснить двумя

причинами: слабым развитием социальной психологии как самостоятельного научного направления и односторонним, скорее, упрощенным, представлением о реакции различных людей на источник информации, о сущности информационного процесса, о мотивационной структуре поведения личности в конкретной ситуации.

В широком значении правовое воспитание понимается как воздействие на индивида всех условий социальной среды во взаимодействии с его индивидуальными свойствами, т. е. как система объективных и субъективных факторов. В такой широкой интерпретации понятие «правовое воспитание» зачастую отождествляется с понятием «правовая социализация» — процессом, включающим в себя «стихийные» и «сознательные» элементы формирования политической культуры и личности, позитивные и негативные факторы.

Отличительная особенность процесса социализации не в создании каких-то особых, оторванных от жизни воспитательных систем, а в целенаправленной человеческой деятельности, в сознательном изменении и совершенствовании характера, организации и содержания социальной практики и общения людей, в их организованном воспитании — универсальных средствах формирования и развития индивида. Поэтому с этой точки зрения нет никаких методологических оснований для того, чтобы идентифицировать понятия «правовое воспитание» и «правовая социализация», равно как и ограничивать «правовое воспитание» в первом случае сферой идеологических воздействий, а во втором — ставить знак равенства между понятиями «воспитание» и «социализация».

Попытка отождествления этих понятий не отвечает сути основных концептуальных положений теории о сущности и специфике правовой социализации.

Анализ правовой социализации посредством общественных отношений, деятельности и воспитания предполагает включение в сферу этого процесса множества самых различных взаимодействующих объективных материальных, социальных и духовных условий и субъективных факторов, определяющих становление личности. Все они в комплексном единстве, сопряжении и взаимопроникновении и каждый по-своему, сообразно своим возможностям, сознательно или стихийно участвуют в процессе социализации индивида.

Следовательно, достижение целей правовой социализации зависит от того, в какой мере в совокупности таких общественных отношений заложены объективные возможности становления личности; от эффективности

реализаций социализирующих функций разносторонней деятельности и общения индивида; от эффективности организованного воспитания; от того, насколько вся совокупность внешних социализирующих воздействий на личность содействует развитию ее самосознания и потребности в самовоспитании. Они действуют оптимально только в единстве. В процессе социализации они нераздельны и не могут функционировать в отрыве друг от друга, тем более компенсироваться за счет друг друга.

Процесс правовой социализации — сложный социальный феномен, связанный с формированием духовного мира индивида, — в равной мере затрагивает его настоящее и будущее. Его следует рассматривать в качестве специфической социальной системы, которой свойственен свой механизм внутренней организации и функционирования, т. е. своя структура.

§ 3. Правовая культура как фактор социализации

1. Трудно представить себе более многозначное понятие, чем «культура». Не только в повседневной жизни оно имеет несколько значений, но и различные науки оперируют этим понятием, вкладывая в него различный смысл.

Понятие «культура» идет от латинского слова «культиваре», что означает «обрабатывать почву». Этимологически культура означает обработку. Не случайно Цицерон называл философию культурой духа. Позднее понятие культуры модифицировалось, оно стало означать систему ценностей, созданных человеком. В прошлом веке социология и антропология вкладывали в этот термин более широкий смысл, обозначая им все то, что не существует само по себе, от природы, а является результатом деятельности человека.

В научной литературе проводят различия между цивилизацией и культурой. Цивилизация представляет собой совокупность технических средств и способов господства над природой, она носит практический (утилитарный) характер. В свою очередь культура — это область ценностей, в том числе тех качеств, которые могут быть использованы непосредственно для практических целей.

Часто проводится разграничение между понятиями духовной и материальной культуры. Это разграничение берет начало в идеалистической философии Платона, различавшего мир идей и материальный мир.

Для нашего дальнейшего изложения мы принимаем следующую дефиницию: культура — это все произведения человеческой деятельности (материальные и духовные), ценности, созданные в процессе этой деятельности, включая общепринятые образцы и нормы поведения, передаваемые из поколения в поколение. Определенная таким образом, культура включает следующие основные элементы:

материальная культура — совокупность орудий, средств производства и других материальных ценностей человеческого общества на данном историческом этапе;

духовная культура — совокупность достижений человечества в области науки и искусства, государственной жизни и общественного быта. В этом смысле моральные нормы и правовые принципы являются частью культуры.

Не все произведения человеческой деятельности входят в культуру, некоторые из них быстро исчезают, не воспринимаются социальными группами, не передаются из поколения в поколение.

Обычно, для того чтобы стать частью культуры, данное произведение должно объективизироваться, т. е. материализоваться каким-либо способом. Разумеется, речь идет не только о техническом воспроизведении тех или иных ценностей, но и устных преданиях, привычках и обычаях, передаваемых поколениями.

Культура всегда локализована во времени и пространстве. Она не существует вне социальной группы. В этом смысле говорят о культуре подростков, культуре большого города, господствующего класса, пролетарской культуре и т. п.

Кроме того, различаются культура личности, индивида и культура группы, общности.

Культура отдельной личности (отдельного человека) — это совокупность ее способов поведения, ее методов деятельности, ее мыслей, понятий, результатов ее деятельности, которые часто могут и не быть известны другим людям. Культура индивида обычно вмещается в рамки культуры соответствующей группы, к которой он принадлежит, хотя здесь могут быть и существенные отклонения. Это можно сказать и о правовой культуре, которая в отличие от позитивного права весьма неоднородна.

Если иметь в виду правовую культуру в ее официальном качестве, т. е. как явление идеологического порядка, то она ориентирована государством и обществом на формирование и развитие политического и правового сознания людей, их ценностно-нормативного комплекса, а тем самым и поведения и деятельности в правовой сфере. Это воздействие

осуществляется путем закрепления определенных правовых взглядов, духовных ценностей и т. д.; развития и трансформации содержания правовой идеологии и правового сознания; введения в правовое сознание личности, социальных групп, общества в целом новых взглядов, правовых ценностей и т. п.; ломки устаревших правовых стереотипов, взглядов и ценностей.

В социально-психологическом плане правовая культура, как и правовая система в целом, характеризуется единством правовой нормы и реального поведения людей; совпадения норм и ценностей; достижения социальной эффективности права.

Следовательно, интегрированные качества правовой культуры не ограничиваются ролью нормативного ориентира. Ее целью является активное вторжение в социальную среду, воздействие на сформировавшиеся установки, направление членов коллективов и социальных групп к пониманию необходимости прогрессивных норм правового поведения. Тем самым правовая культура обеспечивает включенность индивидов и коллективов в единую систему социальной организации.

Но надо заметить, что фактическое состояние правовой культуры может подчас существенно отличаться от официальных установок и идеальных образцов. Различно знание права, разным является и отношение к нему со стороны классов, социальных групп, индивидов.

Как уже отмечалось, основное содержание культуры представляет собой совокупность тех творений мысли и деятельности, те ценности и образцы поведения, которые признаны и приняты членами общества и которые определяют данное поведение как обязательное (например, требования приличий, принципы совместного общения, критерии эстетических и моральных оценок). Культура включает общечеловеческие, классовые, национальные, групповые ценности, представления и идеалы. Все это относится и к правовой культуре¹.

3. Проследим основные направления, в которых культура воздействует на человека и вскроем значение этого воздействия в плане социологии права.

Первое — это процесс социализации. Социализация — это та часть целостного влияния культуры на личность, которая подготавливает ее к социальной жизни, т. е. жизни в обществе, учит ее поведению, отвечающему принятым в

¹ См.: Сальников В.П. Правовая культура// Общая теория права. 1993. С. 495 и сл.

обществе образцам поведения, формирует у нее способность играть определенные социальные роли.

Социализация охватывает влияние семьи, сверстников, круга друзей, прессы, телевидения, радио, кино и др. В этом смысле воспитание является частью социализации. Оно включает только ту ее часть, которая формирует такие качества личности, которые желательны с точки зрения интересов группы и общества, к которым индивид принадлежит, т. е. воспитание есть процесс целенаправленный. Как воспитание, так и в целом социализация дают индивиду теоретические знания и практические навыки, умение поступать в различных социальных ситуациях, возможность адаптироваться (приспосабливаться) к их изменениям. Социализация учит дисциплине, овладению эмоциями и своим поведением.

В процессе социализации индивид усваивает искусство играть определенную социальную роль, т. е. приобретает умение быть членом коллектива, коллегой, отцом семейства, учится реализовывать посредством своего поведения ожидания других и приспосабливать свое поведение к поведению других. Социализация дает определенную профессиональную квалификацию и навыки в зависимости от культуры, в которой живет индивид.

Социализация зачастую приводит к конформизму, т. е. стремлению индивида к поведению, соответствующему ожиданиям группы. Степень конформизма может быть различна. Конформизм в общем рассматривается как отрицательное качество личности, потому что большей частью он ассоциируется с некритичным отношением к действительности.

Социализация, следовательно, формирует личность человека и приспособливает его к жизни в обществе, дает ему возможность контактировать с людьми, учит, как нужно действовать для достижения как общественных, так и конкретных житейских целей.

Второе направление, посредством которого культура влияет на индивида, — установление системы ценностей.

Понятие «ценность» встречается в этике, экономике, философии, социологии, праве. Оно используется и в повседневной жизни, так как имеет много значений. Ценностью называют явление, идею или институт, действительные или воображаемые предметы, в отношении которых индивиду или социальные группы испытывают уважение, которым приписывают важную роль в своей жизни, а стремление к их достижению ощущают как необходимость, обязанность. Ценностями являются те предметы или состояния, которые обеспечивают индивиду или группе психическое равновесие, дают удовлетворение;

стремление к ним или их достижение дают чувство хорошо выполненного долга, те понятия, которые необходимы для поддержания внутренней солидарности группы, ее силы и значения среди других групп.

В некоторых группах, например, наибольшее значение могут иметь деньги, богатство, власть, в других — идеология, в третьих — политика или честь, достоинство, социальный престиж и т. д.

Система ценностей (распределение их по важности в сознании личности), будь то экономические, идеологические или политические и т. д. ценности, зависит от силы, значения и влияния группы, которая стоит за ними. От силы группы зависят и конфликты, которые могут появляться на основе различий в системе ценностей.

Социологию интересует проблема системы ценностей личности, являющейся одним из регуляторов человеческого поведения. Система ценностей дает возможность оценить чужое поведение. Она служит основой оценки социальной значимости данной группы и в большой степени обуславливает принципы совместной жизни в группе.

Социология права занимается, в частности, проблемой социальной ценности права, его престижа в обществе. В зависимости от того, какое место занимают правовые нормы в ценностной системе личности, определяется и ее правовое поведение. В процессе социализации некоторые нормы бывают интериоризированы, т. е. так глубоко усвоены индивидом, что их соблюдение является результатом его внутреннего убеждения в их ценности. Однако это не всегда так. В ряде случаев поведение индивида обусловлено страхом перед возможной санкцией. Это означает, что подлинной социализации личности не произошло.

Третье направление влияния культуры на индивида в обществе — формирование образцов поведения (реакций на определенные ситуации). Это можно также назвать навыками, привычками, стереотипами правового поведения.

Не одна лишь естественная склонность к выказыванию симпатии, а конкретные образцы поведения, установленные в данной культуре, являются причиной того, что в одном обществе люди приветствуют друг друга, подавая руку, в другом — соприкасаясь носами, в третьем — кланяясь друг другу. Чувство симпатии или уважения с точки зрения психологии одинаково у всех людей, однако его внешнее выражение определяется образцами поведения.

Образец поведения определяет, как индивид должен реагировать в ситуации, которую считает важной для самого

себя или для группы в целом, вести себя в соответствии с ожиданиями этой группы и не вступать в конфликт с другими членами группы. Образцами поведения являются сложившиеся схемы, применяемые в определенных ситуациях. Социальную жизнь можно рассматривать как постоянную цепь ситуаций, в которых люди воздействуют друг на друга, передают информацию, ожидают получения чего-либо от других, стремятся оказать на других какое-то влияние. Каждая встреча с другими людьми — это новая ситуация: знакомство, заседание, дружеская встреча, приглашение в гости, возбуждение дела в суде, заключение договора и пр. — культура, в которой находится личность и определяет образ поведения, принятый как «нормальный», признанный группой (точнее, образец поведения определяет сферу допустимого и результативного в данной ситуации поведения). Например, адвокат, защищающий своего клиента, не может приводить в суде обстоятельства, вредящие его клиенту, но в то же время должен держаться с судьей и прокурором, как со своими коллегами.

Образцы поведения, следовательно, являются факторами, унифицирующими поведение людей, облегчающими контакты между ними. Некоторые образцы формализованы или регламентированы правом, например способ подачи жалобы в вышестоящий орган, правила движения по улицам и многое другое. Установленные культурой образцы поведения являются основой существующего в обществе порядка, упрощают взаимное приспособление людей согласно определению соответствующей ситуации. Вместе с тем они имеют и консервативную сторону, препятствуя неординарным, новаторским поступкам, развитию новых форм взаимодействия людей.

Четвертое направление влияния культуры на социальную жизнь — установление определенных моделей (идеалов).

Образцы поведения выражают определенную, установленную и принятую в данной культуре постоянность и периодичность течения процессов и отношений между людьми. Это определенные схемы, которые позволяют «рассчитывать», понимать поведение других, подразумевая, что обычно определенное поведение выражает определенное намерение.

Идеал выполняет другую функцию. Он является символическим представлением о будущем, о желательном состоянии вещей, служит в качестве эталона для оценки явлений и процессов. Например, идеал личности — это воплощение тех черт, которые высоко оцениваются в данной группе.

Формирование человека под воздействием окружающей его культуры идет наиболее интенсивно в период до

наступления совершеннолетия. Если из-за дефектов в социализации (например, плохой семейной и социальной среды, попадания в группу, которая имеет отрицательное влияние на поведение всех своих членов, дефектов воспитательного процесса, неблагоприятных условий, способствующих развитию негативных наклонностей у человека и пр.) наступает деформация личности, о чем уже говорилось выше.

С учетом сказанного социология правовой культуры предполагает:

— теоретическую разработку вопросов социализации личности и изучение механизмов правовой социализации. Речь идет, в частности, о создании такой системы ценностей, которая включает сознательное соблюдение правовых норм;

— исследование общественного мнения по вопросам воспитания населения, прежде всего молодежи, отношения к преступности и борьбе с ней;

— исследование правового сознания личности, социальных групп и общества в целом и его влияние на правовое поведение;

— разработку эффективных методов ресоциализации, т. е. перевоспитания преступников в результате проведения исследований в местах отбытия наказания в виде лишения свободы.

§ 4. Социологические аспекты принципа «знание права»

1. Говоря о социальных функциях права, среди прочих упоминалась информационная функция. Она соответствует одной из главных целей правового процесса — распространению знаний о праве, повышению роли и значения юридической культуры среди населения.

Правовая информированность гражданина и знание права — тесно взаимосвязанные категории. Достаточно указать на то, что правовые знания составляют ядро правосознания, его когнитивную составляющую, ибо «способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — это знание»¹.

Роль правовых знаний в упорядочении сознательной деятельности личности в правовой сфере весьма значительна. Вся эта деятельность предполагает в качестве основы не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 633.

только знание, но и понимание тех требований, которые государство предъявляет к гражданину. Естественно, что правила поведения, закрепленные в нормах права, непременно должны быть известны гражданину, поняты и осознаны им; это одно из условий формирования ответственного отношения человека к реализации им своих прав и выполнению обязанностей.

Правовой опыт, компетентность гражданина как общественного деятеля в значительной мере предопределяются не только уровнем общеобразовательной подготовки к политической грамотности, но и успехами в овладении специальными познаниями в области государства и права¹. Правовая информированность есть необходимое условие нормальной деятельности всех членов общества, наше государство обеспечивает правовую информированность многими средствами.

Во-первых, само законодательство излагается не казуистически, а в возможно более доступной форме.

Во-вторых, к услугам граждан создается широкая сеть юридических консультаций, существует система оповещения о новом законодательстве через средства массовой информации (газеты, радио, телевидение), издаются и направляются подписчикам официальные вестники законодательства.

В-третьих, в последнее десятилетие произошло существенное структурное улучшение всего массива правовой информации, созданы и функционируют автоматизированные системы накопления и поиска правовой информации.

Однако даже столь развернутый, на первый взгляд, механизм правового оповещения не дает оснований полагать, будто правовая информированность граждан тем самым полностью и автоматически гарантируется. Из-за сложности правовой материи, наличия в праве разветвленного отраслевого законодательства, большого количества подзаконных актов в России, как и в других странах, возникают определенные затруднения в обеспечении граждан правовой информацией, по крайней мере в том, что касается доведения конкретных норм до членов общества, которых они непосредственно касаются.

¹ В 1753 г. английский профессор Блэкстон, приступая к своим Оксфордским чтениям по английскому праву, считал своим долгом оправдать это новшество в университетском преподавании следующим напутствием студентам: «Преимущества и свободное время даны джентльменам не только для их собственной пользы, но и в интересах общества, а между тем они не могут ни на каком поприще жизни правильно исполнить свой долг по отношению к обществу и самим себе, если они не знакомы до некоторой степени с правом и законом» /Дит. по: Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Пг., 1915. С.5./

Разумеется, на современном этапе возможности правовой информации значительно возросли из-за разветвленности каналов массовой коммуникации, внедрения в информационный процесс автоматизированных поисковых систем (компьютеров), вмещающих в блок памяти почти неограниченное количество нормативного материала. Но как раз в этом и заключается истинный парадокс: с одной стороны, граждане страдают от отсутствия необходимой им информации, а с другой — от избыточной информации, что создает трудности в ее использовании в каждом конкретном случае, когда под слоями новой информации утрачивается значение базовых, первичных знаний, генерализованных и закрепленных в человеческой памяти. Этой проблемой ныне заняты многие ученые специалисты по математике, кибернетике, социальной психологии, социологии и т. п.

2. Различаются несколько типов элементарных и практически наиболее эффективных способов информирования граждан о праве: непосредственное ознакомление с текстом по личной инициативе; специальное уведомление заинтересованных лиц и учреждения; передача сообщения (теста норм) через средства массовой информации; обращение к эксперту или в юридическую консультацию; официальный запрос в центр правовой информации; афиширование (расклеивание) текста закона или иного предписания в публичных местах; общение с окружающими, т. е. неформальные контакты.

Эффективность регулятивной и воспитательной функций права во многом определяется качеством правовой информации, нормальным, бесперебойным и оперативным обеспечением ею всех адресатов. Для этого источник информации должен располагать необходимым, постоянно пополняемым количеством сведений, представляющих ценность для получателей информации; придавать своим сообщениям форму, приемлемую и доступную для получателей; обеспечивать постоянную и целенаправленную передачу этих сведений получателям информации¹.

Из действия права как источника информации вытекает ряд практических следствий. Одним из них является незаметность знания права в трех основных сферах: при совершении действий процедурного (инструментального) характера; в процессе профессиональной, особенно юридической, деятельности; при реализации гражданами их прав и обязанностей по отношению к государству и обществу.

¹ Подробнее см.: Личность и уважение к закону. М., 1979. С. 222-223.

Правовые нормы процедурного (инструментального) характера содержат сведения о порядке, последовательности совершения конкретных действий и имеют, в отличие от других норм, специфический характер. Они большей частью морально безразличны (поскольку не затрагивают интересов других лиц); последствия несоблюдения таких норм редко выражаются в виде санкции, обычно это просто недостижение желаемого субъектом результата. К такому роду могут быть отнесены нормы, регулирующие, например, порядок оформления пенсии, документов для поступления в вуз, устройства на работу, составления некоторых служебных документов, подачи исковых и других заявлений.

Вторая группа норм регулирует отношения в сфере профессиональной деятельности людей. Вполне естественно, что их знание является неременным условием нормального выполнения ряда предписанных законом функций. Это касается как должностных лиц государства, так и служащих частных компаний. Незнание юридических норм нередко приводит к совершению не только незаконных действий типа преступлений и правонарушений, но и аморальных поступков, ибо большей частью правовые и моральные принципы действуют слитно, а правовые санкции получают оценку с точки зрения нравственности.

В отличие от первых двух групп, важных главным образом в практически-утилитарном или профессиональном отношении, третья группа норм, регулирующая отношения индивида и государства в аспекте прав, свобод и обязанности личности, имеет прежде всего политическое значение. Знание лицом своих прав и обязанностей по отношению к государству, как и знание полномочий последнего, — гарантия нормального функционирования общественных институтов, неременное условие внутренней жизни любого государственно-организованного общества¹.

3. Категория «знание права» с древнейших времен занимала умы выдающихся юристов. Ее роль и значение в осуществлении актов гражданского оборота, в повседневной деятельности людей, их общении и реализации ответственности исключительно велика. Непосредственное воплощение она получила в целом ряде правовых принципов и презумпций. Таковы «незнание закона не есть оправдание», «никто не вправе ссылаться на незнание закона», «незнание закона не освобождает от ответственности».

¹ См.: Кудрявцев Ю.В. Знание правовой нормы // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 30.

Но из-за сложности правовой материи, наличия в праве разветвленного отраслевого законодательства, а также инфляции подзаконных актов, поток которых стремительно возрастает, возникают определенные затруднения в обеспечении граждан правовой информацией, по крайней мере в том, что касается доведения конкретных норм до членов общества.

3. Возникает вопрос: в каком соотношении находится правовая презумпция «знание права» с ее реальным содержанием? Если эту мысль сформулировать по-иному, то проблема заключается в том, чтобы определить критерии применимости издаваемых существующих и широко применявшихся презумпций о знании права к режиму правовой ответственности, критерии и основания которой глубоко эволюционировали.

Эту проблему можно поставить и в традиционной форме: допустимо ли опровержение правовых презумпций и до какой степени.

Для этого требуется этимологический анализ самих терминов «презумпция» и «презюмирование». Латинское слово «*presumptio*» имеет несколько значений. Одно из них — предположение¹ — широко используется в науке и практической деятельности людей. Однако не всякое предположение является презумпцией. Например, предположение об изменении погоды, о вероятном исходе спортивного состязания и т. п. не может быть отнесено к разряду научно доказанных презумпций, ибо для презумпции характерно не предположение на уровне обыденных фактов, а проверенная на практике, устойчивая связь между рядом фактов.

Из этого теоретического положения можно сделать вывод о том, что факт опубликования закона порождает вполне обоснованное предположение, что по истечении установленного законодательством времени граждане знают закон и, следовательно, должны его исполнять. Отсюда возникло и общепризнанное правило: «никто не вправе отговариваться ссылкой на незнание закона».

Из действия презумпции знания закона вытекает запрет оправдываться его незнанием (*ignoratio non est argumenta*). Эта формула была разработана еще юристами Древнего Рима.

Не трудно заметить, что такого рода презумпция есть нарочитое преувеличение. В самом деле, среди граждан, которым адресованы законы, есть люди, не достигшие совершеннолетия и не могущие до конца осознать противоправный характер своих действий, есть люди, ограниченные в своей дееспособности, и т. п. Законодатель же как бы не замечает,

¹ Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М., 1976. С. 903.

абстрагируется от этих отступлений от общего правила, абстрагируется от них. Но в одних случаях закон допускает возможность доказывания, что та или иная конкретная ситуация или отдельный факт не охватываются общей формулой презумпции (например, при наличии исключительных обстоятельств, экстремальных условий) и т. д. В других же случаях закон этого не допускает (например, запрещено доказывать, что подросток, не достигший возраста уголовной ответственности, все же понимал общественно опасный характер своих действий и потому должен быть признан виновным).

Презумпция, презюмирование, так же как их опровержение, — категории отнюдь не специфически правовые. Они применимы к мышлению в целом. Однако в правовой области они приобретают значение нормативных предписаний, требующих считать определенный факт установленным (не установленным) или существующим (не существующим), если имеется налицо или вполне доказан другой факт (акт), с которым закон связывает действие данной презумпции.

В содержании термина «знание права» следует различать два значения: сам процесс познания, получения сведений о праве и результат этого процесса, т. е. достигнутый уровень знания права в обществе, который является следствием разнообразных и сложных факторов. Вряд ли можно утверждать, что правомерное поведение граждан является прямым следствием только одного фактора знания права. В юридической литературе не без основания было высказано соображение, что поведение некоторой части граждан лишь случайно, а не закономерно соответствует требованиям законодательных актов. В большинстве же случаев оно подвержено той или иной степени отклонения от установленных норм. Но главное заключается не в том, чтобы зафиксировать наличие непосредственной связи знания о праве с правовым поведением, а в том, чтобы определить, какие информационные каналы и с какой силой воздействуют на правосознание граждан.

Социологические исследования по этой проблеме, проведенные в разных странах, показали, что в уровне правовых знаний членов общества обнаруживаются значительные различия. В этом сказывается не только их отношение к информационным процессам, но и действие на людей весьма многообразных жизненных явлений, интересов и потребностей. Следовательно, вывод о недостаточности или полном отсутствии правовых знаний можно с уверенностью сделать лишь тогда, когда из материалов анкетных опросов выводится

отчетливо различимая разница между уровнем правосознания и объемом, а также качеством полученных правовых знаний¹.

4. По проблеме «знание права» неоднократно проводились социологические исследования.

Первая трудность, с которой столкнулись исследователи, была связана со сложностью и своеобразием самой категории «знание права». Например, с самого начала было не ясно, что считать высоким уровнем знания и что — низким. Возник вопрос о том минимуме правовых знаний, который можно считать элементарно необходимым для всех, без исключения, граждан и на основе которого путем использования его в качестве исходной точки отсчета можно было бы измерить уровни насыщенности правовыми знаниями отдельных социальных групп и профессий. В этой сфере перспективен системный подход, ибо сама сумма правовых знаний есть система, объединяющая сведения об общественном и государственном устройстве, о принципах права, отдельных правовых нормах и институтах. С точки зрения системы одни отрасли права находятся более близко к сознанию индивида, другие менее глубоко затрагивают его жизненные интересы, третьи известны лишь узкому кругу профессионалов.

Есть правовые нормы, которые представляют интерес для всех трудящихся (например, нормы трудового, пенсионного законодательства и т. д.), другие имеют частное значение (водное, горное законодательство, правила охоты и рыбной ловли и т. п.) и, наконец, есть нормы, вызывающие скорее профессиональный, чем всеобщий интерес (например, о конкурсном порядке замещения должностей в научной сфере, о порядке ведения финансовой отчетности, сюда же относятся многие нормы административного законодательства).

Таким образом, рядовому гражданину право представляется одновременно и близким и далеким. Близким потому, что ему заведомо известно, что вся повседневная жизнь и текущая деятельность людей регулируется тесной сетью юридических правил. Далеким потому, что во многих отношениях право не есть нечто раз и навсегда данное и определенное, всегда наличное средство разрешения проблемы. Требуется каждый раз определять, в какой части и как оно действует применительно к возникшей проблемной ситуации. Ключ состоит в умении подвести правовую основу под принимаемое решение, а это достигается отнюдь не просто.

Поэтому проблема знания права и презумпции правовой осведомленности является простой лишь на первый

¹ Подробнее см.: Право и социология. М., 1973. С. 235-250.

взгляд; в действительности это деликатная и многоаспектная проблема, которой посвящены публикации юристов, историков, философов и социологов.

Сложность этой проблемы ныне определяется многообразием самого права, куда наряду с законом входит разнообразная прескриптивная информация (инструкции, циркуляры и предписания органов власти на местах).

Особое значение для презумпции знания закона имеет оглашение нормативного акта, его опубликование в официальных изданиях, вестниках законодательства, газетах, журналах, информация по радио и телевидению. То, что в самом законе и специальных актах о порядке его опубликования предписывается обязательность публикации, свидетельствует о намерении законодателя связать с этой процедурой требование о соблюдении положений нового закона, обращенное ко всем гражданам и должностным лицам. Следовательно, с момента публикации вступает в силу и презумпция знания закона. Эта презумпция основывается на возникновении двусторонних информационных правоотношений между гражданином и государством. Государство требует от граждан соблюдать новое правило, а гражданин обязан знать, в чем заключается его содержание¹.

Опубликование сборников судебных решений, отвечающее определенным условиям, является существенным элементом распространения правовых знаний. Таким источником являются бюллетени Верховных судов РФ и республик. Разумеется, в этих бюллетенях содержится информация далеко не обо всех судебных процессах и не обо всех новеллах в законодательстве. Однако все принципиальные моменты в судебной практике и проблемные ситуации, связанные с толкованием действующего законодательства, там освещаются весьма обстоятельно и систематически. Все принципиально новое в практике правоприменительной деятельности находит свое отражение в бюллетенях Верховных судов, и всякий, кто пожелает углубить свое представление о практической стороне реализации права, имеет возможность с ней ознакомиться.

5. В практике реализации права случается так, что по одним и тем же вопросам издано два или несколько равных по юридической силе актов, причем в каждом последующем акте не содержится оговорок об отмене предыдущего. Как быть в этом случае? Латинское правило о том, что последующий

¹ Соколов Н.Я. Официальное соглашение нормативного акта как стадия правотворческого процесса // Право и правотворчество: вопросы теории. М., 1982. С. 85.

закон упрядняет предшествующий (*lex posterior derogat priori*) здесь неприменимо, поскольку отсутствует указание на запрет применять предшествующие положения. В этом случае возникает коллизия правовых норм, требующая специального толкования, а затем и квалифицированного вмешательства законодателя. Устранением противоречий в нормативных положениях занимается не только Верховный суд РФ и Верховные суды республик, осуществляющие толкование в процессе судебной деятельности, но и отделы кодификации и систематизации законодательства министерств юстиции, а также правовые отделы министерств и ведомств, готовящие для соответствующих законодательных органов перечни актов, фактически утративших силу, устаревших или противоречащих вновь изданным положениям.

6. В ходе ряда исследований было установлено, что правовые знания являются одним из существенных компонентов правовой и общей культуры гражданина, источником формирования его правосознания, и в этом отношении познавательной средой является как бы вся система общественных отношений.

В значительной степени личность приобретает правовые знания и элементы правовой культуры, знакомясь с первоисточниками: официальными вестниками законов, учебниками, газетами — а также используя иные каналы массовой информации: радио, телевидение и т. д.

Эти виды информации в 80-90 гг. располагались по степени распространенности среди опрошенных в такой последовательности:

- 1) телевидение, радио, газеты, журналы — от 42 до 63%;
- 2) межличностное общение в сфере правовых коммуникаций — до 12,9%;
- 3) научно-популярная юридическая литература — до 12,6%;
- 4) обращение за консультацией к юристу и лекции юристов на правовые темы как способ получения знаний о праве занимает четвертое место. Значение этого вида правовой информации имеет четкую связь с уровнем образования и профессией. Для образованных людей и должностных лиц государственного аппарата совет и консультация юриста предпочтительнее других источников приобретения правовых знаний.

В результате исследования был сделан и другой вывод. Граждане обычно лучше знают и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности общества. Вместе с тем частные и специальные

правовые предписания не всегда им известны. Например, граждане слабо знают многие нормы гражданского права, принципы организации и деятельности судебной системы и т. д. Иными словами, члены общества лучше знают общие права и обязанности, входящие в содержание социального статуса личности, чем конкретный смысл отдельных нормативных положений.

Еще один важный вывод состоит в том, что около 14% опрошенных ограничиваются либо простым прочтением, либо пассивным прослушиванием правовой информации, которая до глубины их сознания не доходит. Это означает, что поток правовой информации для этой категории граждан имеет одностороннюю направленность «сверху вниз» и обратной связи не имеет¹.

Развитие и усложнение процессов социального развития неизбежно порождает противоречие между этими процессами и правовыми формами ответственности, обладающими определенной стабильностью. Это противоречие разрешается путем повышения общего уровня правовых знаний и структурного улучшения всей правовой информации.

Повышение роли правовых знаний обусловлено не только задачей совершенствования юридической ответственности, но и необходимостью решения нелегкой практической проблемы совмещения тенденции к повышению профессионального уровня и компетенции в специальных вопросах с общекультурным ростом, который в огромной мере связан с изучением правовых проблем. Сейчас наметилась тенденция привлечения граждан к правотворческой и правоприменительной деятельности. Но к этой работе они не всегда достаточно подготовлены с точки зрения развития общей и правовой культуры. Уровень правовых знаний индивида зависит от того, обладает ли он устойчивыми, полными, точными правовыми знаниями, или запас знаний у него сложился под влиянием отрывочных сведений, понаслышке от окружающих людей.

Отмечая значение правовых знаний, следует иметь в виду, что не все, что познается, становится нормой поведения. Нередко люди с правовыми знаниями обходят законы для удовлетворения своих личных корыстных целей, безразлично относятся к нарушению установленного правопорядка со стороны других лиц. Важным показателем глубины правовых знаний является убежденность в необходимости соблюдения юридических норм.

¹ См.: Личность и уважение к закону // Социологический аспект. М., 1979. С. 107.

Известно, что одной из важнейших потребностей человека является стремление соотнести себя с определенной структурой социальных ценностей, норм, правил для оценки своего и чужого поведения. Это дает возможность ориентироваться в социальных отношениях, показывает линию поведения, позволяет ожидать определенных вариантов деятельности от других. Присутствие нормы в сознании личности позволяет оценить свои и чужие поступки с содержательной стороны в категориях ценностных отношений, т. е. сравнить оценку отношения с каким-то эталоном и тем самым регулировать свое поведение.

7. Одна из важнейших задач воспитания личности — это превращение идейных ценностей, т. е. внешних мотивирующих факторов, во внутренние убеждения и реальные поступки. В этой связи представляется актуальной проблема формирования уважения личности к праву. Известно, что объективные противоречия общественного развития, многоплановость жизненных ситуаций, необходимость соблюдения множества формальностей для приобретения материальных благ или иных преимуществ, которые общество не может предоставить всем гражданам одновременно, порождает определенное смещение позиций в отношениях граждан к закону и соблюдению правовых требований, особенно в тех случаях, когда законодательство устаревает, отстает от требований жизни или противоречит другим социальным нормам (мораль, традиции, обычаи и т. п.). В ходе эмпирических исследований было установлено, что отношение личности к праву и закону формируется не столько на стадии ознакомления с правовым материалом, сколько в процессе конкретного приложения правовых знаний к общественной практике¹. Следовательно, правовая информация сама по себе еще не обеспечивает формирования активной жизненной позиции, основанной на уважении к закону и правовым ценностям.

Вместе с тем, формирование глубоких правовых знаний способно в максимальной мере ускорить и процесс политической и правовой социализации личности в смысле ее приобщения к ценностям жизни и культуры.

¹ Справедливо отмечено, что сводить изучение правосознания к установлению уровня информированности в вопросах права значило бы весьма упростить проблему и оказаться не в состоянии объяснить многие факты как правового, так и противоправного поведения. См.: Яковлев А. М. Правосознание как объект конкретно социального исследования: Труды ВНИИ СЗ, 1976. С. 12.

§ 5. Психологический механизм социализации

1. Психологический механизм правовой социализации позволяет раскрыть процесс перевода идей, представлений, норм и ценностей в реальную общественную практику.

Основой этого процесса, его сердцевиной являются политические и правовые нормы, т. е. определенные правила игры, правила поведения личности в жизни общества.

Психологический механизм восприятия правовых норм не отличается от восприятия иных социальных норм. Чтобы норма действовала, она должна стать личной нормой. Подлинно личностные нормы, являющиеся, по сути дела, интегративной характеристикой субъективного мира личности, абсолютны для данной личности. В отношении личностных норм не встает, в частности, вопроса об их «принятии», «усвоении», «отображении», интериоризации и т. д. Соответственно не должен ставиться вопрос о возможности следования или отклонения от подлинных личностных норм. Личность, если она является идентичной самой себе, не может не следовать своим личностным нормам. Всякое отклонение от подлинно личностных норм ведет к расщеплению, дезинтеграции, снижению, нарушению личности¹.

О социализации можно говорить тогда, когда наличествует не только знание, но и солидарность с нормами, выработана готовность действовать, т. е. там, где норма стала личностной нормой индивида.

Поэтому и модель поведения, которую представляет себе субъект, есть косвенный продукт сознания. Эта модель создана не одной лишь нормой и не отношением, в котором данный субъект участвует, а взаимодействием нескольких составляющих: норма, отношений, знаний и ценностных представлений субъекта, алгоритма поведения². Только при подобном понимании социализации ее можно связывать с воспитанием, а последнее рассматривать как процесс интернализации политических и правовых норм и требований.

В процессе правовой социализации у человека возникают определенные отношения к наличествуемым социальным ценностям. В социальной психологии подобные отношения человека или социальных групп к социальным ценностям называются социальными установками (attitude). Этим понятием

¹ Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 94-95.

² Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 69.

обозначается реальное психическое состояние личности. Данное понятие можно принять за вид установки, но тут же следует заметить, что ее нельзя смешивать с установкой социального поведения. Отличающиеся друг от друга психическим состоянием понятия социальной установки и социального аттитюда обозначаются по-разному. Они не должны смешиваться друг с другом. Аттитюд — это фиксированная социальная установка¹.

Объектами социальных аттитюдов личности или социальных групп могут быть не только такие важные социальные объекты, как родина, семья и т. п., но и политические нормы, политические режимы и т. п. Так как социальные аттитюды представляют собой общие ориентации личности или группы в отношении социальных объектов, то значимыми аттитюдами являются общие ориентации личности или группы к значимым объектам. Но социальные аттитюды — это не только общие ориентации относительно определенных социальных объектов. Они являются фиксированными социальными установками, т. е. системой фиксированных социальных установок, которая актуализируется при соответствующих обстоятельствах. Соответственно фиксированные установки — это система социальных установок относительно значимых объектов, которая актуализируется при вступлении личности в общественные отношения. Она проявляется в определенной готовности, определенном суждении или поведении личности или социальных групп в значимых ситуациях. Естественно, что понятие фиксированной социально-политической установки шире понятия сознания и охватывает последнее, ибо сознание также является фиксированной социальной установкой, которая выражается в психологической готовности актуализировать поведение личности в сфере политических отношений.

2. Непосредственной причиной поведения психологи считают установку поведения, рассматриваемую как «как модус целостного субъекта (личности) в каждый дискретный момент его деятельности» (Д.Н. Узнадзе). Модус, который представляет собой высший уровень организации «человеческих сущностных сил» (формула К. Маркса), как бы фиксирует все те внутренние динамические отношения, которые опосредуют в индивиду психологический эффект стимульных воздействий на него и на базе которого возникает деятельность с определенной направленностью как уравнивание отношений между индивидом и средой. Исходя из этого установкой

¹ См.: Надирашвили Ш. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тб., 1974. С. 102-103.

объясняется не только целесообразность и упорядоченность поведения, но и его определенность. Она выступает как «фактор негэнтропийного порядка». Установка выражает собой порядок. Она является основой связанности, последовательности поведения, т. е. определенности поведения. Возникновение установки, готовность действовать именно таким, а не каким-либо иным образом вызывает рост неопределенности или энтропию возможного поведения¹.

Однако установка сама создается импульсом потребности (импульсивное поведение) или же возникает вследствие принятия субъектом решения о совершении определенного действия (волевое поведение). Вместе с тем установка не всегда находит свою реализацию в соответствующем поведении. Человек может изменить решение, может обуздать импульсы потребности и не дать установке реализоваться.

Таким образом, установка, являющаяся непосредственной причиной поведения, сама обусловлена системой факторов, среди которых определенное место занимает потребность.

Вопроса о потребности касались многие философы. Даже Гегель, считавший творцом всего сущего абсолютную идею, признавал, что «человек с его потребностями практически относится к внешней природе ...»², что в результате практической его деятельности удовлетворенная потребность, осуществленная цель, порождает новую цель, новую потребность и так далее до бесконечности³.

Потребности человека социально обусловлены и с развитием общества постоянно развиваются. «Человеческая потребность существует в виде социального по отношению к предметам, и побуждаемое им действие также социально опосредовано»⁴.

Активность человека всегда объясняется существованием той или иной потребности: Но совершение того или иного конкретного поступка нельзя объяснить исходя только из потребности, ибо для ее удовлетворения обычно существует много вариантов поведения, и, какое из них реализует индивид в действительности, уже не зависит от характера самой

¹ Прангишвили А.С. Проблема установки на современном уровне ее развития. Тб., 1968. С. 130, 139.

² Гегель. Соч. Т. 8, М.-Л., 1935. С. 227.

³ Гегель. Соч. Т. 1, М.-Л., 1929. С. 319. См.: Кикнадзе Д. Потребность, поведение, воспитание. М., 1968. С. 4-5.

⁴ Кикнадзе Д.А. Система факторов действия и развития личности. Тб., 1982. С. 19.

потребности. Потребность, как отмечает Д.Н. Узнадзе, является лишь «двигателем, источником активности»¹, поэтому в ней дан лишь объект, но не средство удовлетворения потребности.

Субъект воли — существо, способное обуздать импульсы потребности и подчиниться требованиям социальных норм, — создается по мере его социализации. Личность в процессе общения и деятельности отражает психологию социальных групп и ею руководствуется в своих оценках и поведении.

Известно, что на основе общих материальных и политических условий жизни и деятельности формируются социальные группы, классы, коллективы. Общественное бытие этих социальных групп детерминирует их общественное сознание².

Само возникновение социальных групп в первую очередь обусловлено общими интересами людей. Детерминировано и само действие людей в социальных группах, в которых люди заранее вырабатывают определенные шаблоны поведения, что происходит благодаря социальному контролю. Однако в выработке таких норм и в их выполнении индивид все же имеет определенную свободу, и это потому, что ситуация изменчива и она никогда не повторяется. Человек в процессе выработки шаблонов поведения исходит как из своих потребностей, так и из ситуации, однако все это воспринимается с социальной точки зрения, так как индивид всегда проверяет самого себя и свои поступки в соответствии с настоящей или ожидаемой реакцией участников социальной группы.

Со способностью объективизации самого себя и своего поведения тесно связана способность самоконтроля, но и самоконтроль осуществляется лишь в социальном аспекте.

В этом проявляется единство и взаимосвязь индивида с коллективом как единство формы и содержания. Содержание и формы в процессе общения находятся в органической взаимозависимости. С одной стороны, реальные человеческие отношения (согласия или несогласия, симпатии или антипатии, понимания или непонимания и т. д.) определяют способ их выражения и существуют независимо от того, каков этот способ. С другой стороны, содержание человеческих отношений немислимо вне способов их выражения, а восприятие и понимание этого содержания людьми во многом зависят от того, каковы способы и средства выражения данного содержания³.

¹ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 366.

² Ковалев А.Г. Психология личности. М., 1970. С. 46.

³ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 188-189.

Взаимоотношения людей в основном выражаются в их поведении. Разработка шаблонов поведения происходит заранее, благодаря практической деятельности или воображаемой репетиции определенной ситуации. Этот процесс постоянно протекает под социальным контролем и является продуктом мышления.

Мышление индивидуально в том смысле, что другие не имеют доступа к мыслям субъекта, но оно социально потому, что протекает на языке конвенциональных символов, установленных для значений, относительно которых существует высокая степень согласия. Это те самые символы, которые люди используют для коммуникации друг с другом. Поскольку символическая коммуникация конвенциональна, из этого следует, что сознание и мышление — интериоризация социального процесса¹.

Таким образом, человек становится субъектом воли по мере его общей и правовой социализации. Способностью социализации человек наделен постольку, поскольку он имеет мышление. С помощью мышления человек объективизирует самого себя и свое поведение, что непосредственно связано со способностью самоконтроля. Самоконтроль — это социальный контроль, человек оценивает самого себя и свое поведение глазами окружающих.

Социальный контроль обеспечивается общественным мнением, а не какой-либо официальной санкцией. Именно общественное мнение является гарантом обеспечения выполнения собственно социальных норм. Однако естественно возникает вопрос, в чем сила социального контроля? Почему человек подчиняется социальным нормам?

3. Сила социальных норм находится в прямой связи с Концепцией — Я, которая вырабатывается у человека по мере его социализации. Она является представлением человека об объективной ценности самого себя. Создание Концепции — Я связано со способностью объективизации самого себя и является источником самоконтроля. Хотя Концепция — Я является самооценкой, человек оценивает себя с точки зрения своей группы.

«Я — Концепция не есть ни организм, ни слепок с него, но система действий, направленных на самого себя. Другими словами, Я — Концепция — это способ поведения, такой же, как речь или кашель, плавание или мышление. Все эти действия предполагают наличие живого организма, но не должны

¹ Шибутин Т. Социальная психология. М., 1969. С. 157.

с ним отождествляться... Я — Концепция есть, следовательно, то, что он значит для самого себя»¹.

Концепция — Я характеризуется стабильностью. Именно поэтому, если, например, политик всегда выигрывает схватку в ходе избирательной кампании, у него создается стабильное мнение о своей силе. После каждой победы такое мнение усиливается. После создания у индивида Концепции — Я она для него приобретает высокую ценность; упрочение и повышение Концепции — Я для человека приобретает первостепенное значение в его жизненной деятельности.

Общественный статус индивида определяет его настоящее или ожидаемое поведение. Что дает индивид социальной группе, что ожидают от него, что получает он от группы — вот чем определяется в основном статус индивида. Именно поэтому при наличии альтернативы поведения выбор конкретного поведения во многом зависит от личной организации субъекта и от его Концепции — Я. Что касается ситуации, она дает возможность такого выбора.

Я -Концепция легко создается в обществе (группе), где роли участников четко определены и соответственно установлена устойчивая система общественных статусов (например, производственный коллектив). Я — Концепция характеризуется определенной стойкостью, однако эта стойкость опирается на поддержку группы. Всегда, когда меняется общественный статус индивида, меняется и его Концепция — Я. Человек — довольно эластичное существо, и эта эластичность в первую очередь относится к его Концепции — Я, которая легко меняется с изменением ситуации. В то же время личность весьма остро переживает изменение собственного социального положения.

Таким образом, Концепция — Я создается по мере социализации личности и в основном определяет ее социально-психологическую структуру. С другой стороны, необходимым условием социализации является взаимоотношение людей в социальных группах, а в этих группах поведение людей определяется социальным контролем, который обеспечен общественным мнением². Силу социального контроля в основном имеет мнение той социальной группы, которая для субъекта является эталонной. «Понятие эталонной группы

¹ Шибутин Т. Цит. соч. С. 188-189.

² Именно поэтому изгнание человека из группы и неприятие его в другую вызывает у него так называемое отчуждение, что равносильно десоциализации личности, разрушению ее Концепции — Я. (См.: Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987. С. 22 и сл.)

(etalon gruppe) служит для обозначения такой группы, реальной или воображаемой, чья система взглядов используется действующим лицом как система эталонов»¹.

Именно в эталонной группе «Я — Концепция» индивид зачастую идентифицируется с «Мы — Концепцией». А Мы — Концепция функционирует в основном на теоретическом уровне отражения действительности. Теоретический уровень формы общественного самосознания Концепции — Мы выражается в виде теоретических представлений общности о своей культуре, идеологии, социальных отношениях, образе своей жизни в целом, представлений о своей системе взглядов и теорий, выражающихся в форме политических программ, моральных и правовых кодексов, научных трактатов и наряду с этим в виде теоретического осознания своей же общественной психологии, своих настроений, действий, поступков и системы поведения, традиций, обрядов, обычаев, своих специфических социальных черт характера и поведения².

Конечно же, из этого нельзя делать вывод, что для человека вовсе не имеет никакого значения мнение людей, не входящих в его эталонную группу. Существуют социальные нормы поведения, которые носят, так сказать, глобальный характер. Естественно, подобное глобальное общественное мнение имеет силу социального контроля для каждого человека.

Таким образом, самоконтроль — это, по существу социальный контроль, который определяет пределы человеческого поведения и является источником самооценки. Социальный контроль немислим без самоконтроля, а самоконтроль — без Концепции — Я, которая создается по мере социализации и связана с самооценкой индивида. Создание Концепции — Я происходит на основе социально-ценностной системы норм поведения, принятой в эталонной группе. Эту ценностную систему и социальные нормы поведения индивид воспринимает как собственную систему ценностей и норм поведения.

§ 6. Социологическая система социального контроля

1. Социология права исследует поведение личности как члена определенной социальной группы, ее интересуется социальное поведение личности. Не каждое поведение социально.

¹ Шибутин Т. Цит. соч. С. 212.

² Бетанели Н.И. «Мы» и «Я» Концепция общественного и индивидуального самосознания: Автореф. дисс. канд. психологических наук Тб., 1980. С. 12.

Ловля рыбы, например, может быть вполне нормальной операцией для приготовления пищи в туристическом походе, но это может превратиться и в противоправное поведение, если совершается с нарушением соответствующих правовых предписаний.

Другими словами социальное поведение — это такое поведение, которое оказывает влияние на данного индивида определенной социальной группы или общества в целом. Любое социальное поведение — это система, имеющая свою внутреннюю структуру. Следует различать объективную и субъективную стороны поведения. Объективная сторона — это те конкретные действия (бездействия), которые лицо совершает, включая и способы, примененные методы, достигнутые результаты. Субъективная сторона поведения — это мотивы его совершения, цели, степень осознания и предусмотрения последствий, характер волевого отношения к ним (желание, допущение и др.).

На первый взгляд кажется, что методы действия зависят от свободной воли человека и неограниченны. Но так ли это в действительности? Каким образом, например, можно получить какой-то нужный нам предмет? Можно его купить, его могут нам подарить; можно взять его, употребляя силу, можно его украсть и т. п. Социологи считают, что существуют два основных метода действия: позитивное убеждение и негативное (насилие). В каких ситуациях личность избирает один из этих двух методов? Почему человек в рамках группы, к которой он принадлежит, исполняет ожидаемые от него действия? Каждый может представить, что бы было, если бы люди перестали выполнять свои обязанности.

Группе и обществу в целом не безразлично, все ли виды деятельности, вытекающие из взаимоотношений внутри группы, исполняются, как исполняются, существуют ли соответствующие установки по их исполнению.

Поэтому для обеспечения стабильности социальных отношений, для того, чтобы их существование не зависело от доброй воли партнеров, во избежание дезорганизации группы, которая эвентуально могла бы возникнуть, существуют соответствующие механизмы контроля за поведением.

Следовательно, в каждой группе существует система социального контроля, которая удерживает поведение членов группы в рамках соответственно разработанных образцов. Поведение, не вмещающееся в рамки общепринятых образцов, бывает соответственно санкционировано группой. Санкция — это один из элементов социального контроля. Социальный контроль определяется как система мер, внушений,

способов убеждения, запретов и санкций, с одной стороны, и система выражения признания, наград и отличий, благодаря которым поведение личности приводится в соответствие с принятыми образцами поведения. Социальный контроль осуществляется, следовательно, посредством системы разнообразных действий и санкций, стимулов и наград, имеющих целью обеспечение такого поведения личности, которое соответствует принятым обществом нормам поведения и системе ценностей с учетом стабильности и гармоничного функционирования общества как динамичной саморегулирующейся системы. Другими словами, социальный контроль формирует конформизм в группе.

Нормы поведения определяются условиями социальной жизни. На каждом этапе исторического развития, как полагал французский социолог Э. Дюркгейм, эти нормы — нечто внешнее и объективное. Личность должна приспособиться к соответствующей системе норм. Когда эти нормы нарушаются в отдельных социальных группах или в обществе в целом, начинаются процессы дезорганизации.

Нормы, входящие в систему социального контроля, регулируют поведение человека в следующих трех сферах:

- поведение личности по отношению к другим;
- поведение личности по отношению к обществу в целом и его ценностям;
- поведение личности по отношению к самой себе.

Не всякое поведение и не все действия людей подлежат контролю. Каждый человек обладает определенной частью сферой, которая может быть шире или уже в зависимости от типа общества, сплоченности группы, характера ее институтов, позиции, которую индивид занимает в группе.

Контролируется и внешний вид человека, например мода, образ одежды.

Семейные отношения, фактический распад супружества, развод регулируются не только правовыми предписаниями, но и обычаями, окружением, молвой, сплетнями, воздействием родителей — все это формы социального контроля.

Насколько существенно данное деяние затрагивает группу как целое, настолько серьезна репрессия против этого деяния.

2. Теория социального контроля развивалась в социологии как ответ на поставленные философией вопросы и конкретно сформулированный Т. Гоббсом в XVII в. вопрос: каким образом возможно существование порядка в общественной жизни и в совместной жизни людей, предполагая, что они враждебно настроены друг против друга, что человек человеку — волк.

Э. Дюркгейм дает анализ этого механизма, подчеркивая, что это действие «морали внутри нас», интернализированной (усвоенной нами) нормы.

Социальная психология потому и сформулировала теорию установки, поскольку это объясняет готовность реагировать определенным образом на определенную норму поведения.

В данном случае важен не сам психологический механизм, а только то, что интернализированные (глубоко усвоенные личностью) нормы регулирующим образом действуют на поведение индивида, который стремится, чтобы его поведение сделало его достойным членом группы, признанным ее членом.

Кроме механизма интериоризации норм, глубокого внутреннего убеждения, что это единственное правильное поведение, — существуют и другие механизмы — необходимое для каждого признание других, обеспечивающее психическое равновесие. Человек, лишенный такого равновесия, превращается в дезинтегрированную личность. Следовательно, конформное поведение дает равновесие, признание чувства безопасности.

Не все нормы включаются в нормативные системы, регулирующие поведение человека. Поэтому необходимо определить этот термин более четко.

Когда врач запрещает пациенту употреблять алкоголь, он не обращается к категориям добра и зла, а на основе медицинских знаний указывает на негативные результаты употребления алкоголя. Когда магометанская религия запрещает употребление алкоголя, это уже норма, которая входит в нормативную систему, называемую религией.

Когда больной нарушает запрещение врача, это не вызывает вмешательства других. Когда магометанин нарушает запрет, он будет «наказан Аллахом».

Оба предписания имеют одинаковую цель, но различную мотивацию. В первом случае обращаются к здравому рассудку, во втором — к санкции. Любая нормативная система характеризуется тем, что ее запрещения, предписания и предубеждения снабжены санкцией.

Обещание награды и угроза санкции являются основными механизмами регулирования поведения человека. Концепция рая и ада существует во многих религиях. Педагог знает, что любое воспитание не может ориентироваться только на наказание или только на позитивное стимулирование. Каждое общество имеет систему отличий, наград, почетных званий и пр., что является стимулом определенного поведения. Социальное равновесие требует определенного распределения наград и наказаний, когда исключается преобладание как

санкций, так и поощрений. Игнорирование этого правила ведет к распаду общественных связей.

§ 7. Догмы и стереотипы

1. Правовая культура нашего общества неизбежно несла на себе следы тех форм и направлений общественного развития, которые, вообще, были присущи стране на протяжении семидесяти с лишним лет. Если в 20-е гг. можно отметить преобладание, если не господство правового нигилизма, то начиная с 30-х гг. все сильнее укреплялся своеобразный комплекс представлений о праве и его месте в обществе, официальное обозначение которого резко расходилось с юридической практикой. Напомним, что был провозглашен, а затем неоднократно повторялся тезис о «социалистической законности», на деле же проводились массовые репрессии.

И в теоретическом отношении в этот период времени сложился ряд устойчивых представлений, которые образовали определенную совокупность взглядов, присущих командно-административной системе. Эти взгляды, разумеется, выходили за рамки правовой теории, но они являлись ее неотъемлемой базой. Прежде всего надо назвать здесь тезис о последовательном становлении бесклассовой структуры общества, которое, как провозглашалось, в главном и основном возможно уже в исторических рамках социализма. Отсюда следовало, что обеспечение полного равенства в социальном положении, достижение социальной однородности общества предполагает преодоление не только классовых, но и других социальных различий между людьми: существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, различий, связанных с расселением людей и с характером их труда. Предполагалось, что этому будут способствовать преобразования в общественном разделении труда, опирающиеся на высокие темпы научно-технического прогресса и сопровождающиеся преодолением социально-экономических различий в характере, содержании и условиях труда. Этому должно служить и право, например путем ликвидации всех форм собственности, кроме государственной.

В 80-х гг. предполагалось осуществить глубокие преобразования в труде, улучшить и облегчить его условия, обеспечить широкие возможности для высокопроизводительной и творческой работы, значительно продвинуться по пути стирания существенных различий между умственным и физическим

трудом, превращения аграрного труда в разновидность индустриального. Однако господство командно-административной системы превратило все эти лозунги в голую декларацию.

Понятно, что социальное равенство или неравенство — это вовсе не результат абстрактных призывов и пожеланий, совокупный результат действия общественных отношений, которые должны для этого необходимым образом созреть. Неоднородность структуры общественного труда наряду с сохраняющимся классовым разделением общества порождали социальное неравенство и при социализме. Они не могли быть искусственно устранены. Более того, попытки сделать это в сфере распределения, игнорируя трудовые затраты, квалификацию, материальные и духовные потребности людей, прямым путем вели к уравниловке. И эта «уравнительная идеология» заняла и продолжает занимать в нашей политической и правовой культуре заметное место.

Следует присоединиться к мнению тех авторов, которые усматривают сущность и специфику социальных отношений в существовании качественно разнородных видов труда. Социальные, в том числе правовые, отношения в конечном счете базируются на экономике и являются отношениями между людьми и их коллективами как постоянными носителями качественно различных видов труда и (в зависимости от этого) различающимися по жизненному уровню и положению в обществе. Отсюда ясно, что изменить эти отношения невозможно, не преобразуя всю общественную жизнь, да и самого человека. Существующие отношения, в том числе и правовые, неизбежно отражают различия в общественном положении людей и их объединений (групп), обусловленные выполнением ими качественно разнородных видов труда. Ведущим звеном, их сердцевинной являются общественно-трудовые связи, возникающие на базе общественной кооперации труда. Управление сферой социальных отношений (социальными процессами) составляет предмет социальной политики. Она должна вестись продуманно, осмысленно, на основе научно разработанных долгосрочных программ.

2. Сложность путей общественного развития при социализме явно недооценивалась. Преобладал технократический и общесоциологический взгляд на положение дел, причем исходными аксиомами общественного развития были несколько тезисов, сформулированных — хотя и в иной редакции — еще в 30-е гг. Например, в области социальной политики речь шла, по существу, о достижении следующих целей: повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся; продвижение в направлении социальной однородности общества,

ликвидации классов и социально-классовых различий; совершенствования социалистического образа жизни. Названные основные направления социальной политики не только не были должным образом обеспечены материальными и политическими средствами, но и не контролировались с точки зрения их выполнения. А такой контроль, если бы он существовал, показал бы полную иллюзорность этих целей в реальных условиях 50-х-60-х-70-х гг.

Первые попытки исследования роли права в реализации социальной политики также были отмечены стремлением ограничиться рассмотрением только одного направления социальной политики — повышением благосостояния трудящихся¹. Подобный подход имел место и в общей социологической литературе². Это, естественно, затрудняло выработку практических рекомендаций, ибо не учитывалась необходимость сбалансированности всех основных направлений социальной политики и заводило реальное изучение общества в тупик.

Нельзя не отметить, что в политической и научной среде, в особенности в конце 70-х — начале 80-х гг. стал постепенно проявляться более здравый и вместе с тем более широкий подход как к оценке состояния общества, так и к стоящим перед ним задачам. Были названы следующие основные задачи социальной политики: неуклонное улучшение жизни и труда советских людей; все более полное осуществление во всех основных сферах общественных отношений принципа социальной справедливости; сближение классов и социальных групп и слоев, преодоление существующих различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; совершенствование национальных отношений и укрепление братской дружбы всех наций и народностей страны.

Конечно, здесь нет еще решительного пересмотра прежних представлений о путях развития общества, но уже поставлены важные вопросы: и о социальной справедливости, и о национальных отношениях.

Гораздо более оостеневшими являлись идеологические представления в области государственно-правового развития. В практическом плане яркая характеристика общего драматического, если не трагического положения вещей дана во многих политических документах. Главная черта прошлых

¹ См., напр.: Попков В.Д. Социальная политика советского государства и права. М., 1979.

² Рута Й. Социальная политика в ВНР. М., 1982.

лет — это диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, казенное равнодушие к правам и нуждам людей, пренебрежение к общественному мнению и социальному опыту трудящихся.

Этим характеризовались, по сути дела, все элементы социальной системы. Важно отметить, что командно-административный стиль был четко и детально институализирован — будь то партийный или советский аппарат, юридическая система или общественные организации. Стагнация экономических, социальных, правовых институтов постепенно привела к потере уважения к ним, а затем и к государственной власти в целом. Стереотипы и догмы, в том числе и правового характера (например, о безусловном приоритете государственных интересов над общественными и личными), стали постепенно размываться. Это неизбежно сказалось и на изменениях в ценностных ориентациях людей.

3. Известно, что сами объективные ценности, как и ценностные ориентации, служат источником мотивации и планирования поступков, а также «контрольными эталонами» при их практическом осуществлении. В социальных ценностях и ориентациях закрепляются и национальные традиции, и общечеловеческие идеи, и установки больших и малых социальных групп (например, семьи). Очевидно, что существуют и индивидуальные ценностные представления и предпочтения, которые могут совпадать, а могут и существенно расходиться с господствующей системой. Ценностные ориентации — наиболее тонкий, подвижный и трудно предсказуемый элемент общественной жизни.

При внимательном рассмотрении изменений в общественном сознании с конца 70-х — начала 80-х гг. можно было обнаружить несколько взаимосвязанных процессов. Главным из них — утрата ряда прежних идеологических и социально-культурных представлений, что, по сути дела, означало переоценку определенных ценностей, присущих командно-административным методам управления и организации общественной жизни. Речь идет о девальвации многих «основополагающих принципов». Но коль скоро подверглась сомнению, например, мысль о безошибочности высших государственных решений, то стали обесцениваться и другие, связанные с нею и даже не связанные стереотипные представления. Процесс изменения ценностных ориентаций обычно «генерализируется», т. е. захватывает все более широкую область, переходит на другие темы. При этом нередко «с водой выплескивается и ребенок». Так и в данном случае: стали ослабевать, утрачивать социальное воздействие такие понятия и

привычки, как уважение к старшим, подчинение авторитету власти (а затем — и власти авторитета), некоторые внешние признаки культуры общественного поведения. Разочарование в настоящем, проецируясь в прошлое, стало вызывать глубокую неудовлетворенность даже теми процессами и событиями нашей истории, которые вовсе не заслуживали этого. А проекция в будущее естественным образом привела к утрате идеалов, составлявших ранее основное содержание всей официальной пропаганды и немаловажный элемент обыденной культуры — жизненные цели многих людей.

На этом фоне столь же естественно стали развиваться ценностные ориентации со знаком минус или, как иногда говорят, «антиценности»: корысть, агрессивность, обман, эгоизм, нетерпимость к чужим мнениям и поступкам. Криминологические исследования показали, что многие лица совершают корыстные правонарушения не из-за тяжелой нужды; им присущи жадность, вера во всемогущество денег; они с презрением относятся к добросовестным труженикам¹. Психология таких лиц, по существу, является паразитической.

Анализ довольно болезненного процесса пересмотра старых представлений показал, что имеются, по-видимому, некоторые общие закономерности развития этого процесса и возникновения социальных деформаций. Суммарно последовательность этих явлений можно представить себе в следующем виде: начальным звеном деформаций обычно является отставание функций социальных институтов от объективно изменившихся условий жизни, потребностей социально-экономического, политического, культурного, нравственного развития общества.

Это влечет за собой изменения в социальном поведении различных групп и слоев населения и соответствующий пересмотр ценностных ориентаций, их дифференциацию, деградацию и обновление.

Изменения ориентаций и форм поведения приобретают все более распространенный характер и, с одной стороны, вызывают рост межличностных конфликтов, а с другой стороны, ведут к нарушениям социальных норм, регулирующих соответствующие отношения.

Поскольку этот процесс не контролируется и не вызывает адекватной социальной реакции, он углубляется в следующих направлениях: социальная норма фактически перестает действовать; набирает силу «теневое нормотворчество»; функционирование социальных институтов заменяется неформальными

¹ См., напр.: Личность преступника. М., 1975. С. 160 и сл.

связями и отношениями, которые, в свою очередь, приобретают институциональный характер.

Происходят существенные и большей частью необратимые изменения и деформации во всей системе общественных отношений. Растут социальные противоречия, в свою очередь, продуцирующие социально отклоняющееся поведение в различных формах и разновидностях; наблюдается ухудшение структуры и динамики антиобщественного поведения.

4. Прекращение этого негативного процесса в принципе возможно на разных стадиях, если, конечно, он не зашел слишком далеко. Но для этого нужны упорные усилия и к тому же соответствующие объективные и субъективные условия. Одним из них, думается, является определенное состояние общей и политической культуры населения, в частности, такой ее элемент, как готовность к новому, к решительным и бескомпромиссным изменениям. Есть ли такая готовность? Скорее, она лишь только создается. Многого делается непродуманно и неполно. В этой связи трудно не согласиться с мнением, что в этих условиях вернее было бы говорить пока о «демократии эмоций, которой еще очень далеко до демократии разума». И понятно, что такого рода общественно-политическая культура зачастую проявляется в виде импровизаций, склонности к насильственным действиям, спонтанности социальных инициатив. Четкого научного представления о целях общественного движения и эффективных средствах их достижений у граждан пока нет.

Думается, что в таком положении вещей нет ничего необычного. Смена ценностей в обществе, долгие десятилетия жившем по одним законам, — трудный, противоречивый, болезненный процесс. Исторический опыт и социологические исследования указывают, что он большей частью связан и с изменениями в политической надстройке, к которым относятся утрата авторитета у тех политических сил и организаций, которые тесно привязали себя к устаревшим, девальвированным ценностям и не способны измениться; возникновение неформальных групп и лидеров (подчас случайных), выдвигающих новые лозунги и идеи; в случае сохранения застойного характера прежних политических установок — появление оппозиционных течений и оформление новых взглядов в более отчетливые ценностные ориентации, а затем и в институты, которые могут получить устойчивую, а иногда и чисто случайную поддержку широких слоев населения; наконец, прямая политическая борьба прогрессивных и реакционных общественных сил: Так, неизбежно, с большими или меньшими ошибками и потерями, происходит обновление общества — процесс, несомненно, позитивный.

Как ускорить этот процесс и сделать его менее болезненным? Пути, которые предлагаются в сложившейся исторической ситуации, весьма различны; они могут и способствовать прогрессивному развитию, и затормозить его. Говорят и пишут о чрезвычайных мерах, о временном «отступлении» от демократии, о технологическом, культурном или политическом «прорыве» в том или ином направлении, который, дескать, сразу вывел бы из кризиса. Думается, что шарахания здесь не помогут и наиболее верный путь является длительным, комплексным и планомерным. Здесь нельзя не сказать очевидную вещь, что если мы хотим избежать деформации и эффективно перестроить наше общество, то необходимо обновить все компоненты социальной среды: институты, нормы, ценности и отношения. Осознанно или стихийно, но именно эти изменения сейчас и происходят. Что касается институтов и норм, то как раз на их реформу направлены решения по вопросам собственности, национальных отношений, прав местных органов власти, развития разных аспектов политической и экономической систем.

Труднее с ценностями и отношениями: они не поддаются внешнему манипулированию и контролю. Но и здесь многое возможно: укрепление гласности, свобода печати, гарантия права граждан на информацию; поддержка общественных движений, действующих в демократическом направлении; консолидация всех прогрессивных сил; всемерное повышение общей и политической культуры населения, активизация науки. Гуманизация нашего общества, его подлинная демократизация, преодоление отчуждения человека от собственности и от власти — надежные инструменты процесса социального возрождения общества и личности.

§ 8. Деструктивные факторы

1. Правовая социализация личности, если ее рассматривать с позиции системного подхода, требует раскрытия как позитивных, так и негативных факторов. И это понятно, поскольку их противостояние, противоборство, взаимодействие влияют на самый процесс социализации, его конечный результат. Можно добавить к сказанному и то, что управление процессом социализации по сути своей означает создание благоприятных условий для развития и действия позитивных факторов и блокирование тормозящих негативных.

Из всего числа негативных факторов, связанных с процессом правовой социализации личности, остановимся только на тех, которые, по нашему мнению, являются наиболее актуальными и значимыми в современном общественном процессе.

К числу таких дестабилизирующих факторов прежде всего следует отнести так называемую войну законов, или ситуацию сопротивления закону, порожденную кризисными явлениями в политической, экономической и правовой сферах жизни общества переходного периода. Сама по себе эта ситуация оказывает разрушительное влияние на политическую жизнь, подрывает стабильность и легитимность власти гражданского общества, деформирует сознание и поведение человека, сводит на нет результаты правовой социализации.

Ситуация сопротивления закону характеризуется как пассивным неприятием издаваемых законов, так и ясно выраженным сопротивлением принятым законодательным актам со стороны не только исполнителей, но даже самих законодательных органов нижестоящего уровня. В свое время формальным предлогом такого поведения послужили принятые во многих республиках декларации о суверенитете.

Участились случаи отказа государственных органов от реализации федеральных законов и иных актов высших органов государственной власти и управления, изданных в пределах их компетенции. Делаются попытки закрепления предварительных условий действия этих актов на территории соответствующих районов и республик — ратификации или утверждения федеральных актов высшими органами республик. Некоторые республики заявили о возможности приостановления на своей территории действия федеральных законов и постановлений правительства, если, по их мнению, эти акты нарушают права и интересы данной республики или региона. Тем самым наносится ущерб суверенитету России, верховенству ее законов на всей территории — а это одна из главных причин срыва выполнения экономических, политических и социально-культурных мер, составляющих сердцевину политики реформ.

Преодоление складывающейся в обществе ситуации требует не только организационных и юридических мер, но и прежде всего четкого научного анализа¹.

В этой связи отметим, что потенциальным фактором, негативно влияющим на ожидаемое исполнение закона, является конфликт, резкое расхождение в требованиях принятого акта и в

¹ См.: Калмыков Ю.Х. Будут ли исполняться наши законы // Известия. 1990. 11 ноября.

ожиданиях адресатов. Поэтому, для того чтобы овладеть массовым созданием, закон должен преодолеть тот барьер сопротивления, который воздвигается на его пути различными состояниями политического и правового сознания, общественного мнения. Обычно это мнение не является однородным: в него влетают весьма противоречивые интересы различных социальных слоев и групп.

Теоретически можно выделить ситуации согласия или сопротивления закону в зависимости от расстановки политических течений и их проблем, позиций государственных и общественных организаций.

Так, прежде всего отметим ситуацию, когда отсутствует какое-либо сопротивление закону или норме права со стороны подавляющей части членов общества. Эта ситуация может быть обозначена как поддержка, согласие, уважение к принятому закону, и тогда нет надобности в особых гарантиях его осуществления, поскольку зафиксированный в законе, политической и правовой норме образ политического и правового поведения соблюдается почти автоматически.

Можно предположить и ситуацию, когда имеет место активное сопротивление закону среди более или менее ограниченного социального слоя, т. е. в рамках так называемой субкультуры. Примером такой ситуации может служить сопротивление попыткам введения «сухого закона», сопровождающих его мер пресечения незаконного производства и сбыта спиртных напитков.

Наконец, должна быть выделена ситуация сопротивления закону, связанная с открытым противодействием, порожденным прежде всего антагонизмом социальных сил, столкновением политических интересов, стремлением влиятельных групп к власти, что заставляет их в ряде случаев действовать вопреки или в обход закона.

Понятно, что анализ названных ситуаций требует раскрытия факторов как негативного, так и позитивного характера.

2. Одним из благоприятных условий, безусловно, является фактор времени. Поскольку зачастую новое политическое и правовое мышление медленно укрепляется в сознании и нередко испытывает противодействие консервативно настроенных социальных групп и политических партий, необходимо терпеливо ждать, пока оно распространится по системе массовых коммуникаций с последующей кристаллизацией в индивидуальном и групповом сознании. Это с одной стороны. А с другой — эффект новых политических норм и нового законодательства будет тем мобильнее и значительнее, чем больше оно соответствует складывающимся социальным

ожиданиям, социальным нормам и политической практике регулирования подобных вопросов. Поэтому в основу политики и законодательной практики должен быть положен принцип глубокого, всестороннего изучения состояния общественного мнения по тому вопросу, который может стать объектом правовой регламентации. Систематическое изучение общественного мнения позволяет определить, насколько жизненны и прогрессивны вводимые общественные отношения. В одном случае в них заложены препятствия для развития новой политической формы, в другом — они создают действенные предпосылки для эффективного развития и совершенствования политической и правовой системы в целом.

Но есть еще один фактор, на который пока мало обращают внимание, но который имеет существенное значение в преодолении ситуации сопротивления закону. Это принцип консенсуса, или согласия.

Теоретическое и практическое значение принципа консенсуса прежде всего относится к проблеме стабилизации политического режима и законодательства.

Консенсус как политический и юридический принцип в последнее время получил признание в деятельности международных конференций и организаций, причем этот термин обычно употребляется в контексте принятия различных международных актов. Тот или иной акт считается принятым на основе консенсуса, если против него не выступает ни один из полноправных участников принятия решения. Это, пожалуй, единственное положение, относящееся к консенсусу, с которым согласны все российские и зарубежные юристы¹.

Не является секретом то обстоятельство, что общественное согласие, которое прежде лежало в основе политической и правовой систем нашего общества, в значительной мере было продиктовано и обеспечено властными, принудительными мерами. Отход и отвержение этого явления привели к большому разбросу мнений и оценок. Сейчас стоит сложная задача — сформировать консенсус в условиях плюрализма, ибо общество не может существовать, будучи лишенным внутреннего согласия.

Кроме того, следует учитывать сложность законодательного процесса в условиях федеративной структуры государства. Складывающаяся ситуация показывает, как деликатно следует решать вопрос, связанный с предложением, вносимым той или иной республикой. Особенного внимания

¹ См.: Касьян Н.Ф. Консенсус в современных международных отношениях. М., 1983.

требуют проекты решений, которые вносятся несколькими республиками. Вот здесь и требуется новый принцип коллегиального решения — принцип консенсуса, принцип, обратный праву вето. Вето означает право одного из участников обсуждения проекта политического решения или законодательного акта запретить принятие решения. Консенсус, напротив, требует положительного решения на основе согласования позиций, компромисса, сотрудничества¹.

Именно на этом пути открываются конструктивные возможности для введения в практику принципа высокого уровня политической культуры.

Отметим, что проведенные в свое время под руководством Н. Бетанели и В. Лапаевой социологические исследования проблемы консенсуса на I Съезде народных депутатов СССР показали, что более половины опрошенных депутатов допускали возможность объединения на основе единых позиций. Эти факты дают основание для прогнозов в отношении развития принципа консенсуса.

Выработка и формирование нового законодательного акта по своему существу представляет процесс, когда должно быть выработано консенсусное понимание и принятие новой политической и правовой нормы.

К числу факторов, оказывающих негативное воздействие на процесс политической социализации, относится и деформированное общественное мнение.

3. Слабо или просто не социализированная группа получила в социологической литературе наименование «толпа». Этот феномен наиболее обстоятельно в свое время исследовал известный французский социолог Г. Тард.

К феномену толпы Г. Тард подходил в основном с позиций социальной психологии, выдвинув и сформулировав законы подражания, принесшие ему широкую известность². Действительно, феномен толпы демонстрирует точность сделанных Тардом выводов, касающихся причин возникновения и последующей иррадиации массового подражания и психического заражения в условиях стихийного и неуправляемого процесса.

¹ Интересные соображения о механизме достижения консенсуса изложены в работе Р. Фишера и У. Юри. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990.

² 1 См.: Тард Г. Толпа и публика в его книге «Социальные этюды». М., 1902. С. 83-121; Его же. Преступность толпы // Там же. С. 121-155.

Нельзя удержаться, чтобы не привести его рассуждения по этому поводу:

«Трудно решить, что губительнее — ненависть или любовь толпы, негодование или энтузиазм ее. Когда она горланит, захваченная канибальской горячкой, она несомненно ужасна; но когда она преклоняется перед своим человеческим идолом, отпрягает его карету, поднимает его на плечи, то в большинстве случаев предметом ее обожания, — этого зародыша диктатуры и тирании — служит какой-нибудь полусумасшедший...»¹.

Как актуально звучат в нашей сегодняшней действительности эти высказанные почти сто лет назад соображения. События в Фергане, Оше, Баку, Челябинске и т. д., где имели место неуправляемые действия толпы, свидетельствуют не только о точности психологической характеристики этого феномена, но об опасности охлократии. Ее опасность — в слабой политической социализации личности прежде всего, когда сбрасываются нормы и принципы ассоциированного мышления и поведения. Это приводит к разгулу страстей, неуправляемых реакций, вспышке насилия и, следовательно, к человеческим жертвам.

Что движет толпой в наши дни? Попытку анализа этого вопроса предпринял публицист В. Шевелев, и его соображения представляют определенный интерес. Анализируя прошедшие массовые выступления, он пришел к выводу, что ведущим фактором прежде всего является обида. «Не так» провели границу между республиками, «не там» поставили химический завод, «не тот» суд («Все знают, кто убил, а судят другого — у того карман большой»). Далее, это отчаяние: никто не слушает, никто не помогает... Обиженных, отчаявшихся людей легко собрать вместе, легко «взорвать». Ну а детонатор найдется. Толпой можно манипулировать. В Баку накануне армянского погрома народный гнев обращался против местной партократии, ее взяточничества, бездарности. «Заинтересованные» лица стали ловко направлять этот гнев в другое русло — усилиями прессы («Во всем виноваты армяне»), слухами («Вселяйтесь в армянские квартиры — вам ничего не будет»), откровенным бездействием милиции.

Толпе мало горячих призывов, она жаждет действия; но не может дать жилье или очистить от «химии» воду и воздвух и хватается за самое простое: вот враг, виновный во всех наших бедах — русский солдат или армянин, милиционер или кооператор, осетин или турок, и уж нет пощады ни ему, ни дому его².

¹ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. С. 111.

² Шевелев В. Выйти из толпы. //Московские новости. 1991. 14 июня.

События в Москве у Белого дома в октябре 1993 г. вновь подтвердили актуальность «проблемы толпы». Известные психологи С. Аграчев и В. Бузин, анализируя эти трагические события, указывают, что толпа, которую видели у Белого дома — это своего рода истерично-пародийная модель тоталитарного государства. В ней присутствует истеричный «народ», который одаривает истеричных лидеров правом говорить от их имени. Лидеры при этом опираются на истеричную же «армию» — боевиков. Их ряды периодически пополняются за счет «народа», а боевики при необходимости растворяются в «народных массах».

Аффект, т. е. состояние неконтролируемых эмоций, весьма характерен для находящихся в толпе. «Человек толпы» не может критически оценивать ни собственные действия, ни окружающую действительность. Из происходящего он отбирает лишь те факты, которые подтверждают его точку зрения.

«Народом» у Белого дома двигало чувство обиды на нынешнюю власть и стойкая уверенность в том, что она, эта власть, что-то отняла или задолжала ему.

Инстинкт разрушения, по мнению некоторых психологов, присущ человеку наравне с прочими инстинктами. Существует даже мнение, что человечество развивается благодаря агрессии, которая разрешается при конфликтах и кризисах. В обычной обстановке инстинкт разрушения подавляется, причем не только силой закона, но и совестью. В толпе же деструктивная сторона человеческой личности раскрепощается, так как индивидуальная совесть каждого отдельно взятого человека как бы передается лидеру, который становится некой воплощенной коллективной совестью. Этот механизм до конца еще не познан, зато известно, как распорядился вверенной ему совестью немцев Адольф Гитлер: «Заприте свое сердце, а ключ отдайте мне».

Инстинкт самосохранения, напротив, в толпе подавляется. История неоднократно доказывала, что толпе присущ тот вид смелости, который стоит ближе к безоглядной лихости, нежели к суровому мужеству. Лихость — это когда доля риска неоправданно велика, а цель, ради которой льется кровь, ничтожна.

Когда брошен первый камень, в развитии толпы наступает новый этап. Взрослые люди в нормальной обстановке чрезвычайно редко бьют стекла. Даже если не угрожает закон в виде постового милиционера с дубинкой или без оной — мешает сдерживающая сила, сродни внутреннему цензору. Когда же начало положено, вся коллективная ответственность за последствия перекалывается на того анонима, который

первым начал действовать. Дальше можно ломать и крушить все, потому как «не я же первый начал». Так толпа в своем стихийном развитии проходит первый пик, который в дальнейшем обычно кончается кровью.

Первая кровь, — безразлично, своя или чужая, — может разбудить древние, как мир инстинкты, опьянить, повести к новым жертвам. После первой пролитой крови «вторую кровь» пролить гораздо легче: табу уже нарушено, рубикон перейден, и кажется, что остается лишь одно — ломиться вперед невзирая ни на что. Зеваки, во множестве кучковавшиеся у Белого дома, представляют собой еще одну разновидность толпы. Любопытство — одно из проявлений инстинкта исследователя, имеющего столь же древние корни, что и все уже описанные инстинкты. Тот же, кто глаза на чужую смерть, наслаждается еще и причастностью к чему-то запретному: эдакий эффект зрителя на гладиаторских боях, сдобренный щекотанием нервов от определенной степени риска. Это как раз тот случай, когда любопытство дороже жизни¹.

Конечно, трудно отрицать, что в основе образования и действий толпы лежат социально-психологические факторы: массовое психическое заражение и подражание. В толпе возникает некое психическое поле, вырваться из-под его гнета трудно.

Именно неразвитые духовно личности более всего склонны к слепому подражанию, охотно подчиняются чуждой воле, легко воспламеняются несуразными бреднями своего вожака, который в такую минуту всплывает на поверхность. Толпа с жадностью слушает того, кто поощряет ее потребность сразу отыскать виноватого, ее страсть крушить и громить, кто обещает немедленно исполнить все ее заветные желания.

И вместе с тем думается, что феномен толпы надо рассматривать в единстве и объективных и субъективных факторов.

Перестроечные процессы, и раньше всего ее негативные аспекты, понизили авторитет власти, вызвали своеобразную трансформацию прежних поведенческих навыков и стереотипов. Теперь зачастую не «просят» что-либо у государства, а «требуют». Публицисты назвали это явление «мегафонным правом» толпы.

Причина нынешнего распространения «мегафонного права» как в отсутствии у населения надлежащей политической и правовой культуры, так и в нежелании власти следовать

¹ Патология толпы // Аргументы и факты. 1993. № 40.

цивилизованным, официально установленным способам защиты прав и интересов граждан. Нельзя сбрасывать со счетов, например, и такие факторы, как малая эффективность экономических мероприятий, нарастание жизненных трудностей, реформа цен, увеличившая размер прожиточного минимума; слабое законодательство, некомпетентность управляющей структуры, неадекватность публицистов, продвигающих шовинистические лозунги, и ряд других. Но отметим и важное с позиций нашего исследования: действующими лицами в толпе являются слабо или совсем юридически не социализированные люди¹. Именно это и опасно, ибо именно они способны снести, опрокинуть все намерения сформировать демократическое, цивилизованное общество.

Контрольные вопросы и упражнения

1. В каком возрасте начинается и когда заканчивается правовая социализация личности? От чего она зависит? Можно ли полагать, что высшее юридическое образование гарантирует идеальную правовую социализацию?

2. Отличается ли понятие правового воспитания от понятия правовой социализации личности? В каком соотношении они находятся с понятием правовой культуры?

3. Верен ли принцип: незнание права не освобождает от ответственности за его нарушение? Аргументируйте свое мнение.

4. Что такое солидарность с нормой права? Имеется ли она, если человек соблюдает правовую норму под угрозой наказания? Из уважения к законодателю? Потому, что так поступают другие? Потому, что его выгодно? Аргументируйте свои выводы.

5. Что в социологии понимается под социальным контролем? Имеется ли социальный контроль в семье? В группе друзей? Среди правонарушителей?

Глава V Правовое поведение личности

§ 1. Общая характеристика правового поведения

1. Общие признаки правового поведения. Первым и основным признаком правового поведения является его социальная значимость. Известно, что в сферу действия права входит только такое поведение людей (индивидов и коллективов), которое имеет важное социально-экономическое, общественно-политическое или гражданское (личное) значение — как позитивное (полезное), так и негативное (вредное). Изучение законодательства и практики его применения позволяет конкретно определить основные социальные характеристики того поведения, которое в данных исторических условиях предусматривается правом. Правовое значение приобретает такое поведение людей, которое способно существенным образом сказаться на состоянии и развитии экономических, социальных, политических, идеологических общественных отношений, на статусе личности и реализации ее интересов¹.

Социальная значимость поведения сочетается, хотя и не всегда совпадает, с его значимостью для самого действующего субъекта, с индивидуальной значимостью соответствующего поступка. Большей частью именно эта последняя выступает как непосредственный стимул к совершенствованию того или иного действия.

С указанным обстоятельством связан второй — психологический — признак правового поведения, состоящий в том, что оно находится под актуальным или потенциальным контролем сознания и воли лица. Даже если этот контроль в данный момент и не осуществляется, то он непременно может быть осуществлен, иначе говорить о правовом поведении нет оснований. Этот психологический признак обусловлен самой природой права. Понятно, что правовым поведением может быть названо только такое поведение, которое поддается правовой регламентации. Но право в состоянии вызвать к жизни, стимулировать и обеспечить полезные для общества виды человеческих поступков и предупредить или пресечь другие, общественно вредные, лишь в том случае, если такие поступки способны регулироваться и контролироваться созна-

¹ По мнению Г.Х. Попова это люмпены: люмпены-патристы, люмпены-шовинисты, люмпен-пролетариат, люмпен-интеллигенция, люмпен-чиновник, люмпен-аппарат //Аргументы и факты. 1991. № 29.

¹ Подробнее см. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1990.

нием и волей человека. В ином случае право бессильно повлиять на человеческое поведение.

Как правильно отмечал М.Ф. Орзих, к правовому поведению относятся те проявления активности людей, которые поддаются социальному (внешнему и внутренне-личностному) контролю в его специфических юридических формах¹.

Третий признак — четкая регламентированность правового поведения. Этот признак юридический. Он состоит в том, внешние (объективные), и внутренние (субъективные) свойства поведения, предусмотренного правом, точно описаны в законе или других правовых источниках, ограничены определенными рамками. Эти рамки, с одной стороны, отражают реальные возможности регулирования человеческого поведения правовыми средствами, а с другой — гарантируют от излишнего вмешательства в деятельность государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, граждан.

Общественно полезное или вредное поведение, хотя оно и имело бы важное социальное значение, совершалось бы в определенных объективных и субъективных рамках и даже было бы обеспечено, например, экономическими возможностями общества, не будет правовым, если оно не предусмотрено нормами права — предписывающими, разрешающими или запрещающими. Этот формальный признак не менее важен для правомерного поведения, чем для противоправного, так как именно он дает законные основания для охраны и защиты прав и законных интересов граждан, коллективов, государственных и общественных организаций. Сформулированные в юридических актах границы правомерного и противоправного поведения — важное проявление принципов демократии и законности.

Четвертый признак — подконтрольность правового поведения государству в лице его правоприменительных и правоохранительных органов. Оно предполагает правовую гарантированность правомерного поведения и ответственность за поведение противоправное. Правомерное поведение обеспечено социальными, экономическими, организационными, правовыми и иными гарантиями. Государство вместе с тем предусматривает неблагоприятные правовые последствия противоправного поведения. Таким образом, правовое поведение, за исключением диспозитивных норм, не остается частным делом его субъектов. Государство предпринимает все необходимые меры для поддержания и развития общественно полезных форм

¹ См.: Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975. С. 22, 52 и др.

поведения и предупреждения общественно вредных. Это, разумеется, ни в коей мере не означает поощрения вмешательства в личную жизнь граждан.

Наконец, пятый признак, также юридический, прямо вытекает из предыдущего. Он состоит в том, что правовое поведение влечет или способно повлечь юридические последствия. Называя соответствующее поведение правовым, мы тем самым признаем его влияние на возникновение, изменение или прекращение правовых отношений или на другие элементы правовой системы. Осуществление прав, исполнение обязанностей, а также и их нарушение обычно порождают те или иные юридические последствия. Правда, определять правовое поведение только через его последствия было бы неверно по двум причинам: во-первых, потому, что последствия — это вторичный признак (они вытекают из факта совершения поступка и предусмотрены нормой права); во-вторых, юридические последствия иногда наступают и в результате событий или явлений, которые нельзя отнести к правовому поведению (об этом см. ниже). Тем не менее этот вторичный признак правового поведения существенно дополняет его общую характеристику.

2. Дифференцирующие признаки правового поведения. Общность ряда черт правомерного и противоправного поведения объясняется тем, что и то и другое — это поведение аналогичных субъектов, совершаемое в одной и той же сфере — права, обладающего определенными функциями и располагающего, в общем, ограниченным набором средств для контроля и регулирования человеческих поступков. Несмотря на эту общность, оба вида правового поведения — правомерное и противоправное — вместе с тем диаметрально противоположны по ряду их характеристик.

Начнем с того, что противоположна социальная значимость того и другого поведения. Если правомерное поведение в целом укрепляет общественные отношения, то противоправное поведение нарушает, ослабляет эти отношения, расшатывает социальную, экономическую, политическую систему.

Различны, а в ряде случаев противоположны и психологические признаки. Правомерное поведение мотивируется, как правило, сознанием долга, общественной потребности либо личными интересами, которые соответствуют интересам общества или, во всяком случае, не противоречат им. Противоправное поведение движимо совсем иными мотивами; чаще всего это мотивы корысти, эгоистических и агрессивных стремлений.

Особенно ярко сказываются различия правомерного и противоправного поведения на их юридических характеристиках. Правомерное поведение обычно предусмотрено разрешающими или обязывающими нормами, противоправное — запрещающими. Правомерное поведение заключается в соблюдении (исполнении) норм; оно, следовательно, нормативно. Противоправное — антинормативно, оно нарушает запретительную или обязывающую норму.

Соответственно различны контролирующие функции государства по отношению к этим видам поведения, различны и их юридические последствия. Контроль в отношении правомерного поведения направлен на то, чтобы всесторонне гарантировать и охранять это поведение, способствовать его полноценному практическому осуществлению. Юридические последствия такого поведения обычно благоприятны для субъекта; они включают, в частности, меры государственного поощрения. Напротив, последствия противоправного поведения связаны, как правило, с наступлением нежелательных для субъекта последствий, прежде всего юридической ответственности: на это направлена и деятельность правоохранительных органов, стремящихся предупредить и пресечь противоправные поступки и наказать их виновников.

Признаки, дифференцирующие правомерное и противоправное поведение, столь существенны, что в практической юриспруденции сложился ряд обособленных институтов, а в правоведении — специализированных понятий, относящихся только к одной или только к другой разновидности правового поведения. С одной стороны, мы пользуемся такими терминами, как «правомочие», «законный интерес», «гарантии», «компетенция», «правоотношение», с другой — «деликт», «преступление», «наказание», «заключение под стражу». Вместе с тем не меньшее, а гораздо большее число понятий и правовых институтов охватывает обе области. В этом проявляется диалектика правового поведения, а равно и права в целом, выполняющего функции как регулирования, так и охраны общественных отношений.

3. Определение правового поведения. Рассмотренная сложность структуры правового поведения создает известные затруднения при выработке его определения. Вероятно, по этой причине такого общепринятого определения еще не существует.

Исходя из сказанного выше, правовое поведение можно в самой общей форме определить как социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами

права и влекущее юридические последствия. Это определение, на наш взгляд, охватывает все перечисленные выше признаки и тем отграничивает правовое поведение от других форм социального поведения.

Так, указание на социальную значимость выделяет правовое поведение из массы действий индивидов и коллективов, которые, будучи важны для них самих, не имеют серьезного общественного значения. Психологическим признаком подконтрольности поведения сознанию и воле субъекта правовое поведение граждан отличается от действий невменяемых лиц; для коллектива этот признак трансформируется в процедуру принятия решений, отличающую его деятельность в рамках права от иных проявлений общественной активности. Далее, упоминания о норме права и о юридических последствиях важны для того, чтобы разграничить поведение в сфере права от поведения в области действия других социальных норм.

4. Юридически значимое поведение. Как же следует оценить поведение, не удовлетворяющее одному или нескольким из перечисленных признаков? Казалось бы, если поступок не имеет социальной значимости либо относится к числу таких действий, которые не подвластны субъекту, то этот поступок не будет предусмотрен правовой нормой и окажется вообще за пределами права. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что тем не менее существуют некоторые действия, которые не содержат перечисленных признаков и вместе с тем имеют прямое или косвенное отношение к правовым институтам.

Таковы, например, действия невменяемых (душевнобольных), а также детей и подростков, не достигших соответствующего возраста (гражданской или трудовой дееспособности, уголовной или административной ответственности). Они не входят в рассмотренное выше понятие правового поведения. Вместе с тем некоторые из этих действий могут повлечь юридические последствия. Например, общественно опасные действия невменяемого служат основанием для назначения ему принудительного лечения, что требует определенной юридической процедуры. Однако со стороны субъекта при этом нет основного компонента правового поведения — сознательного волевого поступка. Следовательно, нет и правового поведения.

Физические действия лиц, не осуществляющих правового поведения, могут быть вместе с тем юридическими фактами и поэтому их можно именовать юридически значимыми. В праве невменяемые (равно как и лица, не достигшие определенного

возраста) подлежат юридической защите в строгом соответствии с принципами гуманизма и всесторонней заботы о каждой человеческой личности. Но их поведение, не будучи правовым, ни в каком случае не может повлечь юридической ответственности.

§ 2. Правовое поведение гражданина

1. Рассмотрим теперь более подробно правовое поведение гражданина с правовой и социологической точек зрения. Главный вид поведения граждан в быту, на работе, в межличностных отношениях — это, конечно, поведение правомерное¹.

Гражданин, конечно, не выступает в качестве правоприменителя, потому что если он и совершает юридически значимые действия (пишет заявления, подает ходатайства и т. п.), то они обретают силу и служат элементами правоприменительного процесса лишь после соответствующих решений (резолуций) должностных лиц. Поэтому в чистом виде деятельность гражданина выступает только как реализация права.

По нашей Конституции, все граждане равны перед законом и судом. Однако это вовсе не означает, что правовая деятельность граждан, т. е. совершение ими поступков, имеющих юридическое значение, у всех одинакова. Она зависит от многих факторов: возраста человека, его социального положения, круга интересов, объективных возможностей, образа жизни и т. д. Например, правовое поведение граждан разного возраста различается потому, что социальные функции лиц различных возрастных категорий не совпадают. Так, трудовая деятельность значительной части населения начинается с 16-19 лет, завершается с достижением пенсионного возраста, при этом наибольший контингент участников трудовых отношений приходится на 20-49 лет. Наибольшей активностью вступления в браки характеризуются женщины и мужчины в возрасте 20-24 года (52% женщин); затем следуют возрастные группы до 20 лет (30% женщин), 25-29 лет (8% женщин) и старше 30% (10% женщин). Что же касается разводов, то они наиболее интенсивны в возрасте 30-35 лет. Вместе с тем та часть правомерного поведения в сфере брачно-семейных

отношений, которая связана с воспитанием детей, приходится в основном на более длительный возрастной период (25-45 лет).

Укажем еще одну область правовой активности — юридические действия в сфере социального обеспечения. Здесь имеются прежде всего обращения за назначением пособий и пенсий. Они могут иметь место практически в любом возрасте, но наибольшее их число, естественно, приходится на начало общего пенсионного возраста, т. е. на 55-60 лет.

Активность субъектов правового поведения в указанных выше сферах можно представить в виде кривых, расположенных на фоне общей демографической картины возрастного состава населения. Тогда из статистических данных и оценок специалистов мы получим схему, изображенную на рис. 1. Она указывает на то, что правомерное поведение реализуется во всех возрастных группах, но содержание его различно. Наибольшую количественную группу субъектов правового поведения составляют люди молодого и среднего возраста. Эти данные нельзя не учитывать как в правотворческой и правоприменительной деятельности, так и при осуществлении правового воспитания населения.

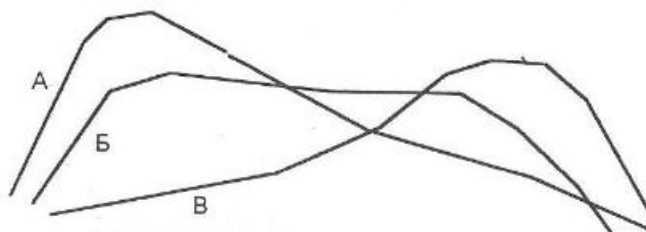

Рис. 1 Правовая активность граждан

А — в трудовой деятельности; Б — в брачно-семейных отношениях;
В — в сфере пенсионного обеспечения;

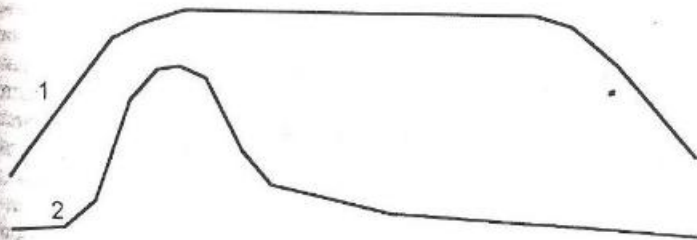

Рис. 2 Субъекты правового поведения — граждане

1 — фактическое правомерное поведение;
2 — фактическое противоправное поведение

¹ См.: Бабаев В.К. Правомерное поведение // Общая теория права. 1993. С.429 и сл.

Во многом сходная картина наблюдается и в сфере противоправного поведения. Криминологические исследования указывают на то, что несовершеннолетними (в возрасте от 14 до 18 лет) совершается в среднем до 10% всех преступлений¹. Наибольшее же число актов преступного поведения падает на возраст в 25-29 лет, затем следуют 18-24-летние, после них 14-17-летние и, наконец, лица старше 30 лет. Несколько равномернее распределены возрастные показатели в сфере административных правонарушений. Следует при этом иметь в виду, что субъекты всех видов противоправного поведения, составляют весьма малую долю населения. Таким образом, фактическое противоправное поведение в целом весьма невелико.

На рис. 2 сделана попытка суммировать приведенные выше данные. Здесь указан объем фактического участия граждан различных возрастных групп в правомерном и противоправном поведении (суммируется по экспертным оценкам). При этом численность каждой возрастной группы населения принята за 100%.

2. Каковы мотивы поведения граждан при реализации правовых норм?

Прежде всего надо отметить, что исходными мотивами поведения могут служить потребности и интересы не только самого данного субъекта, но и других лиц, социальных групп и общества в целом. Было бы неверно рассматривать действующего субъекта в изоляции от его человеческого окружения. Ближайшие биологические потребности ребенка, интересы родных и близких, забота о товарищах и друзьях, общие интересы коллектива, наконец, долг перед обществом — все это не в меньшей, а подчас и в большей степени движет человеческим поведением, чем собственные, личные интересы и потребности.

При формировании мотивов правомерного поведения имеет значение характер связи между интересами действующего субъекта и интересами других лиц, также служащими источниками мотивации. Оба вида интересов могут в большей или меньшей степени совпадать между собой или вступать в противоречия. Так, интересы собственного ребенка большей частью становятся и интересами родителей. С другой стороны, личные интересы члена коллектива могут расходиться с общественными, которые тем не менее выступают как обязательные для него и в силу этого мотивируют его правовое поведение.

¹ Личность преступника. М., 1975. С.121.

При оценке мотивирующего характера интересов других людей следует учитывать неодинаковую степень их обязательности для субъекта. Дружеская забота, моральный долг, правовая обязанность — таковы лишь некоторые разновидности из того большого набора форм обязательной связи личных и общественных интересов, которые встречаются в реальной жизни.

Наконец, необходимо принимать во внимание существование многих больших и малых социальных групп, интересы которых учитываются личностью и служат мотивами поведения. Они тоже могут не совпадать. Чем выше уровень развития правосознания личности, тем более широким кругом общественных интересов она руководствуется.

Если представить весь спектр различных мотивов правомерного поведения в виде шкалы, то на ней найдут свое место не только две группы — мотивы общественные и личные но и масса переходных и смешанных форм. Да и внутри этих групп возможны весьма различные комбинации и разновидности.

Общественные и личные мотивы поведения:

1. Идеиная убежденность в общественной пользе поступка.
2. Долг перед обществом, правовая обязанность.
3. Профессиональное чувство ответственности.
4. Практическая полезность поступка для других.
5. Стереотип, привычное поведение.
6. Конформизм, подчинение большинству.
7. Боязнь юридической или моральной ответственности.
8. Личная польза от совершения поступка.
9. Эгоистические интересы.
10. Негативные мотивы (месть, ревность и др.), реализуемые правомерными средствами.

Высшим уровнем общественной направленности мотива можно считать убежденность в социальной ценности совершаемого поступка в силу того, что он полезен для общества, для окружающих, родных и близких. К общественным мотивам относятся и те, которые связаны с более непосредственными побуждениями практического порядка: помочь своему коллективу, соседям по месту жительства и т. д. Общественные интересы — решающий мотив деятельности трудовых коллективов.

Наконец, необходимо иметь в виду, что к правомерному поведению могут иногда побуждать и такие мотивы, которым трудно дать положительную оценку (например, эгоистические). Дело в том, что между характером мотива и правомерностью поступка нет строгого соответствия. Хотя в большинстве

случаев положительные мотивы порождают правомерное поведение, а отрицательные — противоправное, все же это общее правило знает исключения. Они возникают потому, что между мотивацией и поступком имеется еще одно звено — планирование и принятие решений, — которое может деформировать социально полезную мотивацию или, напротив, блокировать и компенсировать социально вредную.

Ряд социально-правовых исследований был посвящен изучению социально-правовой активности личности.

Под социально-правовой активностью понимается добровольное, инициативное совершение действий, способствующих укреплению законности и правопорядка. Это «добровольная, сознательная деятельность, выражающаяся в интересе к праву, уважению права, признанию высокого престижа деятельности правовых учреждений, связанная с поиском наиболее эффективных путей использования индивидом своих правомочий или реализации своих гражданских обязанностей, гражданского долга в правовой сфере»¹. Иначе говоря, это позитивная, полезная деятельность, направленная на реализацию общезначимых целей права.

Как следует из этого определения, социально-правовая активность может иметь место в разных сферах общественной жизни и протекать в различных формах. Возможна активность в познавательной-информационной области, в сфере правового общения, а также в правовом поведении. В этом случае активность совпадает с исполнением обязанностей или с осуществлением своих прав. Тем не менее социально-правовая активность обычно выделяется в самостоятельную разновидность правомерного поведения, потому что она «превосходит» обычные требования закона, конкретных правовых предписаний — превосходит в том отношении, что это поведение более инициативно, активно и результативно. Смелое, порой с опасностью для жизни задержание тяжкого преступника; защита потерпевшего на основании правил о необходимой обороне; активное участие в обсуждении законопроектов; внесение полезных предложений по совершенствованию законодательства или практики работы государственных органов — все это примеры социально активного поведения в правовой сфере.

Отметим, что все указанные формы поведения предусмотрены действующим правом и поощряются нормами

нравственности; лица, их осуществляющие, делают это добровольно. Нередко социально-правовая активность означает принятие на себя тех или иных общественных и правовых обязанностей.

Как правило, такое поведение порождено общественно значимыми мотивами, и прежде всего пониманием важности правовой деятельности для укрепления законности, прав и интересов граждан.

Социологические исследования указывают на то, что социально-правовая активность характерна для широкого круга граждан различных возрастов и профессий. Было установлено, например, что социальная активность личности заметно возрастает с ростом образования и стажа работы.

Исследования социально-правовой активности, проведенные Институтом государства и права РАН дали сходные результаты. Они показали, что социально-правовая активность свойственна широким кругам нашего населения. Достаточно сказать, что около 50% опрошенных в разных регионах отмечали, что юридические материалы средств массовой информации обсуждаются ими с товарищами по работе, членами семьи, друзьями. Социально-правовая активность — та ведущая форма правомерного поведения, которая соответствует демократическому строю.

§ 3. Социальная природа правонарушения

1. Правонарушения и их наиболее тяжкая часть — преступления, издавна — привлекают внимание политика, ученого, писателя, гражданина как своей неординарностью в ряду других юридических событий и явлений, так и негативной общественной значимостью, а порой и серьезной опасностью. Социологический подход к этим явлениям предполагает выяснение их природы, причин и механизмов воспроизводства и функционирования, взаимосвязей с исторически обусловленными общественными процессами, а также путей их преодоления.

В нашей общественной науке вопрос о преступности и других правонарушениях с самого начала рассматривался, если можно так выразиться, с объективно социологических позиций. Весьма показательным в этом отношении является текст одного нормативного документа. В принятых в 1919 г. Руководящих началах по уголовному праву РСФСР говорилось: «Преступление в классовом обществе вызывается укладом

¹ Казимирчук В.П. Социально-правовая активность личности// Социализм и личность. М., 1979. С.17. См. также: Орзих М.Ф. Право и личность. Киев; Одесса, 1978. С.70 и сл.

общественных отношений, в котором живет преступник» (п.10). И вместе с тем «преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие...» (п.6). Здесь в лаконичной форме были выражены основы уголовной политики советской власти в первые годы ее существования, теоретическим фундаментом которой, как видно из сказанного, явилось понимание и признание тесной взаимосвязи между поведением личности и общественными отношениями, хотя классовое начало здесь было выражено чрезмерно.

Несмотря на эту концептуальную основу, путь научного изучения природы, причин и механизмов преступности и других правонарушений был трудным и медленным. Главное препятствие заключалось в том, что объективное изучение этих вопросов высвечивало те недостатки и противоречия реальной жизни, которые долгое время замалчивались, преуменьшались или вовсе отрицались. И надо признать большой заслугой наших ученых-юристов и социологов, что все они, буквально за единичными исключениями, не отошли от объективного понимания природы негативных явлений и сумели развить криминологические исследования в стране в трудные годы тоталитарного режима.

Если основное содержание этих исследований охарактеризовать наиболее обще, то можно сказать, что происходила следующая трансформация в понимании взаимосвязи преступности с социально-экономическими и иными процессами общественного развития: от утверждения о случайности этой связи — к пониманию ее объективной закономерности; от констатации указанной взаимосвязи на уровне личности преступника и его ближайшего окружения, выявлению региональных, возрастных, профессиональных, социально-классовых закономерностей, наконец, от простого признания факта существования взаимосвязи — к раскрытию механизмов ее действия и тенденций ее негативного развития в обществе.

2. Одним из важных вопросов, решение которых лежит в основе понимания природы правонарушений и иных антиобщественных поступков, является вопрос о соотношении социального и биологического начал в генезисе неправомерного поведения. В первые годы существования советской правовой науки в этом вопросе проявлялись колебания, главная причина которых, как сейчас представляется, заключалась в стремлении идеализировать новый общественный строй, а также в неразвитости общих научных представлений

о человеческом поведении. Когда в 60-е гг. отечественная криминология возродилась вновь, она уже четко встала на путь преимущественно социальных объяснений природы антиобщественных явлений. Многолетние — отечественные и зарубежные — исследования убедительно показали, что правонарушение, т. е. нарушение нормы права вменяемым человеком, способным нести ответственность за свои действия, в принципе имеет ту же общую социальную (и ту же биологическую) природу, что и любой иной человеческий поступок. Социальное начало в любом сознательном поведении преобладает, глубоко переплетаясь с биологическими элементами функционирования человеческого организма¹.

Правонарушение — это не только индивидуальное, но и массовое (массовидное) явление, и в этом аспекте его социальная природа видна более чем отчетливо. Официальная статистика и выборочные социологические исследования прямо указывают на связь структуры, состояния и динамики правонарушений с социально-экономическими условиями жизни общества.

Иностранцами и отечественными исследователями эта взаимосвязь была достаточно подробно прослежена. Известный американский криминолог Э. Шур, например, отмечал, что в наши дни «ни один думающий американец не может больше игнорировать тесной зависимости между нищетой, неравными социальными возможностями, чувством бездолженности и несправедливости, с одной стороны, и преступностью — с другой»². Глубокие социальные противоречия не могут не приводить к таким негативным социальным явлениям, как преступность, наркомания, алкоголизм, проституция и др. Правонарушения — это отражение, в том числе и уродливое, опосредованное, тех жизненных конфликтов, неудач, социальных драм и трагедий, которые порождает (и не может не порождать) общественная жизнь.

Долгое время казалось, будто бы последнее утверждение не распространяется на социалистическое общество. Между тем очевидно, что бесконфликтного общества не существует. Признанию этого факта препятствовала лакировка действительности, свойственная нашей научной и публицистической литературе в течение ряда десятилетий. Тем не менее в отечественной криминологии, за малым исключением, практически не оказалось сторонников биологического

¹ Подробнее см.: Дубинин Н.К., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.

² Шур Э. Наше преступное общество. М., 1977, с.314.

объяснения преступности. В научной литературе, хотя и с оговорками, было показано, что «по своему историческому происхождению преступность есть порождение определенных социальных условий: антагонистических общественных отношений классового общества, а также социальных противоречий, различий и диспропорций, которые сохраняются и после устранения классовых антагонизмов»¹.

Не только научные исследования, но и сама юридическая и социальная практика подтвердила связь преступности и иных правонарушений с социально-экономическими и иными общественными процессами. Достаточно заметить, что те застойные явления 70-х — начала 80-х гг., которые были охарактеризованы как «предкризисное состояние» нашего общества, стали прямой причиной возрастания преступности и других негативных явлений в эти годы: пьянства и алкоголизма, коррупции, бюрократизации государственного аппарата. Переход к рынку усугубил все эти явления, которые развивались постепенно.

Стагнация экономического развития, приходившаяся на 70-80-е гг., вначале вызвала к жизни некоторые механизмы, которые представляли собой неосознанное стремление достаточно широких слоев населения «на свой страх и риск» преодолеть застой, с которым они столкнулись в своей повседневной практике. Ухудшение материального положения сказалось на людях по-разному, или, пользуясь терминологией Т.И. Заславской, вызвало разные типы «экономического поведения». Во всяком случае, научные исследования указали на пять таких типов.

Во-первых, часть населения, используя в основном законные пути, прибегли к дополнительным заработкам (совместительство, «шабашничество», отдельные трудовые соглашения). По некоторым оценкам, дополнительные заработки в начале 80-х гг. имели более 30% молодых городских жителей. Надо заметить, что в годы перестройки постепенно были сняты прежние ограничения на дополнительную работу в свободное время, стимулировалась кооперативная деятельность. Это заметно повысило доходы части населения, но одновременно привело, по крайней мере в отношении некоторых людей, к двум негативным последствиям: манкирование основной работой ради дополнительного заработка и физическая перегрузка за счет законного отдыха.

¹ Курс советской криминологии. Предмет, методология, преступность и ее причины, преступник. М., 1985. С.6.

Во-вторых, (и здесь начинает все заметнее проявляться «личностный фактор»), обнаружился другой канал улучшения своего материального положения: устройство на «выгодное местечко». Но здесь уже стали расцветать пышным цветом такие явления, как родственные и приятельские связи, «облат» и выгодные знакомства, а то и национально-племенные предпочтения. Не рассматривая детально этот канал, скажем лишь, что многие события последних лет, связанные с обострением национальных отношений, не в последнюю очередь были связаны именно с такого рода явлениями.

В-третьих, прямой подкуп должностных лиц, имеющих возможности различными путями способствовать материальным приобретениям. По существу, это криминальное развитие предыдущего случая. Но если выше речь шла в основном о моральной деформации, то здесь — о коррупции, взятках, злоупотреблении властью, т. е. о преступных методах в прямом смысле этого слова. О расцвете взяточничества в ряде республик, краев и областей, министерств и ведомств известно уже достаточно подробно.

В-четвертых, хищения имущества государства, частных фирм и граждан, спекуляция, контрабанда, различные формы теневой экономики. Только за 10 месяцев 1993 г. преступность выросла на 27% по сравнению с тем же периодом предыдущего года, причем в основном за счет имущественных преступлений. Расширились преступные махинации в бизнесе, увеличился рэкет (вымогательство), больше стало квартирных краж и угонов автомашин.

В-пятых, есть и такая часть населения, которой все перечисленные выше способы наживы, или, скажем мягче, повышения своего материального статуса, неприемлемы или недоступны. Понятно, что эта часть населения, во-первых, составляет подавляющее большинство и, во-вторых, она крайне неоднородна. Не будем здесь рассматривать позитивное экономическое поведение, смысл которого направлен на то, чтобы нормальным путем повышать свой социальный статус, учиться, углублять профессиональные знания и навыки, работать более производительно и т. п.

Но укажем на другую, меньшую часть из тех, кто не использовал четыре рассмотренных выше пути. Это маргинальные личности: пьяницы, бродяги, наркоманы, токсикоманы и т. п. Их число также сильно возросло: они исчисляются сотнями тысяч, не считая 4,6 млн. хронических алкоголиков. Социальная деформация этих личностей — вид саморазрушения.

Таков общий результат экономической стагнации. На этом фоне выглядят обескураживающе примитивными

рассуждения о «дурных наклонностях» и «падении нравов», хотя к вопросу о ценностных ориентациях людей они, конечно, имеют отношение.

Однако и эта картина социальной деформации пока неполна. Дело в том, что развитие преступности при рассмотренных выше условиях имеет «две волны»: первая — экономическая, вторая — агрессивно-насильственная. Как видно из сказанного, ближайшим, хотя и не всегда осознанным, вариантом «экономического поведения» той части населения, о которой шла речь, является стремление к материальной выгоде. Но как оно само, так и препятствия, возникающие на пути к его удовлетворению, влекут еще ряд последствий: стрессовую ситуацию, обострение отношений с окружающими, конфликты, опасности, агрессивное поведение. На этой основе разрастается вторая ветвь преступности — так называемой насильственной, к которой относятся убийства, телесные повреждения, хулиганство и т. п. По последним данным, одним лишь нераскрытым убийствам стало более 1,5 тыс., а тяжких телесных повреждений — свыше 6 тыс. Разоблачено около 1,5 тыс. бандитских групп, совершивших более 9 тыс. опасных преступлений. Хулиганство также резко возросло, особенно среди несовершеннолетних. Агрессия во всех этих случаях и средство завладения материальными ценностями, и форма проявления фрустрации, а подчас и элемент деформированного образа жизни.

3. Ученые-юристы и социологи в 80-90 гг. не только провели ряд конкретных исследований, которые подтвердили взаимосвязь правонарушений с объективными социально-экономическими организационными, социально-психологическими событиями, явлениями и процессами в жизни общества, но и активно развивали общую теорию социальных отклонений.

Глубже стали пониматься и причины правонарушений. Так, анализируя механизмы действия социально-экономических противоречий, Л.И. Спиридонов наметил такую последовательность взаимосвязей: развитие производительных сил — изменения в структуре рабочих мест — социальные статусы — культурно-образовательные черты представителей соответствующих социальных групп и слоев населения — их поведение. Мотивы нарушений социальных норм «вероятнее появляются у людей, чьи социальные статусы не полностью согласуются друг с другом»¹. Расхождения статусов обусловлены

¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. С.138.

в конечном счете неравномерным развитием производительных сил.

Общественное разделение труда порождает противоречие между равным для всех отношением к средствам производства и неравным трудом, а также противоречия распределения. Кроме того, через социальную структуру общества оно формирует противоречия социальных интересов и неоднородность общественного сознания. А это определяет цели и мотивы поведения, в том числе и антиобщественного.

В работе коллектива авторов ВНИИ милиции действие объективных социальных противоречий было соотнесено с изменениями в психологии разных слоев населения, в том числе в сфере потребностей. Формирование последних происходит по законам сравнения: «жить не хуже, чем раньше»; «завтра жить не хуже, чем сегодня»; «жить не хуже, чем другие». В результате даже временное ухудшение экономической ситуации, заметная дифференциация доходов разных групп населения, дисбаланс в сфере распределения — все это порождает негативные явления в общественной психологии и ведет к росту правонарушений¹.

Можно рассматривать такую причинную зависимость: взаимодействие социальных процессов — объективные социальные противоречия — дисфункции социальных институтов — деформация неформальных структур — искажение образа жизни — нарушение социальных норм. По-видимому, есть и другие причинные цепочки, продуцирующие правонарушения как массовое социальное явление. Например, что касается менее опасных их видов (бытовая неосторожность, мелкие нарушения общественного порядка), то их, на наш взгляд, можно просто рассматривать как некие флуктуации в социальной системе, достаточно естественные для бывших и при том разнородных групп и слоев населения.

Социальные причины преступности в конкретном их проявлении стали изучаться и в территориальном (региональном) аспекте. Так, в сборнике НИИ проблем укрепления законности и правопорядка были проанализированы региональные особенности взаимосвязи преступности и материальной обеспеченности населения, социально-культурные характеристики

¹ См.: Горяинов К.К., Кононенко В.И., Кудрявцев С.В. Взаимодействие социально-экономических и социально-психологических процессов в генезисе преступности// Советское государство и право. 1985. № 12. С.51 и сл.

регионов и их взаимосвязь с состоянием преступности, а также другие элементы системы «преступность — общество»¹.

4. Признание социальной природы правонарушений и преступности позволило раскрыть механизмы индивидуально-го поведения правонарушителей.

Эмпирический анализ этих механизмов стал производиться в нашей стране еще в конце 70-х гг. При этом основное внимание было направлено на анализ соотношений в этих механизмах объективных и субъективных обстоятельств, т. е. конкретной жизненной ситуации, с одной стороны, и личности правонарушителя — с другой. Кратко суммируя полученные в этих исследованиях данные, можно сказать, что была констатирована следующая причинная цепочка, составляющая основу механизма всякого поведения: потребности и интересы личности — мотивы — выбор цели и средств ее достижения — оценка ситуации — принятие решения — поступок. Далее выяснилось, что механизм противоправного поведения отличается от правомерного главным образом тем, что в одном или нескольких звеньях упомянутой причинной цепочки происходит деформация. В связи с этим обнаружилось, что есть четыре типичных варианта такой деформации, связанных как с типом личности правонарушителя, так и с особенностями внешней среды.

Первый вариант: искажены потребности и интересы субъекта. Это, в свою очередь, ведет к выбору неадекватных (с точки зрения права и морали) целей и средств поведения и, соответственно, к совершению неправомερных действий. Искаженные интересы, судя по результатам исследований, являлись основным мотивом совершения преступлений против собственности (94% изученных дел) и занимали большое место среди мотивов умышленных убытков и тяжких телесных повреждений (42%)².

Второй вариант: нормальные потребности и интересы приходят в конфликт с имеющимися у субъекта возможностями для их законного удовлетворения. Возникающая фрустрация служит поводом для агрессивного поведения, в том числе хулиганства, порождает и ряд имущественных правонарушений. Немалую роль играют в этих случаях неправильные действия потерпевшего (в 36% дел о тяжких насильственных преступлениях)³.

¹ См.: Территориальные различия преступности и их причины. М., 1988. С. 46.

² См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 55.

³ См., напр.: Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение, Ереван, 1987. С. 62.

Третий вариант: деформация ценностных ориентаций субъекта. Стремясь к удовлетворению даже социально одобряемых потребностей (интересов) и не встречая серьезных препятствий к достижению этих целей правомерными средствами, он в рассматриваемом случае избирает все же противоправный путь. Исследования показали, что такой механизм присущ поведению многих преступников-рецидивистов. Он характерен и для других случаев, когда личность глубоко деформирована, рассогласована с ближайшим социальным окружением, испытывает дезадаптацию в отношении среды¹. Вместе с тем аналогичный механизм действует и при незначительных нарушениях различного рода административных и хозяйственных правил. В таких случаях мелкие противоправные поступки, связанные с пренебрежением к требованиям правовых и нравственных норм, отражают стереотипы общественного сознания, свойственные низкому уровню политической и правовой культуры.

Четвертый вариант: деформация на этапе принятия решения. Причины здесь различны: стрессовая ситуация, ошибка в оценке обстановки, нарушение сферы самоконтроля и т. д. 38,1% умышленных убийств были совершены в состоянии душевного волнения, в том числе 15% — в состоянии аффекта². Искаженное восприятие событий характерно и для лиц, имеющих психические аномалии. Наконец, неверная оценка обстановки — существенная черта преступлений, совершаемых по неосторожности.

Различные типы механизмов противоправного поведения имеют не только индивидуальное, но и социальное значение. Они связаны не только с личностью правонарушителей, но и с особенностями социально-экономических условий общественной жизни. Знание этих связей дает возможность предвидеть изменения в состоянии, уровне и структуре различного рода правонарушений и прогнозировать их качественные и количественные признаки.

Так, преступность будет возрастать, если увеличивает число лиц с искаженными интересами и потребностями. Но и сами эти массовые искажения, как правило, свидетельствуют о нездоровых явлениях в экономической жизни, о социальном неустойчивости тех или иных слоев или групп населения.

Рост преступности происходит и при увеличении разрыва между потребностями и возможностями людей, что особенно

¹ См.: Механизм преступного поведения. С. 175.

² Подробнее см.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.

характерно для периодов экономического спада, кризисных и предкризисных состояний общества. Динамика правонарушений ухудшается, наконец, в том случае, когда происходят неблагоприятные процессы в массовом общественном сознании: политическом, правовом, нравственном. Если нарушается сложившаяся система ценностных ориентаций, то ослабевает уважение к закону и нормам нравственности, растет должностная преступность, увеличивается число нарушений общественного порядка. Не случайно все эти явления стали наблюдаться в нашей стране в период, который мы ныне характеризуем, как застойный. Социологические и криминологические исследования в указанных направлениях не только раскрывают механизмы самих антиобщественных явлений, но и могут, как видно, служить довольно чутким барометром более крупных негативных процессов и явлений в экономической, политической, духовной жизни общества.

§ 4. Особенности личности правонарушителя

1. Из всех субъектов юридически значимого поведения — должностных лиц и граждан — правонарушитель изучен наиболее полно и глубоко. Правонарушитель — это личность, в той или иной мере противопоставляющая себя обществу. Причины поведения правонарушителя, лежащие в личностной сфере, заслуживают не меньшего внимания, чем внешние обстоятельства, сформировавшие его и толкнувшие на преступление.

Социология права поэтому уделяет особое внимание вопросам, связанным с личностью человека. В основном это относится к социологии уголовного права, социологии преступности, а также к исследованию вопросов индивидуального и группового правосознания. Для полноты и целостности каждое социолого-правовое исследование должно содержать информацию о личностных особенностях исследуемых лиц.

Индивидуальные особенности личности имеют существенное значение в криминологии, а также в уголовном судопроизводстве. Личные особенности индивида играют важную роль в раскрытии мотивационной обусловленности данного преступления, поэтому в процессе следствия и судебного разбирательства дается подробная характеристика обвиняемого и подсудимого. Личность несовершеннолетнего правонарушителя также является объектом внимания со стороны

юристов и социологов, учитывая так называемую «раннюю профилактику» и перевоспитание (ресоциализацию) лиц, совершивших определенное преступление.

В социологии, однако, проблемы ставятся на более широкой основе. Проблемы личности и ее индивидуальные особенности интересуют социолога, поскольку все социальные взаимоотношения, процессы и явления, протекающие в малых и больших, формальных и неформальных группах, являются, в сущности, взаимоотношениями между индивидами, членами этих групп.

Известно, что личность человека меняется с течением времени. Меняются навыки, психологические особенности, их система ценностей, отношение к правовым и моральным нормам, действующим в обществе.

В связи с этим социология ставит вопрос: существуют ли какие-то основные черты человека, решающие или предопределяющие его «человеческую натуру», постоянно определяющие поведение человека, исследование которых было бы основой предвидения, прогнозирования поведения человека.

Исследования личности правонарушителей начались уже в первые годы советской власти, когда были созданы кабинеты по изучению преступности и личности преступника в Петрограде (1918), Саратове (1922), Москве (1923) и других городах. Правда, эти исследования имели в большинстве случаев описательный характер. Так, в работе известного русского и советского юриста и социолога М.Н. Гернета «Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 годах» анализировались данные по следующим разделам: социальный состав, пол, возраст, народность, семейный быт осужденных, их воспитание, образование, жилищные условия, алкоголизм; преступность городская и сельская. Но каких-либо обобщенных выводов работа не содержит.

В тот же период времени проводились медико-психиатрические исследования преступников, ценность которых во многих случаях была невелика из-за несовершенства применяемой методики¹.

С начала 30-х гг. и вплоть до конца 50-х исследования преступности и личности преступника не велись; многие специалисты в этой области подвергались репрессиям. После создания в 1963 г. Всесоюзного института по изучению причин

¹ См.: Гернет М.Н. Избр. произведения. М., 1974. С.508 и сл.; Преступный мир Москвы. М., 1923; Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1924; Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928; Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Ч. Общая. М., 1925 и др.

и разработке мер предупреждения преступности криминологические исследования получили значительное развитие. Точнее было бы сказать, что криминологическая наука была воссоздана вновь.

В одной из первых работ этого периода — книге А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (1961) была сделана попытка дать социальную характеристику личности правонарушителя, связав ее индивидуальные черты с общественными явлениями и процессами. Ядром такой личности признавалась ее антиобщественная установка.

Работа А.Б. Сахарова имела концептуальный характер и не претендовала на освещение и анализ эмпирических материалов. Однако она дала толчок для конкретных исследований социологического и психологического характера.

В течение последующих лет были подробно изучены возрастные и социальные признаки личности преступника, ее психологические особенности, условия семейного воспитания, отношения в микросреде, нравственные свойства и ценностные установки.

В коллективном труде начала 70-х гг. «Личность преступника» был дан обобщенный «социально-демографический портрет» преступника того периода времени. Среди всех осужденных преступников мужчины составляли 85-88% (так же, как и в 20-е гг.); наибольшая интенсивность преступного поведения падала на возрастную группу в 25-29 лет. По образовательному уровню преобладали лица, имеющие неполное среднее образование (до 39%), по социальному положению — представители малоквалифицированных профессий². В монографии были проанализированы особенности формирования личности преступника в семье и школе, в производственном коллективе и ближайшем бытовом окружении; даны нравственно-психологические характеристики некоторых категорий преступников; расхитителей социалистической собственности, насильственных и насильственно-корыстных преступников, а также несовершеннолетних правонарушителей.

Глубокие социально-психологические исследования личности несовершеннолетнего правонарушителя и молодого преступника были проведены в 70-е гг. проф. К.Е. Игошевым. Автор проанализировал мотивацию их поведения, дал типологию этой личности, показал особенности отношений и социальных связей. Было установлено, что наибольший удельный

¹ См.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988, вып.46. С.3 и сл.

² См.: Личность преступника. М., 1975. С.119 и сл.

вес в сфере мотивации преступлений, совершаемых молодежью и подростками, занимают неосознанные мотивы (48,9%), свидетельствующие о непредумышленности, ситуативности и даже импульсивности неправомерной деятельности. Это тесно связано с такими личностными чертами, как неумение контролировать свои поступки (54,5%), привычка к алкоголю (57,1%), отсутствие твердой жизненной цели (54,5%), безволие (48,3%)¹.

К.Е. Игошев сопоставил ценностные ориентации несовершеннолетних правонарушителей и законопослушных подростков. Приведем его таблицу, которая дает наглядное представление по этому вопросу для характеристики подростков 70-х гг.²

Таблица 3

Чем интересуется	Правонарушители	Работающие на производстве	Учащиеся профтехучилищ	Учащиеся старших классов школ
Учебой	2,1	55,2	55,3	25,1
Трудом	20,0	55,2	73,9	29,3
Спортом	31,2	43,1	41,5	39,1
Искусством	10,0	14,6	8,2	12,5
Общественной работой	1,7	10,0	10,4	11,4

Ряд исследований был направлен на анализ ценностных ориентаций насильственных преступников. В отличие от действий с корыстной ориентацией, направленных к одной цели — приобретению материальных благ, насильственное (агрессивное) поведение распадается по ведущей мотивации на две основные группы. Первая представляет собой так называемое «инструментальное» поведение, при котором насилие служит средством для достижения других целей (например, при рэкрете, захвате заложников, угоне самолетов, национальной розни и т. п.). Вторая же группа включает насилие как самоцель. Это главным образом хулиганство, а также оскорбления, проявления вандализма и другие действия, которые иногда именуют безмотивными. Здесь, по существу,

¹ См.: Игошев К.Е. О социально-психологических особенностях типологии личности преступника молодежного возраста// Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Горький, 1974. С.261.

² См.: К.Е. Игошев. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего. Свердловск, 1973. С.140.

действуют механизмы психологического замещения и переноса, подробно рассмотренные в специальной литературе.

Упомянутые антиценности в поведении правонарушителей, как и сами названные преступления, разумеется, новы. То, что мы в этой связи наблюдаем в 90-е гг. — это, во-первых, количественный рост числа лиц, которые придерживаются подобных ценностных ориентаций и представлений. Во-вторых, это, если так можно выразиться, большая «открытость» антиобщественных мотивов поведения, их циничная демонстрация, даже бравада. В основе роста такого рода явлений лежит экономическое поведение некоторых слоев населения, вызванное длительным нарастанием кризисных явлений. Это внешняя сторона. Что же касается стороны внутренней, т. е. самой природы рассматриваемых ценностных ориентаций, то в основе своей они существовали всегда, а во многом были и усилены многолетними методами командно-административного, внешнеэкономического принуждения, которые продуцировали «равенство в нищете, завистливый взгляд в карман соседа, стремление растоптать, извести все, что лучше, чем у тебя. Это массовое, поточное воспитание люмпенов, способных халтурить, химичить, воровать, но не работать»¹. Дело только в том, что раньше это не было столь очевидным.

Отрицательные изменения в системе ценностных ориентаций молодежи стали обнаруживаться учеными еще в конце 70-х гг., но тогда этому не было придано должного значения, а главное не были осознаны причины. А.Р. Ратиновым, Г.Х. Ефремовой, А.И. Долговой и другими было проведено несколько исследований психологии и правового сознания несовершеннолетних правонарушителей, которые сравнивались с подростками того же возраста, но не совершавшими правонарушений. Предыдущие исследования этих вопросов, относящиеся к концу 60-х гг., привели к выводу, что, несмотря на несопоставимость фактического поведения тех и других категорий несовершеннолетних, некоторые ценностные ориентации у них совпадали. Исследование Е.М. Юцковой показало, например, что если среди факторов, способствующих жизненному успеху, в 60-е гг. на первое место в обеих группах подростков выдвигались трудолюбие, образование и способности, то уже в 70-е гг. у лиц, совершивших правонарушения, ведущие места заняли «умение использовать любые средства»,

¹ Вьжутович В. Сигнализация. 1989. 11 авг. Известия.

затем — «влиятельные друзья», «счастливый случай» и т. п.¹ И эта психология стала широко распространяться отнюдь не только среди преступников.

Негативные деформации ценностных ориентаций не исчерпывают всего спектра изменений в рассматриваемой области. Есть еще две стороны дела. Очень важно, например, отметить, что уже теперь, в ходе социальных и психологических перемен, связанных с реформами, стали возрождаться и укрепляться общечеловеческие ценности, простые нормы человеческой нравственности: честность, прямота, милосердие, забота об обездоленных и т. д. Если несколько детальнее проанализировать этот процесс, то надо сказать, что эти гуманные черты, несомненно, всегда существовали в недрах нашего общества, у всех наций и народностей нашей страны, как и во всем мире. Но, с другой стороны, сейчас они вышли на поверхность и приобрели открытое признание, а с другой — расширился круг людей, которые осознанно обратились к этим лучшим проявлениям человеческой природы. Другое, на что следует обратить внимание, — это появление новых (для нас) представлений и идей, также имеющих важную ценностную характеристику. Ведь сами понятия: «гласность», «плюрализм мнений», даже «демократия и свобода» (наполненные новым содержанием) — это не только идеи, институты и отношения, но и ценности, во многом определяющие совокупность взглядов и поступков довольно широких слоев современного населения. Все это еще раз подчеркивает тесную взаимосвязь социальных институтов, норм, ценностных ориентаций людей и отношений между ними, а также сложные переплетения этих элементов общественной жизни.

Кроме изучения личности самих правонарушителей во многих исследованиях широко использовалась идея сравнительного анализа систем интересов, предпочтений, ценностных ориентаций этой категории людей и законопослушных граждан. Ставя в центр этой системы сначала правовое сознание правонарушителя (Карпец И.И., Ратинов А.Р., 1968), затем — ценностно-ориентационную систему личности (В.А. Ядов, 1979), исследователи данного направления установили ряд характерных особенностей внутреннего мира преступника и вместе с тем убедились, что одними этими особенностями

¹ См.: Юцкова Е.М. Особенности ценностных ориентаций бывших несовершеннолетних правонарушителей и их роль в изменении личности и поведении // Опыт криминологического изучения личности преступника. М., 1981. С.102.

объяснить преступное поведение невозможно. Дело, очевидно, в том, что ни уровень правового сознания, ни мировоззренческие представления, ни нормативно-ценностная установка личности не являются единственными детерминантами поведения, отклоняющегося от правовой нормы. «Принципиально различает преступников и не преступников... не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом «удельный вес» каждого, т. е. пока еще недостаточно изученный комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы»¹. То же в еще большей мере относится к лицам, совершающим противоправные действия не преступного характера.

2. Естественно, что вывод об отсутствии единой личностной черты, характерной для правонарушителей и объясняющей их противоправное поведение, вызвал к жизни ряд работ, посвященных проблеме типологии преступников.

Основания типологизации правонарушителей, в зависимости от поставленных задач, могут быть весьма различными. В правовой литературе можно встретить типологию, преследующую оперативно-розыскные, следственные, судебные, исправительно-трудовые цели; в криминологическом аспекте распространено выделение преступников по ведущей мотивации (корыстные, насильственные и т. п.); немаловажное практическое значение принадлежит типологиям, построенным по демографическим, правовым и социально-психологическим признакам². Не останавливаясь на всех этих разновидностях, отметим, что с социологической точки зрения наиболее содержательным можно считать исследование, проведенное А.И. Долговой, В.Д. Ермаковым и Н.В. Беляевой в 70-х гг. (и повторенное через десятилетие), в котором типология несовершеннолетних преступников была построена на основе комплексного критерия: типы микросреды плюс характер связи предшествующего поведения лица и последнего совершенного им преступления³. Исследование показало, что такая связь не только имеется, но что она четко коррелируется с типом микросреды, в которой воспитывался преступник. Приведем таблицу, иллюстрирующую этот вывод.

Таблица 4

Таким образом, обнаруживаются три основных типа преступника, получивших в последующем наименование «последовательно криминогенного» типа, «случайно-криминогенного» и «ситуативного». При дальнейшем криминологическом изучении личности среди бывших несовершеннолетних правонарушителей, достигших 22-29-летнего возраста, представители первого типа встречались в основном (75%) среди тех, кто стал затем рецидивистом, остальные — среди пьяниц, алкоголиков и лиц, длительное время не учившихся и не работавших. Третий тип преимущественно встречался среди лиц, не совершавших новых правонарушений¹. Это свидетельствует, несомненно, о том, что указанная типология имеет практическое, в том числе профилактическое и прогностическое, значение.

§ 5. Социологические аспекты проблемы ответственности

1. Мы уже касались вопросов соотношения убеждения и принуждения, стимулирования и ответственности. Остановимся здесь лишь на социально-правовых исследованиях,

¹ Ратинов А.Р. К ядру личности преступника. В сб.: Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С.81

² См.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С.120 и сл.

³ См.: Курс советской криминологии. Предмет. Методология.

¹ Преступность и ее причины, преступник. М., 1985. С.298 и сл. Там же. С.303.

непосредственно касающихся юридической ответственности за правонарушения. К сожалению, и в данной области преобладает криминологический (уголовно-правовой) аспект; исследований в других отраслях права очень мало.

Еще в конце 70-х гг. Г.А. Злобин обращал внимание на то, что функции уголовного закона многообразны: социально-превентивная, ценностно-ориентационная, юридико-регулятивная, социально-интегративная, системно-правовая и функция поддержания и укрепления престижа государственной власти¹. К сожалению, те, кто изучал проблему социологии ответственности, сосредоточивали свое внимание преимущественно на трех вопросах: а) прагматически понимаемая эффективность юридической ответственности; б) механизм воздействия мер ответственности на личность правонарушителя; в) социальное и психологическое восприятие ответственности разными категориями граждан (не трудно видеть, что второй и третий вопросы, по сути дела, являются элементами более общего первого вопроса).

Традиционно понимаемая эффективность правовой (ретроспективной) ответственности складывается из действия так называемой общей и специальной превенций, т. е. воздействия закона и практики его применения ко всему населению (включая тех, кто не совершал правонарушений) и к тем, кто правонарушение совершил. Оба эти аспекта достаточно полно исследованы в правовой литературе. Основным показателем успешности уголовно-правового воздействия на лиц, уже совершивших преступление (специальная превенция), обычно считается процент рецидива², а эффективность общей превенции определяется ростом или снижением всей преступности в стране.

Последнее утверждение, несмотря на его распространенность, крайне неточно, так как здесь всегда действуют и многочисленные иные, неюридические факторы. Социологические исследования показали, что сомнения в силу воздействия закона на состояние преступности в определенной мере разделяют и специалисты-практики. Опрос сотрудников органов внутренних дел и народных судей показал следующую картину³:

¹ См.: Злобин Г.А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию законодательства// Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С.58 и сл.

² Он в нашей стране устойчиво составляет около 30%

³ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. С. 150.

Таблица 5

Зависит ли уровень преступности от качества работы милиции, суда, ИТУ?	Сотрудники органов внутренних дел и др. органов	Народные судьи
Очень зависит	48,3%	63,1%
Зависит, но не очень	43,0%	28,0%
Не зависит	3,3%	2,8%
Затрудняюсь ответить	2,3%	2,0%

В том же исследовании на вопрос, многих ли людей страх перед наказанием удерживает от совершения преступления, положительно ответили лишь 32,6% сотрудников органов внутренних дел и 39,3% народных судей¹.

Однако какой-либо эффективной методики измерения вклада правовой ответственности в решение задачи предупреждения правонарушений до сих пор не имеется; это задача будущего. Пока же остается анализировать влияние мер юридической ответственности на поведение граждан лишь по субъективным показателям, которые, разумеется, не могут дать объективной картины.

К числу таких субъективных показателей относятся, в частности, данные опросов осужденных о том, как они оценивают обвинительный приговор и назначенное им наказание. Исследование А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой свидетельствует о том, что значительная часть осужденных (от 50 до 80%) уходят от нравственных оценок содеянного, рассматривая наступившую ответственность как «неизбежное зло» или несправедливость². Впрочем, эти проявления «самооправдания» не всегда отражают реальную внутреннюю самооценку и вряд ли в полной мере свидетельствуют о реальном воздействии наказания на процесс исправления и перевоспитания осужденного.

А.Р. Ратинов, анализируя ряд субъективных, косвенных показателей (отношение опрошенных граждан, в том числе осужденных, к мерам наказания; уровень их правосознания; мотивация поведения в разных ситуациях и т. д.), сформулировал ряд условий, при которых уголовно-правовая ответственность является более эффективной. К ним, по мнению автора, относятся следующие требования:

¹ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. С. 161.

² См.: Правосознание и правовое воспитание осужденных. М., 1982. С. 27-28

а) мотивирующее значение наказания тем интенсивнее, чем ближе момент его применения; б) предупредительная роль наказания тем выше, чем неизбежнее оно представляется субъекту; в) стимулирующая сила наказания тем выше, чем большего блага лишается преступник в результате его применения; г) успех превентивной мотивации наказания находится в обратной зависимости от степени распространенности и устойчивости запретных форм поведения; д) успех превентивной мотивации зависит от соразмерности карательной санкции и запретного поведения; е) степень мотивационного влияния наказания зависит от того, насколько запрещенное действие субъект считает для себя приемлемым, желаемым и должным¹.

Эти рекомендации, которые нам представляются вполне обоснованными, казалось бы, свидетельствуют о том, что чем суровее наказание, тем оно, при прочих равных условиях, более эффективно. Но такой взгляд был бы крайне односторонним. «Плохие тюрьмы... — справедливо писал П.П. Люблинский, — способны более утратить, чем хорошие, но едва ли вследствие этого следует заботиться об ухудшении, а не об улучшении тюрем»².

В последние годы исследователи стали обращать все большее внимание на такие важнейшие компоненты наказания, как его справедливость, гуманность, соразмерность с совершенным деянием³. Нельзя не согласиться с А.М. Яковлевым: «Без принуждения уголовное правосудие было бы бессильным, без воспитания — бесчеловечным. Однако без справедливости правосудие вообще перестало бы существовать»⁴.

Надо заметить, что немаловажное значение имеет этический элемент правовых санкций. Ведь в велениях, запретах, санкциях содержится достаточно единообразное представление не только о правомерном поведении, но и о противоправном, общественно вредном или преступном поведении, выраженном в форме как действия, так и бездействия.

¹ См.: Ратинов А.Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики// Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С.228-230.

² Люблинский П.П. О действиях наказания// Новые идеи в правоведении. Спб. 1914. Вып.1. С.5.

³ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985; Блувштейн Ю.Л. Уголовное право и социальная справедливость, Минск, 1987.

⁴ Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основание уголовной ответственности. // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 93.

Конечно, понятие «единообразное», или «общее», отнюдь не предполагает идентичное или конформное в смысле чисто подражательных, неосмысленных действий. Наоборот, оно предполагает бесконечную гамму индивидуальных различий в пределах единых и достаточно широких рамок.

Но вместе с тем это означает, что индивидуальное действие и социальное действие соотносятся между собой как контролируемое и контролирующее действия, однако речь идет в реальности именно о взаимодействии, а не об одностороннем контроле без обратной связи. Акт социального (группового) действия, выступая в системе социального контроля в виде реакции на индивидуальное поведение, в свою очередь выполняет функцию императивного стимула (позитивного или охранительного свойства), предопределяющего характер последующих актов индивидуального действия, в силу чего эти акты индивидуального характера служат реакцией на моделируемые правовой нормой социальные действия. В конечном счете смысл системы правового контроля за поведением заключается в том, чтобы нейтрализовать или исключить социальные отклонения. Однако потенциальная возможность упреждения социальных отклонений определяется многими обстоятельствами. В частности, сами представления о том, что является и что не является поведением, отклоняющимся от нормы, подвержены изменчивости и по-разному оцениваются в истории человеческих обществ¹.

Линия на демократизацию и гуманизацию всей нашей общественной жизни нашла отражение и в пересмотре уголовного законодательства. Новый проект Уголовного кодекса РФ предусматривает сужение сферы применения смертной казни, ограничение сроков лишения свободы и случаев ее назначения, особенно несовершеннолетним; предстоит и пересмотр исправительно-трудового законодательства в том же направлении. Все это не снижает, а повышает эффективность мер юридической ответственности.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Всякий ли поступок человека поддается юридической регламентации? Какое поведение можно назвать правовым? Является ли правовым, и если да, то в каком смысле противоправное и преступное поведение?

¹ Подробнее см.: Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. Гл. 1 и 2. См. также: Черняк Е.Б. Судьи и заговорщики. Из истории политических процессов. М., 1984. С.279-285.

2. Каковы наиболее распространенные мотивы правомерного поведения? Чем руководствуетесь лично Вы, соблюдая закон?

3. Каковы, по Вашему мнению, основные причины правонарушений и преступности вообще и в современных условиях? Могут ли они быть ликвидированы? Какой ценой?

4. Есть ли основания для утверждения, что неисправимых преступников не существует? Существуют ли биологические факторы преступности? Если преступление вызвано этими факторами, справедливо ли возлагать ответственность на такого человека?

5. В какой мере уровень правонарушений зависит от строгости наказания? Что действует эффективнее: убеждение или принуждение? Аргументируйте свое мнение.

□

Глава VI Социология юридической организации

§ 1. Особенности юридической организации

1. Под юридической организацией мы будем понимать государственное учреждение или общественную организацию, специально созданные для профессионального выполнения юридических функций, т. е. для установления юридических фактов и разрешения коллизий (конфликтов) на основе права. Таким образом, к юридическим организациям следует отнести суд, прокуратуру, милицию, следственный аппарат, государственный арбитраж, адвокатуру, нотариат, административные учреждения и др. Не будут юридическими организациями в указанном смысле слова органы государственного управления (в том числе и Министерство юстиции), а также исправительно-трудовые и воспитательные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, которые хотя и имеют дело с контингентом лиц, вовлеченных в юридическую систему, но сами не принимают правовых решений. Не будут ими и товарищеские суды, поскольку их деятельность непрофессиональна.

Юридическая организация, как и всякая другая, имеет некоторые общие черты. Понятно, что коллектив, признанный субъектом правового поведения, имеет своим главным назначением ту или иную специфическую деятельность: экономическую, общественно-политическую, социально-культурную и т. п. Это тот род деятельности, ради которой, собственно, и образовался данный коллектив. Так же как и поведение гражданина, правомерная деятельность коллектива реализуется прежде всего путем непосредственного фактического осуществления тех действий и операций, которые предусмотрены технологическим процессом или вытекают из его управленческих функций. Выполнение производственных планов, осуществление других, в том числе организационных или культурно-воспитательных, мероприятий, входящих в компетенцию данной организации, — вот основная форма профессиональной деятельности коллектива. Обычно профессиональная деятельность коллектива имеет институционализированный характер, т. е. облечена в соответствующие рамки, предусмотрена правовыми актами.

Однако деятельность коллектива, в том числе и регламентированная правом, не ограничивается его профессиональным предназначением: ведь коллектив — это определенным образом организованная общность людей. Следовательно, нужно и организовать эту общность, и поддерживать ее стабильность, и направлять ее развитие, и решать вопросы как внутренних взаимоотношений между членами коллектива, так и внешних отношений данного коллектива с другими социальными общностями. Коллективы также активно участвуют в общественной и государственной жизни, решая ответственные задачи. Все это означает, что правомерная деятельность коллектива, как правило, далеко выходит за рамки его сугубо профессиональных функций и интересов.

Из сказанного видно, что правовая деятельность коллектива протекает как внутри коллектива, так и вне его. Внутренняя правомерная деятельность коллектива включает исполнение профессиональных функций его структурными подразделениями, оптимальную организацию взаимоотношений между членами коллектива. Правовая деятельность коллектива вовне также может быть как профессиональной (например, издание актов для нижестоящих организаций), так и общественной (например, участие в избирательной кампании). Естественно, что соотношение между ними у разных коллективов и в разных условиях будет различным.

Одной из наиболее важных форм правомерной деятельности коллектива является принятие и осуществление различных решений. При этом характерно, что если для поведения гражданина решение — один из важных (иногда обязательных) элементов, но оно не служит конечной стадией поведения (необходимо еще внешне выраженное действие — поступок), то для коллектива принятие решения часто является основной или даже завершающей стадией его деятельности. Таково, например, издание нормативного акта (скажем, принятие местным муниципалитетом обязательного постановления), исполнение которого может относиться уже к компетенции иных государственных органов, общественных организаций или граждан.

Характерными чертами юридической организации, отличающими ее от других учреждений и организаций, являются специфические функции и вытекающие из них особенности внутренних и внешних взаимосвязей, а также условия и порядок деятельности соответствующих должностных лиц. Как уже отмечалось выше, юридическая организация устанавливает факты и разрешает коллизии разного рода. А это и налагает отпечаток на особенности ее работы.

Внутренние и внешние черты, характерные для юридической организации, отчетливо видны, например, на системе органов, образующих в совокупности гражданскую, уголовную и административную юстицию нашей страны.

Система государственной юстиции в нашей стране обеспечивает детально разработанную процедуру установления факта правонарушения и привлечения к ответственности виновного. Общественные формы контроля (например, обсуждение поступка в коллективе) хороши своей непосредственностью, своевременностью (неотвратимостью) воздействия. Но они далеко не всегда гарантируют полное установление истины. При рассмотрении ими соответствующих материалов речь идет о незначительных проступках и легких взысканиях. Но ситуация становится несравненно серьезнее, когда совершается гражданское, трудовое, административное правонарушение или тем более преступление. Ошибка здесь чревата наступлением неблагоприятных последствий для лица или коллектива, которые их не заслужили. Вот почему должна существовать строго регламентированная система выявления правонарушителя, установления правонарушений и определения их юридической природы, что и обеспечивается государственной системой правоохранительных органов.

В борьбе с правонарушениями система социального контроля в целом и правоохранительные органы в особенности преследуют три основные цели: по возможности восстановить общественные (правовые) отношения, нарушенные противоправным поведением; наказать правонарушителя, предупреждая тем самым с его стороны возможные новые неправомерные действия, оказать общепредупредительное воздействие на других членов общества. Следует заметить, что не во всех случаях достижимы все эти цели (например, невозможно восстановить жизнь потерпевшего в случае убийства).

Так или иначе, первым условием для достижения указанных целей является установление истины — доказательство факта правонарушения и обнаружение (идентификация) его субъекта. Для того чтобы, например, вынести обвинительный приговор по уголовному делу, необходимо ответить на следующие вопросы: а) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; б) содержит ли это деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено; в) совершил ли это деяние подсудимый; г) виновен ли он в совершении этого преступления; д) подлежит ли он наказанию за совершенное им преступление и т. д. (ст. 303 УПК РСФСР). Следовательно, необходимо найти

преступника и выявить все объективные и субъективные признаки совершенного им преступления, а также другие обстоятельства, в совокупности определяющие основания и форму решения, которое должно быть вынесено по делу.

В момент совершения правонарушения возникают материальные правовые отношения между правонарушителем и государством; однако если правонарушение не раскрыто, то и об этих отношениях ничего не известно, они остаются латентными (скрытыми). С другой стороны, по факту правонарушения могут возникнуть процессуальные отношения (расследование), направленные на установление истины и наказание виновного, хотя последний и не известен. Юридическая цель процесса заключается в том, чтобы материальные и процессуальные отношения совпали между собой (виновный установлен и наказан). Известная поговорка «не пойман — не вор», которая некоторым представляется одиозной и используется иронически для критики «юридического формализма», на самом деле имеет глубокий смысл, который состоит в следующем: не доказано правонарушение — нельзя утверждать о его существовании. Гносеологическая строгость — основа законности в системе социального контроля.

Вполне понятно, что возможны расхождения между реально происходившими событиями (действительным поведением) и нашими знаниями о них, и эти расхождения наблюдаются не так уж редко. При этом имеют место три основные разновидности соотношения между материальными и процессуальными отношениями. Главная (позитивная) разновидность — представление о случившемся по мере расследования дела постепенно сближается и наконец совпадает с реально имевшими место фактами. В результате привлекается к ответственности именно тот субъект, который и совершил правонарушение. По уголовным делам такой исход рассматривается как цель правосудия, которая, как говорится в законе, состоит в том, «чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Однако возможны еще два случая: а) правонарушитель остается неустановленным и безнаказанным; б) наказанию подвергается невиновное лицо. К сожалению, эти случаи могут и сочетаться между собой.

Как достичь наилучшего решения рассматриваемой проблемы — достижения материальной истины и правильного применения юридической ответственности? На это направлен ряд мер, реализуемых через организационную структуру и процессуальную деятельность правоохранительных органов,

в том числе разделение их функций и установление разного ряда гарантий законности принимаемых решений.

Разделение функций. Для того чтобы обеспечить достижение истины по каждому делу, необходимо учитывать гносеологические особенности ее познания в конфликтной ситуации, какой обычно является расследование правонарушения, выявление и наказание виновных. Эта конфликтная ситуация ведет к затруднению процесса расследования, к попыткам лиц и организаций, не заинтересованных в установлении правонарушения, воспрепятствовать этому. С другой стороны, возникает опасность необъективных суждений и действий лиц, убежденных в виновности подозреваемого. Эта противоречивая ситуация может быть стабилизирована только двумя путями: строгой формализацией всего процесса выявления правонарушения и обеспечением беспристрастности должностных лиц, ведущих расследование дела и принимающих по нему решение.

Рис. 3.

Стадии деятельности и функции государственных органов по привлечению к разным видам ответственности (Функции, осуществляемые одним и тем же органом, связаны сплошными линиями.)

№№ п/п	Стадии и функции	Виды ответственности					
		Дисциплинарная	Административная	Гражданская	Трудовая	Уголовная	Международная
1.	Регистрация сообщения	■	■	■	■	■	■
2.	Возбуждение производства	■	■	■	■	■	■
3.	Задержание подозреваемого	■	■			■	
4.	Собирание доказательств	■	■	■	■	■	■
5.	Установление факта	■	■	■	■	■	■
6.	Юридическая оценка	■	■	■	■	■	■
7.	Примирительная процедура	■	■	■	■	■	■
8.	Применение санкций	■	■	■	■	■	■
9.	Исправление правонарушителя	■				■	
10.	Последующий контроль	■			■	■	
11.	Надзор за законностью			■	■	■	

Одним из средств обеспечения этой беспристрастности и усиления контроля за полнотой выявления всех обстоятельств дела является разделение функций органов и должностных лиц, участвующих в процессе выявления правонарушения. Например, уголовное дело может быть возбуждено одним органом (прокуратурой), расследовано другим (милицией), рассмотрено третьим (судом), наказание же реализовано четвертым (исправительно-трудовым учреждением), а надзор осуществлен пятым (прокуратурой).

Но такое четкое разделение функций осуществляется отнюдь не в отношении всех правонарушений. На рисунке изображены последовательные стадии выявления правонарушения и разрешения дисциплинарного, административного, гражданского, трудового, уголовного дела, а также разбирательство международного правонарушения в системе государственной или международной юстиции. Из рис. 3 видно, что чем сложнее дело и чем серьезнее возможное взыскание, тем более детальной становится процедура. Так, если для наложения дисциплинарного взыскания помимо регистрации (принятия) сообщения о проступке достаточно просто убедиться в имевшем место факте и дать ему оценку (это делает одно и то же лицо), то совершение гражданского правонарушения уже предполагает восемь позиций, а уголовного преступления — все одиннадцать, включая прокурорский надзор за законностью процессуальной деятельности на всех ее стадиях. При этом в большинстве случаев в уголовно-процессуальной деятельности принимают участие разные органы и должностные лица, а иногда они даже дублируют одни и те же функции (например, проверку доказательств).

Нельзя сказать, что в современных условиях использованы все возможности разделения функций при выявлении правонарушений (даже по уголовным делам). Так, требует изучения вопрос о выделении функции регистрации заявлений о совершенном преступлении в самостоятельную форму деятельности какого-либо органа, не ответственного ни за возбуждение дела, ни за его расследование. Это, на наш взгляд, способствовало бы более объективной и полной регистрации совершенных преступлений, что весьма важно для борьбы с латентной преступностью и для укрепления социалистической законности.

2. Характерными особенностями обладают и должностные лица, действующие в юридических учреждениях.

Должностное лицо — это, как правило, член коллектива, который осуществляет от имени государства в целом, государственного органа или общественной организации правомерные

действия, связанные с управлением людьми или с движением материальных ценностей¹. Уже отсюда видно, что значение поступков должностного лица выходит за рамки его личных интересов; последствия таких поступков могут касаться многих лиц и организаций и существенно сказываться на различных сферах жизни. Своеобразие правомерного поведения должностных лиц требует того, чтобы оно было рассмотрено самостоятельно.

Особенности поведения должностного лица. Характерные черты поведения должностного лица определяются тем, что оно действует не от своего имени, а от имени государственной или общественной организации. Поэтому и сами решения, и действия должностных лиц, коль скоро они принимаются и осуществляются в соответствии с его компетенцией, имеют силу актов деятельности данного коллектива (государственного органа, учреждения, предприятия, общественной организации) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Правомерный поступок должностного лица сочетает в себе черты ряда рассмотренных выше видов правомерной деятельности как индивидов, так и коллективных субъектов. С одной стороны, должностное лицо — это конкретный человек, его поведение не может не содержать в себе ряда черт индивидуального поступка гражданина. Сходство поведения должностного лица с поведением гражданина, осуществляющего правомерные действия, состоит в том, что: а) оно совершается конкретным дееспособным субъектом; б) его объективная сторона формализована, определена правовыми нормами; в) субъективная сторона поведения должностного лица, действующего в пределах компетенции, предполагает сознательные, волевые действия. Обычно оно относится к поведению «инструментального» типа.

Однако есть и существенные отличия от поведения индивида. Во-первых, персонификация субъекта должностного поступка связана не с личностью данного человека, а с его должностью (т. е. носит обобщенный характер). Во-вторых, должностное лицо преследует не личные, а функциональные — государственные и общественные — цели. В-третьих, принимая решение и осуществляя его, должностное лицо выражает не столько свою собственную волю, сколько волю своего коллектива, а часто и более широкой социальной общности — класса, всего народа. Наконец, в-четвертых, за поведение

¹ Несколько иначе определяется понятие «должностное лицо» в примечании к ст. 170 УК РФ.

должностного лица ответственны не только оно лично, но в соответствующих случаях и представляемое им учреждение, предприятие, организация.

Правовая наука давно пришла к достаточно установленному выводу, что материальным субстратом государственного органа «являются те живые люди, которые вырабатывают волю общественного образования и через которых осуществляется деятельность этого общественного образования как единого целого»¹. Должностные лица, в том числе и руководители учреждения или предприятия, принимая решение, которое соответствует их мнению по делу, в конечном счете аккумулируют и выражают в этом акте совокупность мнений, одобренных предложений, разработанных вариантов, предварительных проектов, которые создавались в данном коллективе в соответствии с его целями, задачами, плановыми предписаниями и нормами. Так, министр, подписывая приказ по отрасли народного хозяйства, учитывает и мнения директоров заводов, соображения своих заместителей и помощников, и предварительные прогнозы, и ранее принятые решения. Он несет персональную ответственность за принятое решение, которое будет тем более правильным, чем более глубокой была предварительная его подготовка. Он выражает в этом решении коллективную волю министерства, а поскольку решение основано на законе и решениях вышестоящих государственных органов, то и волю государства.

Соотношение воли данного должностного лица с волей представляемого им коллектива не одинаково для разных коллективов и применительно к разным вопросам компетенции. Возьмем, к примеру, деятельность народного судьи. Н.В. Радутная, анализируя его функции, пришла к заключению, что народный судья обычно осуществляет следующие виды деятельности: проективную — планирование судебного разбирательства; познавательную — рассмотрение судебного дела; идеологическую — осуществление воспитательной роли суда; коммуникативную — общение в судейской коллегии, в коллективе народного суда, с гражданами т. п.; организационную². Не трудно заметить, что принимаемые судьей решения и осуществляемые им действия отражают его единоличную волю, возможно, только при проведении организационной работы. Во всех же остальных видах деятельности судья либо

¹ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 113.

² См.: Радутная Н.В. Народный судья: профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977. С. 45.

аккумулирует коллективный опыт своего народного суда (пп. 1, 3, 4), либо согласовывает, увязывает свои позиции с позициями народных заседателей, участвуя в выработке коллективного решения (п. 2). К тому же при осуществлении деятельности народного судьи решающее значение имеет государственная воля, закрепленная в материальном и процессуальном законе (пп. 1-3).

Поведение должностного лица, принимающего решение, характеризуется определенными психологическими особенностями, которые достаточно глубоко изучены применительно к судебной деятельности¹. Это поведение детерминировано, «с одной стороны, объективными социальными, культурными, юридическими и социально-психологическими условиями деятельности, а с другой — индивидуальными качествами лица, принимающего решение. При этом имеют значение его образование, опыт работы, правосознание, правовая культура, индивидуально-психологические особенности»². Исследования указывают на тесную связь этих признаков с качеством работы по принятию юридически значимых решений. Так, на качество приговоров и решений, выносимых судьями, существенно влияет наряду с другими факторами стаж их работы в судейской должности. Выявлены и пределы, за которыми такая зависимость не проявляется³.

Правомерное поведение должностного лица не изолировано не только от влияния коллектива, в котором оно работает, но и от воздействия тех должностных лиц и граждан, которым будет адресовано принимаемое решение. Во-первых, сама инициатива по принятию решения, изданию акта часто исходит от лиц, не входящих в состав данного учреждения. Во-вторых, деятельность должностного лица нередко осуществляется под контролем общественности. Во многих случаях принятию решения предшествует определенное правовое поведение гражданина или организации. Укажем в качестве примера на различные формы обращения граждан к органам власти и управления для реализации своих прав и законных интересов: заявление о приеме на работу, о назначении пенсии; жалоба; исковое заявление в суд и др. Все эти обращения служат поводом для выяснения соответствующих

¹ См., напр., Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия// Право и социология. М., 1973. С. 253 и сл.

² См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976.

³ См.: Петрухин И.Л., Батунов Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 380.

обстоятельств дела и принятия необходимых решений. Одна из важных задач должностных лиц государственного аппарата заключается в том, чтобы быстрее и эффективнее реагировать на жалобы, заявления, предложения граждан, максимально удовлетворять их законные интересы.

Поведение гражданина, далее, может сопровождать ту или иную деятельность должностных лиц. Сопровождать — значит совершаться параллельно, одновременно с действиями должностного лица. Такие действия гражданина могут заключаться, например, в подыскании и представлении документов, необходимых для решения интересующего его вопроса, в указании на свидетелей, которые могут дать необходимые сведения для расследования дела и т. д. Все эти формы взаимосвязи должностного лица с другими органами, учреждениями, с гражданами придают существенные особенности его поведению, и прежде всего обязывают должностное лицо к принятию законных, обоснованных и справедливых решений.

В ряде работ проанализированы профессиональные и личные качества, полезные и необходимые для работы в государственном аппарате¹. Отмечались особенности интеллектуальных качеств (развитое логическое мышление, хорошая память и др.), характерологических (инициативность, настойчивость, добросовестность и др.), коммуникативных (общительность, чуткость, уравновешенность), а также особенности самооценки (самокритичность, чувство достоинства и др.).

Вполне понятно, что если противоправный или безнравственный поступок гражданина вызывает негативный общественный резонанс, то дело обстоит гораздо хуже, если такой поступок совершается должностным лицом, да еще в отношении прав и интересов граждан. Законность и высокая нравственность поступков должностных лиц должна быть непоколебимым принципом работы всех государственных учреждений и общественных организаций.

Борьба за улучшение стиля работы государственных органов, повышение уровня деятельности должностных лиц предполагают создание ряда условий, способствующих оптимизации этой деятельности. К их числу относятся надлежащая правовая регламентация их деятельности и строгий контроль за соблюдением с их стороны всех требований закона.

¹ См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 255-256.

Если применительно к юридическим действиям граждан мы указывали на нецелесообразность во всех случаях стремления к максимальной регламентации поведения, то с деятельностью должностных лиц дело должно обстоять иначе. Нет никаких оснований для упрощения правовой регламентации тех их действий, которые связаны с соблюдением интересов граждан, защитой их прав и свобод. Должностные лица реализуют не свои интересы, а интересы народа, и потому их деятельность должна быть с большей полнотой регламентирована в законах и подзаконных актах.

Принцип законности, строгая регламентация правомерного поведения должностных лиц не исключают наличие усмотрения, в котором выражается конкретная целесообразность того или иного решения, принимаемого на основе закона и в рамках компетенции должностного лица. Возможность действовать по усмотрению необходима потому, что в сфере управленческой деятельности складывается большое число различных ситуаций, предусмотреть которые в законе заранее невозможно, да и не нужно. Правовая регламентация поступков должностного лица не должна сковывать его инициативу и вместе с тем она не должна допустить возможность произвола, противопоставления законности и целесообразности.

3. Отмечая характерные черты юридической организации, нельзя обойти молчанием некоторые ее «слабости» — недостатки, которые, можно сказать, являются продолжением ее достоинств. Так как основой деятельности юридической организации всегда служит норма, то сама эта деятельность, по крайней мере в идеале, является нормативно строго упорядоченной.

Отсюда положительная черта функционирования юридической организации: четкий порядок; наличие точно установленных процедур. Но отсюда же и негативные явления: формализм, волокита, а также кастовость, замкнутость системы. Известны упреки юристов по профессии в консерватизме; они, на наш взгляд, имеют достаточное основание. Можно прибавить и упрек в профессиональной деформации психологии и поведения сотрудников юридических учреждений. Долгая работа в них у многих порождает равнодушие к человеческим драмам и трагедиям; отсюда один шаг до черствости, бездушия и жестокости.

Трудные периоды нашей истории самым отрицательным образом сказались на стиле, методах деятельности юридических

учреждений и их взаимоотношениях с обществом и отдельной личностью. Не рассматривая здесь специально факты прямого произвола и беззакония, не имеющие никакого исторического оправдания, укажем лишь на то, что в период культа личности Сталина учреждения юстиции стали, по существу, частью единого аппарата административно-командной системы, т. е. утратили ту элементарную независимость, которая необходима любому органу для объективного разрешения дела. В системе уголовной юстиции происходил сдвиг центра принятия процессуальных решений от суда — к органам предварительного расследования и даже дальше — к партийным и административным руководителям, нередко одновременно решавшим вопросы о возбуждении дела, аресте и мере наказания «виновных».

После ликвидации этих крайних извращений юридической практики сращивание юридической системы с исполнительным аппаратом несколько уменьшилось, но не исчезло, а приняло иные формы. Неуважение к закону, особенно возросшее в период, именуемый «застойным», привело, что касается деятельности юридических учреждений, по крайней мере к двум последствиям. Во-первых, усилилась зависимость юридических органов от партийного руководства, в том числе на почве коррумпированности тех и других. Во-вторых, развились «показуха», приписки в отчетности, сокрытие незарегистрированных преступлений, а отсюда и общее ослабление функций юридических органов, будь то борьба с преступностью или охрана законных интересов граждан, учреждений, общественных организаций. Все это вызвало дальнейшее снижение престижа юридических органов перед населением.

4. В настоящее время прилагаются серьезные усилия к тому, чтобы поднять уровень юридической деятельности, изжить серьезные недостатки в нашей юридической системе. Времени прошло еще немного, а кадры юристов меняются медленно. И сейчас приходится констатировать волокиту и медлительность в производстве гражданских и уголовных дел, низкий уровень следствия и судопроизводства, сохранение ряд стереотипов мышления и поведения, характерных для административно-командной системы.

Замкнутость юридической системы, явно не достаточная гласность и информация о ее деятельности не способствовали и проведению социологических исследований в этой области. Лишь некоторые аспекты деятельности юридических

учреждений были изучены более или менее основательно. В качестве иллюстрации мы приведем социологические исследования, касающиеся ряда аспектов работы судебных учреждений.

§ 2. Социология судебной деятельности

1. Проблеме судебной деятельности, начиная с середины 60-х гг., было посвящено много исследований: изучались причины судебных ошибок, эффективность правосудия, условия работы судов, качество судебного разбирательства и системы его оценки, обжалования судебных решений и др.¹ Такое внимание к вопросам правосудия не случайно; в 60-е годы был предпринят ряд мер по устранению ранее допускавшихся нарушений законности, были приняты новые Основы гражданского и уголовного судопроизводства, республиканские кодексы. Уменьшилась и степень закрытости, секретности в системе судопроизводства. Аналогичные процессы медленнее происходили в органах прокуратуры и МВД и исследования там не были достаточно углубленными.

Суд — специфический государственный орган. Юристы и социологи, характеризуя органы государственного управления, указывают, что с социологической точки зрения «орган управления есть совокупность служащих людей, объединенных формально установленными целями в рамках определенного типа административной... организации»². Суд — не орган управления, хотя перечисленные черты к нему относятся в полной мере. Более того, они даже выражены в его структуре и деятельности более ярко. Работники суда, и прежде всего профессиональные судьи, действуют в строгих рамках закона. Говоря языком кибернетики, алгоритмы их деятельности либо формализованы, хотя, разумеется, есть и немалая доля судейского «усмотрения» (внутреннего убеждения).

Одним из социологических критериев эффективности деятельности государственного органа признают реализацию социальных ожиданий, относящихся к сфере его деятельности. Самые общие ожидания (требования), адресуемые

¹ См.: Морщакова Т.Н., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам. М., 1987. С. 177.

² Оболонский А.В. Человек и государственное управление. М., 1987. С. 131.

государственным органам и их должностным лицам, — это компетентность, эффективность, законность, справедливость. К суду это относится в полной мере.

Конкретизируя критерии эффективности уголовного правосудия, авторы ряда содержательных социально-правовых исследований в этой области называют три основных показателя: 1) правильное разрешение судебных дел; 2) охрана прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве; 3) воспитательное воздействие правосудия на граждан¹. Ими была выведена и общая формула определения эффективности всей системы правосудия по уголовным делам (без разбивки на стадии судопроизводства) по первому критерию. Формула такова:

$$K(1) = \frac{П}{P + Y + L + L(y)}, \text{ где}$$

$K(1)$ — коэффициент эффективности правосудия по критерию 1;
 $П$ общ. — общее количество приговоров за изучаемый период времени;

P — число приговоров, содержащих выявленные и зафиксированные в статистике процессуальные ошибки;

Y — то же, с ошибками уголовно-правовыми;

L — латентные (скрытые, не выявленные процессуальные) ошибки;

$L(y)$ — латентные ошибки уголовно-правового характера.

Подсчитанные по этому критерию данные, относящиеся к 70-м гг., показали, что, формально говоря, неправильных судебных решений (приговоров, определений) не так много: в двух изученных авторами регионами страны было отменено в кассационном и надзорном порядке не более 2% приговоров; если учесть и латентные ошибки, то эта цифра возрастает до 2,5%. Кроме того, изменено 6% приговоров (с латентными-8%).

Но при оценке этих показателей нельзя сбрасывать со счетов такое обстоятельство, как недостаточно высокую требовательность судов к качеству материалов предварительного следствия, что в 70-е гг. выражалось в крайне редком вынесении оправдательных приговоров, хотя для них были достаточные основания. Те же авторы приводят следующую весьма показательную таблицу (мы ее воспроизводим с сокращением)²:

¹ См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 255.

² См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 275.

Таблица 6

Способы выявления следственных ошибок народными судами (% от общего числа дел)	1971 г.	1975 г.
Направление на доследование	2,1	3,2
Прекращение дела	3,0	3,7
Оправдание	0,8	0,5
Частные (особые) определения	1,7	2,0
Итого:	7,6	9,4

Не трудно видеть, что за четыре года процент ошибок возрос, а доля оправдательных приговоров уменьшилась. Эта тенденция продолжалась в течение следующего десятилетия.

Авторы делают такое заключение относительно среднего уровня практики по изученным делам, рассмотренным по первой инстанции областными судами РСФСР: если максимальный балл качества судебных решений принять равным 13, то изученные дела соответствуют показателю 9,9 балла. Наибольшее число некачественных решений связано с процессуальными нарушениями и назначением меры наказания.

2. Каковы причины низкого качества судебной работы? Что за обстоятельства препятствуют ее коренному улучшению? Понятно, что здесь, как и везде, действуют внутренние и внешние факторы, т. е. причины, коренящиеся внутри юридической (в данном случае — судебной) системы, и находящиеся вне ее.

И.Л. Петрухин и его соавторы выделяют три условия изучения причин, влияющих на степень эффективности правосудия. Первый уровень — состояние (качество) законодательства и правоприменительной деятельности, второй — личность судей, третий — социально-экономические, организационные, идеологические и др. условия их деятельности. Можно иными словами выразить эту концепцию: эффективность правосудия зависит от судьейских кадров и условий, в которых они действуют.

Коснемся тех тенденций в деятельности органов правосудия, которые наблюдались в рассматриваемое время.

Эти тенденции, тесно связанные с общими процессами, происходившими в государственном аппарате в застойный период, можно свести к двум основным: бюрократизация и сращивание с местными властями.

Бюрократизация в судебной системе имеет свои особенности. Она выражается в формализме при принятии решений, стремлении снять с себя ответственность за итоги рассмотрения дел (отсюда большой процент дел, направляемых

на дополнительное расследование), волокита и медленность в производстве дел, стремление обеспечить в первую очередь не интересы граждан, а «хорошие показатели» в работе.

По данным опроса судей и адвокатов, проведенного Т.Г. Морщаковой и И.Л. Петрухиным (опрошено 527 чел.), 57% указали, что кассационные инстанции нередко не отменяют и не изменяют ошибочные приговоры, чтобы не испортить показатели качества работы судов. Такое мнение выразили также 45% (из 267) опрошенных судей вышестоящих инстанций. Четверть из них указали и на то, что встречаются необоснованные отказы в принятии протестов.

Как показали материалы выборочных исследований, с момента провозглашения приговора до вручения его копии осужденному проходит в среднем 6,4 дня, хотя закон установил трехдневный срок; 14,6 суток вместо трех дней оформляется протокол судебного заседания и т. д. Все это наносит правам граждан несомненный ущерб.

Стремление некоторых судей уйти от ответственности, переложить ее на органы предварительного расследования парадоксально сочетается с примиренчеством, не критичностью по отношению к качеству работы этих органов и представленным ими в суд материалами. Исследование показало, что в 55% случаев причиной отмены второй инстанцией обвинительных приговоров является неполнота предварительного расследования. При этом выяснилось, что по крайней мере в половине этих дел суды первой инстанции не должны были выносить обвинительного приговора, а обязаны были направить дело на дополнительное расследование или оправдать обвиняемых. В то же время, по данным опроса, около 700 народных судей, 499 из них дали довольно низкую оценку качеству предварительного расследования. Иначе как беспринципной такую судебную практику не назовешь.

Сращивание с местными властями — прямое следствие (или причина?) утраты многими судьями их независимости, провозглашенной Конституцией. Но это уже тема следующего параграфа.

§ 3. Юридические кадры

1. Оценить состояние юридических кадров в стране можно по трем основным показателям: количество; качество; социальный и правовой статус. По всем этим показателям

состояние дел специалистами юридических профессий на сегодняшний день оценивается неудовлетворительным.

Начать с того, что в юридических кадрах испытывается хронически неудовлетворяемая потребность. Особенно это заметно в отношении юрисконсультов и адвокатов. В стране сейчас столько же адвокатов, сколько было в 1913 г.

Недостаточно в стране и судей. На выборах в 1987 г. было избрано около 15 тыс. судей. Но столько же судей было в Федеративной Республике Германии, имевшей население 50 млн. человек. Аналогичное соотношение и в других европейских странах. У нас, таким образом, судей на сопоставимое количество населения в 5-6 раз меньше.

К чему это приводит, видно из следующих данных опроса: из 142 опрошенных судей служебную нагрузку в своих судах считали нормальной-42, существенно превышающей норму-49, несколько выше нормы-28¹. Что же касается рядовых судей, то в среднем 64% из них указывали на недостаток времени для повышения профессиональных знаний, а в Краснодарском крае, Иркутской области — свыше 80% опрошенных².

Хотя еще в 1975 г. Министерством юстиции СССР было признано, что нагрузка народного судьи не должна превышать 6 уголовных дел за месяц работы, в действительности эта нагрузка составила от 3 до 25 дел; процент превышения объема работы составлял от 10 до 130 %³.

Через восемь лет был проведен новый анкетный опрос, показавший, что картина к лучшему почти не изменилась. Судебное разбирательство, по данным 1985 г., занимало в среднем по 7 часов на одно уголовное дело. Но и при таком довольно быстром рассмотрении дел судьи не успевают справиться с нагрузкой, работая в среднем не менее 10,4 часов в день⁴.

Весьма важное значение имеет социальный (и правовой) статус судьи, как, впрочем, и другого работника юридического учреждения. Этот статус складывается из нескольких элементов: социальная роль; престиж; общественное положение; материальная обеспеченность; отношения с другими государственными органами и общественными организациями. Статус судьи в особенности определяется тем, насколько он независим в своей деятельности по осуществлению правосудия.

К сожалению, реальная независимость судей еще не обеспечена должным образом. Продолжается вмешательство

¹ См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 219.

² См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 384.

³ См.: Петрухин И.Л. и др. Цит. соч. С. 354-357.

⁴ См.: Морщакова Т.Г. и др. Цит. соч. С. 185.

прессы и государственных органов в судебную работу; не всегда положительную роль играют и средства массовой информации.

2. Проблема независимости судей, подчинения их только закону связана не только с внешними, но и с внутренними, личностными факторами. Главный из них — устойчивость судей по отношению к незаконным влияниям, принципиальность, позитивная система ценностных ориентаций.

Исследуя ценностные ориентации государственного служащего, А.В. Оболонский выделил среди них следующие: ориентация на саму работу, на вознаграждение, на служебную перспективу¹. Применительно к судьям сходный вопрос исследовала Н.В. Радутная. Она установила, что в качестве основного побудительного мотива к избранию своей профессии 32% опрошенных судей указали на важность, особую значимость и авторитетность этой профессии, 20% — на стремление к самостоятельности. Около половины судей считали независимость и самостоятельность одним из важных условий общественного авторитета судьи, а около трети опрошенных отдают этим условиям предпочтение перед всеми иными².

Позитивные свойства личности судьи необходимо укреплять не только нравственно-воспитательными, но и организационно-правовыми средствами. Установление бессрочных полномочий судей, улучшение их материального положения, укрепление правового статуса, несомненно, помогут повысить роль суда, укрепить его авторитет, полностью изжить нарушения законов, прав и интересов граждан.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Какую организацию можно считать юридической? Является ли юридической организацией Управление юстиции области? Частная адвокатская контора? Отделение милиции?

2. Для чего служит разделение функций между юридическими органами, например между прокуратурой и судом? Какие изменения в этом отношении Вы считали бы целесообразными? Как Вы относитесь к идее выделения следственного аппарата в самостоятельный орган? А к объединению прокуратуры с Министерством юстиции? Обоснуйте свое мнение.

¹ См.: Оболонский А.В. Цит. соч. С. 202.

² См.: Радутная Н.В. Цит. соч. С. 30, 61-62.

3. Каковы характерные черты поведения должностного лица юридического учреждения? Что такое профессиональная деформация? Неизбежна ли она?

4. Поясните на примерах, в чем конкретно выражаются проективная, познавательная, коммуникативная и другие функции судьи.

5. Как подсчитать эффективность правосудия по уголовным и гражданским делам? От чего зависят судебные ошибки?

□

Глава VII

Правовая конфликтология

§ 1. Понятие юридического конфликта

1. Среди различных направлений правовой социологии в последние годы выделяется еще одно: правовая (юридическая) конфликтология, которая изучает правовые отношения, нормы и институты под углом зрения использования их для предотвращения, предупреждения и разрешения конфликтов.

Эта проблематика для российской науки является новой по двум причинам. Во-первых, у нас была недостаточно развита общая конфликтология как комплексная социально-психологическая дисциплина¹. А во-вторых, догматическое изучение права не способствовало более широкому его пониманию, в том числе и как инструмента обращения с социальными и психологическими конфликтами.

Бесконфликтная модель развития общества, господствовавшая до конца 80-х гг., сделала наше государственное руководство на различных уровнях беспомощным перед наступившим экономическим и политическим кризисом. Не в последнюю очередь сказались и неразработанность самой теории конфликта, и отсутствие соответствующего опыта. Для практиков по-прежнему неясным остается соотношение величин в дихотомии «конфликт — согласие», хотя исторический опыт доказывает, что общество устанавливает упорядоченность жизни населения только через согласие, через достижение взаимного понимания и признания.

Общее понятие конфликта в научной литературе, впрочем, как и в публицистике, неоднозначно. Существует множество определений термина «конфликт». Традиционным подходом к такого рода определениям служит изучение противоречий.

Общеизвестно, что развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, разветвления и разрешения диалектических противоречий. Учитывать это особенно важно при анализе постсоциалистического общества, поскольку господствовавшая теория, по которой один из идеалов социализма —

¹ См.: Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В.. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.

отсутствие классовых конфликтов, сменилась полной беспомощностью. Известно, что уже в конце 30-х гг. у ряда авторов появилась идея «бесконфликтности» развития социалистического общества, отсутствия в нем антагонистических противоречий. Наиболее полно эта идея была представлена в тезисе о полном соответствии при социализме производственных отношений характеру производительных сил.

Позднее было, правда, признано, что это соответствие проявляется лишь тогда, когда противоречия объединяются преобладающим единством двух противоположных друг другу сторон. Большинство философов, занятых поисками основного противоречия социализма, считали таковым противоречие между производительными силами и производственными отношениями, иногда — между производством и потреблением, старым и новым и т. п. и т. п.

Так или иначе, проблема противоречий в известной степени в нашей литературе разрабатывалась. Однако этого нельзя сказать о теории конфликтов; ей, по существу, не уделялось никакого внимания. Между тем противоречия и конфликт не могут рассматриваться как синонимы. Противоречия, противоположности, различия — это необходимые, но достаточные условия конфликта. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт только тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями.

Под социальным конфликтом понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию или угрожать части или всем оппозиционным индивидам или группам, или их собственности, или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя также активность индивида или групп, неумышленно блокирующих функционирование или наносящих ущерб другим людям (группам).

2. Юридический конфликт — разновидность социального конфликта. Для последнего всегда необходимы по меньшей мере две стороны, которые соприкасаясь, взаимодействуют. При этом взаимодействию действия сторон направлены на достижение взаимоисключающих целей и, следовательно, сталкиваются. Всем конфликтам свойственно сильное напряжение, которое побуждает людей изменить данную ситуацию, либо приспособиться к ней, либо оградиться от нее.

В отношении различных сфер общественной жизни исследователи теперь широко применяют так называемый «конфликтологический» подход¹. Такой подход, например, к политическому исследованию фокусирует внимание на

¹ См., напр.: Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992. С. 54.

политических процессах в терминах соревнования между людьми и группами за ценности, имеющие политическую значимость. В международной политике конфликтологический подход является основным. Возможен этот подход и в юриспруденции, когда преступление рассматривается как результат конфликта между людьми, прослеживается механизм его возникновения. Конфликт продолжается и в судебном процессе (обвиняемый и его защитник — с одной стороны, обвинитель — с другой).

Характеризуя конфликт как активное противостояние сторон, вызванное полярностью их интересов или разным отношением к ценностям и нормам общественной жизни, надо отметить, что особенности различных конфликтов могут быть весьма разнообразными. Юридическая конфликтология изучает и обобщает те из них, которые характеризуют конфликт с позиций или в аспекте права. Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право — один из них) и, следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта, и если могут, то как повысить эффективность этого действия.

Прежде всего следует определить, какие элементы конфликта и в каком смысле имеют правовую природу или по крайней мере связаны с правовыми институтами и категориями.

Если провести этот анализ в соответствии с логикой развития конфликта, то прежде всего следует остановиться на его мотивации.

В плане мотивации принято различать два вида конфликтов: так называемый «конфликт интересов» и «когнитивный конфликт».

В конфликте интересов сталкиваются цели, интересы, а подчас и мотивы поведения людей. Правовой элемент в таком конфликте может быть выражен с различной степенью интенсивности. С одной стороны, есть такие случаи, где правовой элемент выражен очень слабо, а преобладают другие побудительные мотивы. Например, в мотивации межличностного конфликта, возникшего на почве ревности, юридическую роль могут играть, пожалуй, лишь смутные опасения кого-либо из участников, что дело может закончиться криминальными последствиями и потому следует избегать чрезмерно бурного развития событий.

Совсем другое значение юридический элемент имеет, например, в споре о праве собственности на земельный участок, когда два учреждения — юридические лица, — ссылаясь на закон, отстаивают свои действительные или мнимые права. Возможен ряд переходных случаев, в которых правовой элемент выражен в конфликтных взаимоотношениях сторон с разной степенью интенсивности.

В «когнитивном конфликте», представляющем собой спор о знании или понимании проблемы, правовой аспект выражен слабо. Конечно, возможен теоретический спор о знании права, но для конфликтологии этот случай представляется все же экзотической редкостью.

3. Перечислим теперь другие составляющие конфликта, которые могут иметь (хотя и не всегда имеют) юридическое содержание или значение:

А) Участники конфликта. По определению, это физические или юридические лица (хотя и не всегда выступающие в последнем качестве). Стало быть, участники, в том числе субъекты конфликта, могут стать и субъектами правоотношений. Это налагает определенный отпечаток на их поведение в конфликте. Участник конфликта должен соизмерять свое поведение с существующими нормами права, помнить, что то или иное развитие событий небезразлично для «блюстителей порядка» — правоохранительных органов, а следовательно, и для самих участников происходящего. Субъект конфликта вполне может стать впоследствии участником гражданского, административного или уголовного процесса в качестве истца, ответчика, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля. Такая перспектива довольно часто маячит перед многими субъектами конфликтов.

Б) Конфликтная ситуация. Это, по существу, латентная стадия конфликта, его предпосылка и зарождение. Правовая характеристика конфликтной ситуации может быть весьма определенной, как, например, в межгосударственных спорах, основывающихся на нормах международного права, а может быть и незначительной или совсем отсутствовать, если речь идет, например, о политической дискуссии, не престаупающей рамки Конституции и законов. Конфликтная ситуация, связанная с правом, служит большей частью прелюдией к юридическому спору, и в этом смысле она благоприятна для разрешения конфликта правовым путем. Хуже, если стороны не учитывают или просто игнорируют правовой аспект своих взаимоотношений, пытаются разрешить конфликт силой, хитростью или другими неправовыми средствами.

В) Объект и предмет конфликта связан с правовыми категориями довольно часто. Поскольку объект конфликта затрагивает статус лица, его интересы или социальные ценности, то все эти элементы могут быть урегулированы правом, и в этом случае сам конфликт приобретает правовой аспект. Например, в трудовом споре, где речь идет об увольнении с работы, неизбежно фигурируют трудовые правоотношения и все основные разногласия субъектов решаются юридическим путем. Значительное правовое наполнение имеют конфликты международного характера, объекты которых обычно связаны с интересами, закрепляемыми нормами международного права или соответствующими соглашениями государств. Не останавливаясь здесь подробно на предмете конфликта, следует лишь отметить, что предмет как материальная вещь большей частью также имеет правовую характеристику (например, в качестве вещи, принадлежащей кому-либо на правах собственности).

Итак, если суммировать сказанное, то можно отметить, что многие элементы самых разных конфликтов имеют прямое отношение к правовым нормам и институтам. Какой же конфликт следовало назвать юридическим? Должны ли все элементы конфликта (мотивация, участники, объекты и др.) иметь юридическую характеристику для этого, чтобы и конфликт в целом был признан юридическим, или для того достаточно, чтобы правовыми признаками обладал хотя бы один его элемент?

Мы склоняемся к первому решению и полагаем, что юридическим конфликтом следует признать такой конфликт, в котором спор непосредственно связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, мотивация их поведения, а также объект конфликта обладают правовыми признаками. Таковы, например, все трудовые, многие семейные, производственные, бытовые конфликты, а также межгосударственные и международные, если они касаются заключенных сторонами соглашений и юридических норм.

Надо отметить, что очень многие конфликты имеют смешанный характер и содержат как правовые, так и неправовые элементы (например, при политических конфронтациях или национальных неурядицах). Вопрос о перерастании неправового конфликта в правовой представляет не только теоретическую, но и практическую сложность.

Весьма важный аспект всякого конфликта — пути и способы его предупреждения и разрешения. Если при определении юридического конфликта исходить из способов его предупреждения, разрешения или прекращения, то почти каждый конфликт можно назвать в этом смысле юридическим.

Нет, по-видимому, такого случая, когда силами юридических норм и институтов нельзя было бы вмешаться в развитие тех или иных событий (возможно, редким исключением был бы когнитивный конфликт).

4. Рассмотрим еще одну сторону вопроса: специфику юридического конфликта, который на самом деле является ложным.

Ложный конфликт возникает вследствие ошибки или заблуждения по крайней мере одной из сторон, предполагающей, что другая сторона совершает или намерена совершить нежелательные действия. В ложном юридическом конфликте возможны четыре основные ситуации:

а) сторона полагает, что находится с другой стороной в правоотношениях, но на самом деле этого нет;

б) обратный вариант: сторона не знает, что находится в правоотношениях с другой стороной;

в) сторона полагает, что противник действует незаконно (в то время как действия другой стороны правомерны);

г) обратный вариант.

Из этого перечня видно, что ложность конфликта относится не столько к содержанию, сколько к юридической форме конфликта. Это немаловажное обстоятельство. С одной стороны, оно характерно тем, что не устраняет внеюридических мотивов конфликта и, следовательно, не снижает его остроты. Например, добросовестный приобретатель имущества защищает его от собственника, не зная прав своих и противника и не считаясь с законодательством.

С другой стороны, осознание и исправление ошибки в юридической форме, если именно она вызвала конфликт, способно его прекратить. Так, должностное лицо, осознавшее законность действий представителя власти, который штрафует за экологическое нарушение, не будет продолжать существующего конфликта, а примет меры к устранению его причин.

Ложный юридический конфликт лучше всего может быть погашен при содействии специалистов, юристов-профессионалов, которые способны разъяснить ситуацию и дать необходимые советы. Тем самым устраняется почва для конфликта и он превращается в недоразумение, не требующее силовых приемов для выяснения отношений.

§ 2. Динамика и типология юридического конфликта

1. Под динамикой конфликта понимается его движение, развитие, изменение соотношения сил участников и, наконец, завершение. В контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес выяснение тех закономерностей, которые

характеризуют развитие юридического конфликта, точнее — появление и изменение юридической компоненты в конфликтных ситуациях.

Как отмечено выше, иногда конфликт с самого начала имеет юридическую основу. Это происходит в тех случаях, когда стороны связаны правовыми отношениями и именно эти отношения выступают в качестве объекта конфликта или мотива поведения участников. Но более частыми на практике являются случаи, когда юридическая форма конфликта возникает не сразу, а накладывается на него лишь по мере его развития.

В качестве иллюстрации можно привести семейный конфликт. Супруги Матвеевы в течение нескольких лет ссорились, упрекая друг друга в неправильном воспитании дочери. Отношения постепенно обострялись и дело дошло до рукоприкладства с обеих сторон. Однако о разводе речь еще не шла. Отметим, что на этой стадии некоторые юридические элементы (уголовно-правового характера) стали уже возникать, но не получили развития, так как оскорбления и побои относятся к делам частного обвинения, а супруги в суд не обращались. Затем, после особенно острой и длительной ссоры, муж ушел к знакомой женщине, где проживал в течение двух месяцев, не появляясь дома. Под воздействием родственников жена поставила вопрос о разводе, и спустя полгода Матвеевы были разведены. Таким образом юридический характер конфликта определился после обращения Матвеевой в суд. Правовой конфликт завершился решением суда о разводе, хотя, конечно, взаимоотношения сторон могли возобновиться и вновь привести к столкновениям.

2. Анализируя динамику юридического конфликта более подробно, можно выделить следующие его стадии:

а) возникновение мотивов юридического характера (в деле Матвеевых они возникли у супруги после разговора с родственниками);

б) возникновение правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте (в приведенном примере они возникли после подачи Матвеевой заявления с просьбой о разводе);

в) развитие (изменение, прекращение) правовых отношений в связи с рассмотрением дела юридической инстанцией (в данном случае — судом);

г) издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт (в приведенном примере — вынесение судом решения о разводе).

Мы привели примерную схему динамики довольно простого юридического конфликта. Однако она может быть и

иной. Во-первых, последовательность стадий развития конфликта может не совпадать с изложенной выше. Например, вначале — еще до конфликта — уже существует правоотношение, и только позже появляется юридическая мотивация поведения (допустим, после консультации одного из участников с адвокатом). Во-вторых, некоторые стадии вообще могут отсутствовать. Так, в криминальном конфликте может не быть самостоятельной стадии развития правовых отношений сторон. Например, ссора, закончившаяся убийством, сразу порождает четко сформулировавшееся уголовно-правовое отношение между преступником и государством, а не между сторонами конфликта. По сути дела, конфликт преступника и потерпевшего исчерпан в момент убийства, но возникает уже иной — юридический — конфликт (преступника с правоохранительными органами), протекающий в рамках процессуальных действий сторон. Наконец, возможны весьма сложные юридические конфликты с многократным чередованием различных эпизодов и стадий.

Динамика юридического конфликта, когда в нем участвуют государственные правоприменительные (правоохранительные) органы, всегда направлена на завершение конфликта в рамках и в соответствии с законом. Значит ли это, что развитие такого юридического конфликта имеет целью примирение сторон, смягчение их противостояния? Отнюдь не всегда. О такой направленности действительно можно говорить применительно к семейным, некоторым трудовым, гражданско-правовым спорам, но, конечно, не относительно криминальных дел, где речь почти всегда идет о наказании виновного и часто — о насильственном вмешательстве в конфликт с целью его прекращения.

Заметим, что для юридического конфликта применение насилия вообще не является чем-то экстраординарным или протиполоказанным. Насилие, когда оно применяется правоохранительными органами, в рамках и в соответствии с законом, зачастую бывает необходимым для претотвращения или прекращения конфликта, а также для наказания виновных. Важно лишь, чтобы оно было необходимой и достаточной мерой наведения порядка, а не превращалось в орудие произвола и нарушения прав граждан.

Если в этом аспекте вернуться к динамике юридического конфликта, то можно сказать, что во многих случаях насильственные, принудительные меры сопровождают юридический конфликт на всем протяжении его развития. Так, для криминального конфликта характерны, во-первых, оперативные меры по задержанию преступника, затем могут следовать

избрание меры пресечения и другие принудительные действия (привод, освидетельствование, обыск); во-вторых, мера наказания, назначаемая судом, также является мерой государственного принуждения. Таким образом, юридический конфликт нельзя рассматривать как мирное течение событий по меньшей мере с двух точек зрения: напряженность, а часто и насилие имеют место во взаимоотношениях субъектов — конфликтующих сторон; то же, но с другим содержанием и направленностью происходит и в отношениях хотя бы одной стороны с органами власти. Все это превращает юридические конфликты в весьма острую форму борьбы участников, хотя и протекающую в рамках закона.

3. Нельзя не сказать несколько слов о специфике развития юридического конфликта, касающегося массовых событий. Это, как правило, политические или межнациональные взаимоотношения групп населения, партий, социальных слоев. Юридический элемент таких взаимоотношений возникает не сразу: он оформляется по мере институционализации отношений. Например, в межнациональном конфликте возникает тема самоопределения нации, идея создания собственного государственного образования, а затем — провозглашения суверенитета, установления государственных границ и т. п. Решить все эти вопросы невозможно без принятия юридических актов, издания законных (или незаконных) решений и распоряжений. Здесь и складывается юридический аспект конфликта, который затем в значительной мере движется по конституционным или другим юридическим рельсам.

Памятным примером крупного конфликта такого рода, а вернее, — серии конфликтов, носивших политико-правовой характер, явились взаимоотношения в России двух ветвей власти — законодательной и исполнительной. Без юридических актов и процедур подобные взаимоотношения упорядочить невозможно. Основанием для введения конфликта в законное русло послужила подготовка новой Конституции России, которая с большей или меньшей полнотой и определенностью разрешила эти проблемы.

Дает ли разрешение юридического конфликта гарантию, что все конфликтные взаимоотношения в данной области будут прекращены? К сожалению, нет. Опыт показывает, что юридическая оболочка может скрывать в себе многочисленные зародыши разнообразного несовпадения взглядов, разногласий, противоречий и иных конфликтных ситуаций. Поэтому и наблюдается такое явление, как возобновление или продолжение юридических конфликтов в той или иной форме. Достаточно сослаться на многократное рассмотрение гражданских

и трудовых споров в судах — бумажную волокиту и административные кляузы. А если коснуться международных дел, то мы можем наблюдать многолетние, если не вековые споры политического и юридического характера, возобновляющиеся подчас в разных условиях и с разными аргументами, но скрывающие под собою все то же противостояние сторон, несовместимость их интересов.

4. Рассмотрим теперь типологию юридических конфликтов. В силу специфики юридического конфликта его типология отличается от обычной. Разумеется, юридические конфликты, как и многие другие, могут подразделяться на глобальные и региональные, групповые и межличностные; ситуационные и позиционные: конфликты интересов и когнитивные; быть острыми, вяло текущими, возобновляющимися и т. д. Однако специфика юридического конфликта заключается в другом. Она определяется юридическими характеристиками, к которым можно отнести: отрасль права, в которой протекает конфликт; структуру нормы, к нему относящейся; разновидность правоприменительного учреждения и др.

С точки зрения деления по отраслям права конфликты возможны в каждой из них. Как показывает судебная и арбитражная практика, наиболее распространены конфликтные взаимоотношения, связанные с вопросами гражданского, трудового, финансового, семейного права. Нередки экологические и хозяйственные конфликты, подпадающие под действие норм административного права. Количественно не столь распространены, но зато наиболее опасны конфликты, относящиеся к сферам действия уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового права.

Особую группу составляют международные и межнациональные конфликты, регулируемые нормами международного права, договорами и соглашениями государства, а также конституционным законодательством.

Как отмечалось выше, есть много смешанных вариантов конфликтных взаимоотношений. Например, конфликт между общественной организацией (политической партией, профсоюзом) и государственными органами может в период своего возникновения вообще не иметь юридического характера, но затем оказаться правовым в связи с теми или иными законодательными нормами (конституционное, административное, финансовое право и т. д.). Смешанные типы юридических конфликтов нередки и при взаимоотношениях граждан, в особенности при долго текущих ссорах и склоках по месту работы или жительства.

Отрасль материального права, к которой относится конфликт, не предопределяет на сто процентов процессуальных средств, которыми этот конфликт может быть разрешен. Например, гражданские дела могут быть рассмотрены судом или арбитражем, возможны также третейский суд или административная процедура (например, расторжение брака в загсе). Юридическим процедурам рассмотрения конфликтов уделяется самостоятельное внимание в отраслевых юридических дисциплинах.

5. Остановимся теперь на типологии юридических конфликтов в зависимости от структуры соответствующих правовых норм. Вообще говоря, в основе конфликта может лежать различное толкование и понимание либо несоблюдение, нарушение практически любой нормы права: уполномочивающей, обязывающей или запрещающей. Понятно, что в последнем случае конфликты случаются чаще. Но характер нормы сказывается не только на частоте конфликтов, но и на том, какие субъекты выступают в том или ином случае в качестве конфликтующих сторон.

При уполномочивающей норме конфликт может возникнуть, скорее, не с государственным органом, а с частным лицом — физическим или юридическим, — чьи интересы, как оно полагает, нарушены или могут быть нарушены уполномоченным субъектом.

В 1993 г. в подмосковье государством были выделены земельные участки для строительства дач довольно большому числу граждан. Этому воспротивились жители соседних деревень, ранее использовавшие выделенные дачникам земли для сенокоса и выпаса скота. Конфликт, как видно, возник между лицами, имеющим право на земельные участки, и теми, кто пользовался ими в силу неписаной традиции. Этот конфликт был разрешен местными властями посредством выделения для нужд местного населения других земельных угодий.

В случае нормы обязывающей круг субъектов конфликта может быть шире: он возможен как между обязанными лицом и государством (в случае невыполнения обязанности), так и между этим лицом и его контрагентами. Приведем пример. Контролер в автобусе, исполняя свою обязанность, пытается оштрафовать безбилетного пассажира, а тот уклоняется от уплаты штрафа, вступает в спор. Если, уклоняясь от этого конфликта, контролер отпустит безбилетника, он вступит в другой конфликт — с государством.

При применении запретительных норм конфликты, как отмечалось, состоят главным образом в том, что соответствующее физическое или юридическое лицо нарушает эти

нормы. Типичным примером могут служить правонарушения в области охраны окружающей среды.

Классификация юридических конфликтов по системе государственных правоприменительных или правоохранительных органов удобна в том отношении, что дает представление о компетенции этих органов в случае возникновения конфликтных ситуаций. Надо заметить, что эта компетенция достаточно четко определена применительно к правоохранительным органам (суду, арбитражу, прокуратуре, милиции и т. д.). Однако если конфликты возникают в связи с работой других государственных учреждений, нередко путаница, волокита, пересылка бумаг из одной инстанции в другую. Сравнительно недавно введенный порядок обжалования незаконных действий как должностных лиц, так и государственных органов дает возможность активизировать борьбу с этими негативными явлениями. Классификация конфликтов по органам полезна прежде всего для граждан, которые должны иметь четкую информацию, куда следует обращаться для разрешения спорных вопросов. Такой информации мало, и это служит почвой для волокиты.

§ 3. Криминальный конфликт

1. Для более подробной иллюстрации механизма и динамики юридического конфликта остановимся на той его разновидности, которой является криминальный конфликт.

Вряд ли нуждается в специальном пояснении утверждение о том, что преступление, преступное поведение, а значит, и интересы преступника противоречат интересам общества и его отдельных граждан. Достаточно очевидно, что само уголовное законодательство, определяющее, что же является преступным, вытекает из необходимости защиты определенных общественных интересов. В уголовно-правовой и криминологической литературе рассуждения на подобные темы давно уже стали общим местом. Однако эти, казалось бы, банальные мысли имеют вполне конкретный и емкий смысл в применении к предмету данного рассмотрения.

Противоречие преступных и общественных интересов во многих случаях выливается в противостояние интересов преступника и конкретной личности (группы). Преступление, где имеются потерпевшие — конкретные лица, как правило, создает конфликтную ситуацию или прямой межличностный

¹ Параграф написан канд. психологических наук С. В. Кудрявцевым.

(межгрупповой) конфликт, разрешаемые путем усилий частных лиц, в том числе самих потерпевших, а также при помощи государственных институтов в процессе уголовного судопроизводства. Кража личного имущества и частной собственности, телесные повреждения и клевета, а также многие другие виды преступлений представляют собой ущемление личных или групповых интересов, которые всегда создают почву для конфликтов.

Но во многих случаях преступление не только создает возможность для конфликтов, но само является следствием конфликтов и их заключительной стадией. Особенно явно подобная причинно-следственная взаимосвязь прослеживается на примере насильственных преступлений, таких, как умышленное убийство, телесные повреждения различной степени тяжести и злостное хулиганство.

Традиционная криминологическая модель анализа насильственных преступлений почти не обращает внимания на межличностное взаимодействие между преступником и жертвой, происходящее до совершения преступления. Между тем событию насильственного преступления обычно предшествует последовательность циклов взаимодействия, состоящих из взаимных стимулов и реакций преступника и потерпевшего. Достаточно определенно по этому поводу высказались западные и отечественные виктимологи, занявшиеся анализом поведения жертвы, но и уделившие внимание — правда главным образом в теоретическом плане — межличностному взаимодействию преступника и жертвы. В частности, А.В. Ривман и Л.В. Франк, воспринявшие западный виктимологический опыт и сами осуществившие углубленные эмпирические исследования, пришли к выводу, что основным содержанием преступных и допреступных событий является межличностное взаимодействие¹. Отечественный виктимолог В.Я. Рыбальская напрямую отождествила допреступные события с конфликтом, развивающимся по спирали². Насильственные и некоторые другие преступления Ю.М. Антонян точно, на наш взгляд, назвал «преступлениями отношений»³.

1 Ривман А.В. Виктимологические факторы и профилактика преступления. Л., 1975; Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

2 Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблемы профилактики в системе преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33.

3 Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973.

Для осознания того, что этим преступлениям, как правило, предшествует конфликтная ситуация, достаточно даже обратиться к формулировкам Уголовного кодекса и традиционно применяемым в отечественной криминологии обозначениям мотивов насильственных преступлений. Такие, например, часто используемые понятия как «месть» и «ревность», «злоба» и «неприязнь», имеют прямую связь с конфликтными взаимоотношениями. К понятию конфликта, как нетрудно увидеть, протягиваются нити от таких понятий и формулировок, как «необходимая оборона» и «превышение пределов необходимой обороны», «сильное душевное волнение, вызванное противозаконными действиями потерпевшего», «сопротивление представителю власти или иным гражданам, пресекающим противоправные действия», «воспрепятствование правомерной деятельности потерпевшего, связанной с выполнением им служебного или общественного долга» и т. п. Известно, что хулиганским действиям обычно предшествует тот или иной повод со стороны потерпевшего, и их, как правило, ошибочная квалификация в процессе следствия или в суде в качестве «беспричинных» чаще всего связана лишь с явной несообразностью повода и ответных действий.

Многими эмпирическими исследованиями причин насильственных преступлений установлено, что им чаще всего предшествуют различного рода скандалы, ссоры, бытовые неурядицы, заметные неприязненные отношения. Обобщение значительного числа фактов насильственных проявлений в обществе позволяет прийти к выводу, что межличностный конфликт является источником большинства случаев применения насилия.

Таким образом, в качестве специфической разновидности конфликтов, затрагивающих сферу правовых отношений, могут быть выделены конфликты, касающиеся уголовно-правовой сферы, или криминальные конфликты. Криминальный конфликт, конечно, специфичен прежде всего своим результатом или завершающей стадией, но это, впрочем, нередко характеризует особенности его возникновения и развития. Насильственное преступление или серия таких преступлений, завершающие криминальный конфликт, являются результатом и проявлением особых механизмов динамики конфликта. Сам факт применения насилия в конфликте характеризует его как конфликт интересов — либо изначально, либо только на завершающих стадиях.

2. Криминальные конфликты в своей массе неоднородны. Прежде всего различны преступления, которыми они завершаются. Кроме того, подобные конфликты имеют разное

количество участников. Нередко это всего лишь два человека (будущие преступник и потерпевший), но достаточно часто конфликтующих субъектов (и, соответственно, преступников и — или — потерпевших) больше, также встречаются межгрупповые криминальные конфликты. Различны предметы и объемы этих конфликтов, а также поводы к их возникновению. Одним из важных критериев дифференциации криминальных конфликтов является критерий временной, т. е. их длительность и количество эпизодов конфликтного взаимодействия. По этому критерию криминальные конфликты можно разделить на длящиеся и ситуативные (спонтанные).

Длющиеся конфликты — это, как правило, целая серия конфликтных эпизодов. Субъектами таких конфликтов выступают родственники, члены семьи, сожители, соседи, знакомые, сослуживцы и другие люди, в отношениях которых накапливается неприязнь, присутствуют постоянные предметы разногласий, периодически возникают спорные темы. Завершает такие конфликты конкретный эпизод взаимодействия, который и реализуется в преступлении, но сам этот заключительный эпизод вызывается общим состоянием отношений, напряженность которых достигает некоего критического уровня. Конкретные темы разногласий здесь достаточно варьируются — это может быть проблема власти и подчинения в межличностных отношениях совместно проживающих людей, проблема владения и дележа имущества, аморальное и распущенное поведение одного из субъектов, плохое ведение хозяйства кем-то из родственников или соседей, ревность в отношениях мужа и жены или сожителей. Подобные конфликтные отношения могут растягиваться на месяцы или на долгие годы. Основное количество длящихся криминальных конфликтов составляют бытовые конфликты, значительную часть которых, в свою очередь, составляют семейные. Примером длящегося конфликта на почве семейных противоречий может послужить дело К. (умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью). Женившись на М., К. узнал от нее, что ранее она встречалась с молодым человеком, который до ее замужества был призван в армию. Через некоторое время бывший возлюбленный М. вернулся из армии, а М. стала поздно возвращаться домой. К. заподозрил ее в измене, в доме начались ссоры. Позднее М. призналась, что вновь встречалась с тем же человеком и что любит его. Ссоры усилились и однажды К. избил жену. По требованию жены К. был вынужден переехать жить к своим родственникам, но продолжал каждый день приходить к ней и уговаривать ее жить вместе с ним. М. отвечала ему отказами и среди прочих претензий

называла ту, что он не удовлетворяет ее как мужчина. В один из своих приходов на квартиру к М. К. вновь поссорился с ней и нанес ей множество ударов ножом.

Как видно из приведенного примера, криминальный конфликт может включать эпизоды применения насилия уже на ранних стадиях, в процессе своего развития. В одних случаях насильственные действия совершаются в ходе развития конфликта только одной стороной (будущим преступником или будущим потерпевшим), в других — заключительному криминальному инциденту предшествуют взаимные побои и драки. В большинстве подобных ситуаций противоправные насильственные действия не являются совсем неожиданным и экстраординарным событием для участников конфликта. На наш взгляд, не только накопление взаимных обид и неприязни, но и привычка использовать в отношениях физическую силу (или быть жертвой насилия) играют решающую роль в обусловливании насильственного преступления. Стаж взаимоотношений с применением физического насилия может быть достаточно высок. По данным одного из опросов, 68% жертв применения насилия в семье начали подвергаться побоям в течение супружеской жизни, но 19% — стали жертвами насилия еще во время совместной жизни до женитьбы, а 13% — еще даже до начала совместной жизни с будущим супругом. Хотя среди опрошенных в ходе этого исследования подавляющий процент занимали женщины, в реальной семейной жизни мужчины почти столь же часто становятся жертвами женского насилия. Важнейшая особенность криминальных конфликтов с «насильственной историей» развития заключается в том, что частота и интенсивность применяемого насилия постоянно увеличиваются, завершаясь, как правило, тяжким преступлением. Применение насилия в семье даже в «малых дозах» значительно увеличивает риск дальнейшего повышения его жестокости.

Длющиеся криминальные конфликты, однако, не всегда имеют подобную насильственную историю развития. Но в их «продвижении» к насильственному преступлению существенную роль играет аккумуляция отрицательных эмоций и взаимного недоверия. Конкретным же поводом для преступления могут послужить старые ссоры или кровные обиды. Решающее значение могут иметь угрозы, применяемые сторонами в бесчисленных мелких стычках и ссорах. Установлено, что чем дольше и чаще угрозы используются в конфликтах между близкими людьми, тем выше вероятность насильственного разрешения возникающих инцидентов.

Таким образом, можно заключить, что в ходе развития длящихся криминальных конфликтов проявляется тенденция к их эскалации. Эта эскалация может иметь как явный, так и скрытый характер, проходить на глазах у окружающих или протекать незаметно, прорываясь в акт насилия лишь на завершающей, собственно криминальной стадии конфликта.

3. Другая разновидность криминальных конфликтов возникает и протекает в рамках одной ситуации, одного эпизода взаимодействия и, как правило, имеет место в инцидентах, возникающих в общении ранее незнакомых людей. Для социологической и криминологической характеристики подобных «ситуативных» конфликтов немаловажно отметить, что в отличие от конфликтов между близкими или хорошо знакомыми людьми они чаще всего происходят в общественных местах: на улице, в парке, в барах, кафе и т. д. Эти спонтанно возникающие межличностные или межгрупповые коллизии не имеют никакой предыстории и разворачиваются из-за самых разнообразных мелких и не столь мелких проблем, часто на глазах у множества свидетелей. Последнее обстоятельство позволяет выделить частную разновидность ситуативных конфликтов, возникающих в результате вмешательства в чужой конфликт посторонних людей, пытающихся остановить противоправные действия и фактически своим вмешательством инициирующих новый конфликт с собственным участием.

Хотя ситуативные конфликты должны рассматриваться как самостоятельный объект изучения, результаты их анализа отчасти переносимы и на другой самостоятельный объект — длящиеся конфликты, в особенности они могут быть использованы для понимания того, как разворачивается борьба на заключительной стадии длящегося конфликта, в ходе завершающего инцидента. Однако в длящемся конфликте его последний эпизод всегда оказывается под сильным влиянием всей «прошлой истории» конфликта, на реакции мысли и поступки его участников существенное давление оказывает прошлый отрицательный опыт общения с данным субъектом (субъектами). В ходе длящегося конфликта, как правило, характеризующегося цикличностью, повторяемостью конфликтных эпизодов, у его участников вырабатываются привычные, стереотипные реакции, и поэтому заключительный криминальный эпизод нередко является как бы «слепком» с прошлых ситуаций, отличающимся от прошлых эпизодов более мощным воздействием скрытых механизмов. Эти скрытые механизмы внезапно прорываются во внешний план и, казалось бы, в достаточно стереотипном инциденте дают криминальный результат. Так, преступник П., осужденный за умышленное

убийство с особой жестокостью, в какой-то момент, по его словам, «вспомнил все», все обиды, причиненные ему потерпевшей, и, схватив орудие убийства, бросился на жертву. Именно поэтому динамические особенности ситуативных криминальных конфликтов, которые мы далее рассмотрим, лишь отчасти характеризуют завершающиеся эпизоды длящихся конфликтных взаимоотношений.

Конфликтные инциденты, завершающиеся насильственным преступлением, имеют, конечно, различные причины, однако все они в своем генезисе имеют и много общего. Как показало ранее проведенное исследование, все они разворачиваются как конфликты интересов и имеют либо «объектную» либо «безобъектную» основу.

Часть конфликтов характеризуется наличием объекта обоюдных потребностей сторон, фактическая и (или) психологическая «неделимость» которого заставляет каждого участника конфликта единолично претендовать на этот объект, отвергая аналогичные попытки другой стороны. Подобные разногласия, например, возникают в тех случаях, когда два ранее незнакомых субъекта одновременно останавливают одну и ту же машину такси или одновременно претендуют на один и тот же столик в ресторане. Каждый из противостоящих индивидов стремится захватить некий объект и помешать сделать то же самое другому. Из-за этого возникает ссора, переходящая, как правило, в драку.

Другие криминальные инциденты не имеют подобной основы и могут быть отнесены к категории «безобъектных». Их суть состоит в том, что стороны чинят помехи друг другу в осуществлении определенной деятельности, не связанной с попытками обладания тем или иным объектом. Такова, например, ситуация по делу Г., осужденного за нанесение умышленных легких телесных повреждений. В то время как машинист электропоезда Г. вел поезд в депо, в одном из вагонов находился С., обнаруживший, что забыл при выходе часть своих вещей. Когда поезд начал отходить от платформы, С. сорвал стоп-кран, и поезд остановился. Г. отключил стоп-кран и продолжил движение. С. вторично сорвал стоп-кран. Г. попросил своего помощника привести С. и, увидев его, ударил его кулаком по лицу. Такие же «безобъектные» ситуации встречаются в тех случаях, когда, например, случайный прохожий делает замечание человеку, совершающему хулиганские действия, или прямым вмешательством пресекает его противоправную деятельность.

4. Исследование криминальных конфликтных инцидентов, происходивших в американских и ирландских барах, показало

широкую вариацию проблем, из-за которых чаще всего возникают подобные конфликты. Конфликты обычно возникают из-за отказа работника бара обслужить клиента, из-за прямых оскорблений и чьего-то неправильного поведения, из-за тем, связанных с политикой и спортом, а также с работой, из-за противоположного пола, денег и собственности, а также в процессе или результате игр. Это исследование со всей очевидностью показывает, что в генезисе ситуативных конфликтов могут лежать не только «объектные» (например, из-за денег) или «безобъектные» (например, из-за чужого неправильного поведения или отказов обслужить) противоречия, но и когнитивные конфликты. Споры на темы политики или спорта, если они не имеют в виде скрытой основы противоречия интересов (попыток доказать, что собеседник менее компетентен, например) — это чистый вариант когнитивного конфликта; когнитивный конфликт в какой-то момент перерастает в конфликт интересов. В иных случаях как мы уже сказали, спор изначально может существовать как «ширма» для реализации собственных амбиций, как чисто внешняя форма или как «язык», на котором разворачивается не всегда заметная наблюдателю подлинная борьба интересов.

Важно отметить и то обстоятельство, что ситуативные конфликты иногда начинаются, так сказать, с более высокого и «стартового уровня», например с прямых оскорблений и обидных действий. Этот вариант «безобъектного» конфликта можно обозначить как персонализированный, поскольку сталкиваются не частные интересы сторон, а физические и социальные «я» субъектов, их самолюбия, самооценки, защитные механизмы. Аналогичным образом некоторые «объектные» конфликты также могут быть отнесены к категории персонализированных: типичным представляется случай, когда кто-либо пытается задержать (пленить) субъекта, нарушающего общественный порядок или совершающего иные противоправные действия. Объектом разногласий фактически является сам задерживаемый, который сопротивляется захвату и защищает право на собственную автономию.

5. Динамика ситуативных конфликтов — их развитие от момента возникновения до завершающих насильственных действий — проанализирована в небольшом количестве эмпирических исследований. Исследования такого рода, как вытекает из самого предмета исследования, практически не могут быть проведены путем непосредственного наблюдения за ходом развития конфликта, они всегда опираются на материалы конкретных уголовных дел или в крайних случаях других документов, зафиксировавших происшедшее. Эти дела,

однако, не дают сразу прямой картины событий, исследователь вынужден по крупицам восстанавливать фабулу конфликта, сопоставляя различные документы дела (в основном различные показания, данные в ходе следствия), чтобы восстановить событийный ряд. Многие детали при этом все же неизбежно ускользают, и потому восстанавливаемая фабула, к сожалению, почти всегда оказывается приближенной. Тем не менее выявленные общие закономерности оказываются вполне плодотворным предметом для дальнейшего научного анализа.

Д. Лакенбилл, изучавший конфликты, завершающиеся убийством, показал, что такие конфликты имеют в среднем шесть стадий развития; 1) будущая жертва оскорбляет будущего преступника или не подчиняется его требованиям; 2) преступник интерпретирует эти действия как враждебные и 3) отвечает вызовом или физически атакует преступника; 4) жертва не подчиняется вызову или ответно физически атакует преступника; 5) стороны вступают в физическое столкновение или достигают «рабочего соглашения»; 6) стороны продолжают противоборство или вновь вступают в борьбу.

Р. Фалсон и Х. Стэдмен, проанализировав развитие конфликтов, предшествующих различным типам тяжких насильственных посягательств, установили динамику последовательно состоящую из восьми этапов: 1) различные атаки, не приносящие физического ущерба (оскорбления, обвинения, толчки и т. п.); 2) попытки влияния (просьбы, уговоры, требования и пр.); 3) неподчинение; 4) подстрекательство наблюдателей; 5) посредничество наблюдателей; 6) угрозы (вербальные и невербальные) со стороны преступника; 7) попытки жертвы уклониться от борьбы; 8) физическая атака преступника.

Как можно видеть, важной особенностью инцидентов является постепенная эскалация конфликтных взаимоотношений к применению насилия. Ш. Шохам и его коллеги вообще установили, что в подобных криминальных инцидентах количество циклов взаимодействия, состоящих из одноразового обмена реакциями, ограничено и чем выше интенсивность взаимодействия (т. е. чем с более высокого стартового уровня конфликт возник), тем меньше подобных циклов предшествует применению насилия.

В нашем собственном исследовании была произведена попытка выявить основные темы взаимных действий в криминальных конфликтах и на этой основе проследить основные варианты их развития. Все действия, предпринимавшиеся сторонами в ходе этих конфликтов, были разделены на семь групп: 1) создание помех; 2) захват объекта; 3) просьбы, требования,

отказы; 4) толчки; 5) угрозы; 6) оскорбления; 7) физическое насилие.

Обычно криминальные конфликты начинаются с создания кем-то помех для действий другого субъекта или попыток захватить желаемый другим объект, т. е. имеют «объективную» или «безобъективную» основу. Далее их развитие идет различными путями. За первыми проявлениями противоречий может следовать «переговорная» ситуация, состоящая из одностороннего или взаимного высказывания требований или просьб, а также отказов уступить чужим притязаниям. Нередко в ходе криминальных инцидентов сторонами применяются угрозы, которые существенно накаляют ситуацию и обычно, как и оскорбления, переводят ее на новый виток, на стадию одностороннего или взаимного применения физической силы.

Как уже отмечалось, развитие криминальных инцидентов характеризуется эскалацией, представляющей собой, как правило, постепенный переход от менее интенсивных к более интенсивным конфликтным действиям. Эскалация, однако, может быть и не столь постепенной, а иметь скачкообразный, подчас взрывной, характер. Разумеется, стороны часто вовсе не «симметричны» в своем поведении и обычно одна из них более активна и агрессивна, хотя не обязательно это именно преступник.

Существенно то, что динамика криминальных инцидентов характеризуется не просто изменением (ростом) интенсивности конфликтных действий, но качественными изменениями в природе самого конфликта. При переходе на стадию оскорблений и физического насилия обычно происходит оттеснение первоначального предмета конфликта, связанного с теми или иными частными проблемами, на второй план, и доминирующей темой становятся прежде не существовавшие противоречия в личных взаимоотношениях — «персонализованные» противоречия. Конфликт благодаря действию определенных внутренних механизмов перерастает в более глубокую и труднее разрешимую коллизию. Каковы же эти механизмы?

Анализируя ход протекания криминальных инцидентов, можно обратить внимание на несколько ключевых механизмов эскалации. Прежде всего сам «переговорный процесс» в этих конфликтах обычно очень краток и, главное, представляет собой столкновение непримиримых позиций, т. е. характеризуется бескомпромиссностью. Попытки договориться и найти взаимно приемлемое решение в таких случаях обычно отсутствуют, каждое требование или просьба вызывает решительный отказ или ответное конфликтное действие. А, как известно,

определенные уступки в ходе переговоров часто являются тем средством, которое может затормозить конфликт.

Кроме того, попытки высказать свою позицию в конфликте, как правило, производятся с нескрываемой враждебностью. Эта враждебность проявляется в тоне, которым высказывается требование или отказ, в агрессивной позе или выражении лица. Таким образом «переговорное сообщение», предназначенное служить проявлением позиции стороны, становится фактором, углубляющим сложившуюся проблемную ситуацию и переводящим ее в план личного противостояния, конфликта амбиций, самооценок, физических «я». В этом смысле самую провокативную роль играют угрозы. Предназначенные принудить другую сторону уступить собственным притязаниям, они являются типичным и универсальным «бескомпромиссным» средством. Но в формулу угрозы включены возможные санкции за неподчинение требованию. А они предполагают посягательство на более существенные интересы противника и тем самым открыто сигнализируют о проявляемой враждебности. Именно за счет этого многие «объектные» или «безобъектные» конфликты переходят на следующую ступень эскалации.

Существенную роль в интенсификации конфликта играют конфликтные действия «утилитарного» предназначения, промежуточные, тактические элементы конфликта, такие, как толчки, отталкивания, а также другие различные легкие формы насилия, применяемые сторонами для того, чтобы отдалить противника от пространственного эпицентра конфликта. Эти действия по своему результату выходят за рамки своего функционального предназначения, и применяясь для того, чтобы разрешить в пользу одной из сторон возникающую относительно частную проблему, на самом деле сигнализируют о проявляемой враждебности и вызывают ответную персонально направленную атаку. Борьба переходит в личностный план.

Помимо названных механизмов в ходе конкретного криминального инцидента, как и в ходе длящегося конфликта, значение имеет накопление, аккумуляция отрицательных воздействий, приводящее к взрывным изменениям в конфликтной динамике. Постоянное создание помех, например, или продолжающееся нереагирование на просьбы или требования формируют у противника впечатление о неуважительном и враждебном отношении к его личности, а это также продвигает конфликт по витку спирали, приводя к «персонализированному столкновению».

Наконец, распространенной причиной интенсификации криминальных инцидентов являются разнообразные ошибки

восприятия, социально-перцептивные искажения. Как известно, любой человек в ситуации взаимодействия поступает в соответствии с тем образом ситуации, противника, его действий, который складывается у него на настоящий момент. Искажения этого образа способны вызвать неадекватные действия и модифицировать ситуацию, — как правило, в худшую сторону. В конфликте такие искажения часто связаны с преувеличением чужой враждебности и интенсивности (в частности, оскорбительности) действия. Бывают случаи, когда простое замечание воспринимается как оскорбление, а неосторожное действие как преднамеренное. Подобное восприятие вызывает контрдействие иного стартового уровня и влечет за собой ответное не менее интенсивное действие. Искажениям восприятия способствует состояние алкогольного опьянения, они также связаны с особенностями склада личности, общей тревожностью и подозрительностью.

Особо следует сказать о тех случаях, когда конфликт не является спонтанным проявлением случайно сложившихся противоречий, а возникает вследствие сознательной провокации одной из сторон. Такие случаи достаточно распространены в уголовно-правовой практике и обычно связаны с квалификацией действий одной из сторон как хулиганских. Распространены случаи приставания к женщинам, находящимся с другим мужчиной, предпринимаемого ради того, чтобы затеять драку с этим мужчиной. Широко известны примеры хулиганского поведения, начинающегося с просьбы закурить или дать немного мелочи. Целью провокатора является любая отрицательная ответная реакция провоцируемого, отказ, несогласие, как бы обосновывающее затем его враждебность и хулиганские действия. Преступник разрабатывает своеобразный мини-сценарий взаимодействия, где уже определена последующая участь жертвы.

К особому типу конфликтов с применением насилия следует отнести ритуализированные формы конфликтных столкновений, так называемые «честные драки». Они генетически восходят к широко практиковавшимся в прошлом дуэлям или кулачным боям. Подобный тип насильственного взаимодействия сопряжен с определенными правилами, в частности, теми или иными запретами и ограничениями, например «драться один на один», «до первой крови» и т. п. Эти правила могут быть более жестокими и допускать серьезные ранения или даже смерть одной из сторон. В целом подобные ритуализированные формы конфликтов представляют собой стадию конфликтного процесса, переход к которой происходит в результате соглашения участников.

В целом можно сказать, что криминальные конфликты достаточно разнообразны по формам своего протекания и конкретным механизмам динамики или их сочетаниям. Эти различия зависят от многих факторов, таких, как особенности личности сторон-участников, их возрастных и половых особенностей, окружения, временных и пространственных факторов и т. п. Безусловно сложнее механизмы развития длящихся конфликтов, имеющих множество скрытых пружин развития. Но все они, несомненно, имеют ряд общих причин как субъективного, психологического, так и объективного свойства.

Комплекс психологических причин криминальных конфликтов связан прежде всего с опытом формирования личности и общей культурой поведения. И главное здесь — неумение идти на компромиссы, гипертрофированное «чувство врага», связанное с повышенной подозрительностью и ранимостью, а также нормы поведения, предписывающие совершение возмездия за нанесенный ущерб. Традиции мести и насыщенность человеческой культуры образами насильственного поведения самым роковым образом проявляются в общении конкретных субъектов.

Повседневная жизнь создает множество поводов и объективных причин для разногласий, приобретающих криминальный характер в основном благодаря психологическим причинам. Бытовая неустроенность, дефицит тех или иных товаров и услуг, нехватка денег или иные препятствия к нормальному существованию, создают кратковременные или постоянные очаги фрустрации, которые не только вызывают повышенную раздражительность людей, но и формируют конкретные межличностные проблемы, становящиеся причинами конфликтов.

§ 4. Завершение конфликта

1. Всякий, в том числе и юридический, конфликт завершается гибелью одной или обеих сторон, приостанавливается «до лучших времен» или получает то или иное конструктивное разрешение.

Примером первого случая может быть война на истребление. Если во многих войнах прошедших веков погибали значительные сухопутные армии и заметная часть мирного населения (вторая мировая война унесла более 50 млн. жизней), то в возможном атомном противоборстве не исключена гибель всего человечества. Вот почему столь длительное время прилагаются усилия к уменьшению ядерного потенциала,

предотвращению международных конфликтов, способных вызывать мировой пожар.

О приостановлении конфликта на то или иное время можно было бы сказать, что завершением борьбы такой вариант развития событий называть нельзя. Но все же конфликт как открытое противоборство не продолжается и напряженность ослабевает. Когда президенты России и Украины договорились летом 1992 г. отложить на несколько лет раздел Черноморского флота, они разрядили конфликтную ситуацию и дали возможность подготовить разумное решение по этому вопросу в спокойной и мирной обстановке.

Наконец, третий случай: разрешение конфликта. Он требует более подробного рассмотрения.

Прежде всего заметим, что конфликт может быть решен в пользу первой стороны, второй стороны или найдено такое решение, которое устраивает обе стороны.

По мнению многих авторов, в принципе существует четыре способа разрешения социального конфликта: 1) соглашение в результате совпадения мнения сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение, навязанное одной из противоборствующих сторон; 4) застарелый конфликт теряет свою актуальность и разрешается сам собой.

Не трудно видеть, что в первом и третьем случаях разрешение конфликта предполагает обоюдную активность соперников. Международная и внутриполитическая практика показывает, что в большинстве случаев процесс разрешения конфликта нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. И это понятно, потому что, если решение навязано, оно долго не просуществует, конфликт в той или иной форме возобновится. Достаточно напомнить об искусственном решении в ряде регионов нашей страны национального вопроса, которое хотя и продолжалось около 70 лет, но сразу же дало о себе знать, как только ослабла тоталитарная власть.

Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны договориться о спорных вопросах и об условиях дальнейшего сосуществования. При этом чем точнее и жестче очерчен предмет спора, тем больше шансов, что конфликт будет разрешен окончательно. Ведь если предмет не определен и конфликт в значительной степени перешел в фазу межличностной неприязни, погасить его трудно; врагов не сделаешь друзьями. В международных отношениях такого рода неопределенные конфликты особенно опасны, так как они могут тянуться десятилетиями.

Поэтому, строго говоря, силовое, в том числе военное, решение конфликта является большей частью иллюзорным. Проигрыш войны влечет реваншистские настроения и стремление к возврату утраченных интересов.

Можно предположить, что невозможность принять решение, удовлетворяющее обе стороны, способна в некоторых случаях повлечь за собой изменение направленности конфликта. Это означает не только замену предмета и мотива противостояния сторон, но иногда и замену самих участников. В судебной практике по гражданским и трудовым спорам такая ситуация встречается не так уж редко.

Махотина, работавшая медицинской сестрой, была уволена из санатория по сокращению штатов. Она не согласилась с мотивами увольнения, ссылаясь на то, что действительной причиной увольнения были плохие взаимоотношения ее с главным врачом. Решение администрации санатория было ею обжаловано в суд, но безрезультатно. Тогда Махотина написала жалобу на главного врача санатория в прокуратуру, профсоюзный комитет и в центральную газету. Всюду она получила отказ. Продолжая писать жалобы (вплоть до Конституционного суда), Махотина вовлекла в этот конфликт более 50 организаций. Сама она заявляла, что ее уже не интересует восстановление на работе (к тому времени Махотина уже работала в платной кооперативной клинике), а что речь идет о «принципе»: наказании главного врача и других работников санатория за «бездушное» отношение к человеку.

Нередко трудовые и гражданско-правовые споры перерастают в сутяжничество, склоки, которые тянутся годами. Давно уже нет предмета конфликта, изменился и состав руководителей учреждения, принимавших спорное решение, а жалобщики все продолжают добиваться изменения ситуации в свою пользу, не обращая внимания на требования закона.

Обширный и острый социальный конфликт способен вызывать кризисное состояние системы и в конечном счете привести к ее разрушению, гибели или глубокой перестройке. По сути дела, речь идет о революционных изменениях в обществе.

Кризис связан с деформациями в системе ценностей общества, разрушением институтов власти, управления, обслуживания населения, с возникновением аномалии (т. е. игнорированием правовых и нравственных норм) и нарушением сложившегося порядка отношений между людьми. По сути дела, именно эту картину мы наблюдали в начале 90-х гг. в российском обществе.

Предупредить возникновение конфликта, конечно, гораздо более разумно и полезно как с социальной, так и с

индивидуальной точки зрения, чем приостанавливать, прекращать или разрешать уже имеющий место конфликт. Поэтому на предупреждение конфликта направлены значительные усилия общества и государства. В основном это связано с криминальными конфликтами, угрожающими жизни, здоровью, имуществу граждан, общественным интересам и ценностям. В 90-е гг. в нашей стране, да и в некоторых других европейских странах, стали обращать серьезное внимание на предупреждение межнациональных конфликтов; правда, это направление государственной деятельности приобрело общепризнанное значение уже сравнительно поздно — когда межнациональные конфликты развернулись в полной мере. Наконец, предупреждению межгосударственных конфликтов постоянно уделяют внимание такие субъекты мирового сообщества, как Совет Безопасности и Генеральная ассамблея ООН.

Нельзя не отметить, к сожалению, что эффективность предупреждения конфликтов во всех отмеченных направлениях крайне невелика. Объясняется это главным образом тем, что проблема вмешательства в конфликт имеет две стороны. С одной стороны, такое вмешательство (а при раннем предупреждении — даже «предвмешательство»), как отмечалось, социально полезно, часто необходимо и, во всяком случае, более продуктивно, чем бесстрастное ожидание развязки.

Но, с другой стороны, конфликт нередко рассматривается (и не без основания) как частное дело сторон. С позиций гуманизма и невмешательства в чужие дела навязывать свое решение, а тем более принуждать стороны к согласию или определенному поведению — незачинно и неправомерно. Поэтому и получается, что вмешательство в конфликт (а предупреждение — одна из форм вмешательства) возможно только тогда, когда конфликт перерастает рамки личных (групповых) отношений и становится — по масштабам интенсивности, объекту и др. — общественно значимым событием.

Предупреждение конфликта заключается в воздействии на его элементы, участников, мотивы их поведения, объекты, используемые силы и средства. Поэтому в зависимости от характера конфликта предупредительная деятельность может быть весьма разнообразной. Остановимся на некоторых ее аспектах.

Наиболее эффективной формой предупреждения конфликта является устранение его причин. Эта деятельность возможна на разных уровнях.

В психологическом, индивидуальном плане устранение причин конфликта тесно связано с воздействием на мотивацию участников и предполагает выдвижение контрмотивов,

которые заблокировали бы первоначальные агрессивные намерения конфликтующего участника. В юридическом конфликте такую профилактическую работу могут проводить органы прокуратуры, милиции, общественные организации.

Субъекты конфликта, если они понимают его бесперспективность или неуместность, перестраивают свое поведение таким образом, чтобы уже не столько достичь первоначальной цели, из-за которой возник конфликт, сколько снизить социальное напряжение, порожденное сложившейся ситуацией.

2. Изменение мотивации весьма важно и перспективно для профилактики криминальных конфликтов.

Анализ мотивов преступления в процессе расследования, являющийся согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства обязательной составной частью расследования, нередко ограничивается самым общим указанием на мотивы, обозначимые в традиционных юридических категориях безотносительно к их подлинному психологическому содержанию. В результате часто констатируется «беспричинность» совершенных преступником действий.

Глубокий анализ сути конфликтной ситуации помог бы избежать излишне общих и просто ошибочных формулировок и более дифференцированно подойти к решению вопроса об уголовной ответственности. Определение мотивов поведения как преступника, так и жертвы на разных этапах развития инцидента, роли каждого из них в эскалации конфликта, выявление характера оценок ситуации каждым из них в разные моменты взаимодействия способствовали бы более точному определению степени вины преступника. В этой деятельности могут быть конкретно использованы знания о социально-психологических детерминантах криминогенного развития ситуации, полученные в ходе исследования.

Это касается в основном специалистов-психологов, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве. При проведении судебно-психологической экспертизы может оказаться полезной типология межличностных противоречий, использование которой позволило бы более четко определить суть конфликтной ситуации, характер мотивов и психологические состояния субъектов.

Знание структурных различий между криминальными конфликтами позволяет дифференцировать меры по их предупреждению. Диагностика типа межличностных противоречий, послуживших причиной возникновения острого конфликта, стадий его развития, роли каждого из участников в его эскалации, дает возможность конкретизировать объекты профилакти-

ческого воздействия, своевременно вмешаться в процесс криминогенного развития ситуации.

Каждый конфликт на производстве, в быту, сфере досуга возникает по конкретным причинам и в конкретных условиях. Вместе с тем это конкретное нередко отражает более общие проблемы и противоречия той или иной сферы жизни. Анализ объективных причин возникновения отдельных случаев, характера лежащих в их основе межличностных противоречий и последующее статистическое обобщение данных могут сыграть важную роль в определении круга социальных проблем, нуждающихся в безотлагательном решении.

3. Для того чтобы остановить конфликт, найти пути его разрешения, погасить его, желательнее прежде всего ввести противоборство сторон в какие-то рамки, прекратить эскалацию и удержать противников от крайних форм борьбы. Эти цели достигаются путем институционализации конфликта, т. е. создания постоянных или временных форм, в которых ведется борьба сторон, — таких форм, которые не ведут к уничтожению противников, приемлемы для общества и помогают решению спорного вопроса.

Сама социальная структура содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней его допустимости. Социальные структуры отличаются друг от друга, в частности, дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций.

3. Нельзя не заметить существенных изменений в указанной области, которые произошли в нашей стране за годы перестройки. В тоталитарном обществе, говоря в самом обобщенном виде, никакие конфликты не поощрялись. Конфликты индивида с государством влекли репрессии, с должностным лицом — разрешались самими же чиновниками; бытовые конфликты становились предметом разбирательства партийных и профсоюзных организаций, товарищеских судов; конфликты на национальной почве были практически исключены.

За годы перестройки не только возросло число конфликтных ситуаций, но и были созданы разнообразные институты, предназначенные для их разрешения. Введено право обжалования в суд незаконных действий не только должностных лиц, но и коллегиальных органов. Гласность и многопартийная система дали возможность открыто обсуждать политические конфликты на самом широком общественном уровне. Такая же возможность открылась и для представительных органов власти. Практически прекратились репрессии по политическим

мотивам. Все это в общем создало благоприятную почву для предупреждения конфликтов и их мирного разрешения.

Вместе с тем, создавая институты, направленные на предупреждение нежелательных форм противоборства, надо учитывать всю сложность этой проблемы. Социальные системы могут сильно отличаться друг от друга уровнем толерантности и институционализации конфликтов; нет таких обществ, где любое антагонистическое требование могло бы проявиться беспрепятственно и незамедлительно. Но в нашем обществе в 90-е гг. пытались достигнуть этого невысказанного положения, руководствуясь, видимо, тезисом Раскольникова: «все дозволено». Война законов, суверенитет областей и районов, бессилие милиции и бездействие власти — все это привело не к институционализации, а к безудержному росту конфликтов.

Любым «отдушинам», создаваемым для сохранения социальной структуры, свойственна функциональная незавершенность, они способны дать обычно лишь частичный регулирующий эффект. Правоту этого не трудно видеть, если вспомнить о неудавшихся попытках путем издания указов обеспечить сдачу населением оружия или посредством введения чрезвычайного положения прекратить межнациональную борьбу. Создание институтов для разрешения конфликтов — дело долгое, трудное и неблагоприятное. Но его надо делать, — конечно, с учетом местных условий и обстоятельств данного исторического времени.

4. Говоря об институционализации конфликта, необходимо особо подчеркнуть значение нормативного подхода к его регулированию. Нормы поведения можно в известном смысле также считать институциональным образованием: во всяком случае, институты без норм не действуют.

Конфликт, как и всякие отношения между людьми, в той или иной степени регулируется нормами общественного поведения. При этом действуют нормы различного рода и содержания: правовые, нравственные, религиозные, политические и т. д. Нормативное регулирование конфликтов, в отличие от временно действующих институтов, делает систему более стабильной, определяет долговременный порядок развития и разрешения конфликтов и тем самым является наиболее эффективным для стабильных общественных систем.

Использование норм различной природы для урегулирования конфликтов имеет свои особенности, определяемые как природой норм, так и тем, что они действуют здесь в специфической обстановке противоборства сторон. По-видимому,

наибольшее значение при регулировании конфликтов имеют нравственные нормы поведения людей.

Почти любой конфликт так или иначе затрагивает нравственные представления: о добре и зле, правильном и неправильном поведении, чести и достоинстве, справедливости и порядочности и т. п. Следовательно, действуют здесь и нравственные нормы в соответствии с которыми сам конфликт и его участники получают нравственные оценки. Трудность, однако, состоит в том, что эти оценки не однозначны, а порой и весьма различны, даже противоположны. Как известно, нравственные нормы не являются общепринятыми и одинаковыми для разных классов, социальных слоев, групп и даже индивидуумов. Разумеется, это не исключает общечеловеческой морали, но, во-первых, она распространяется лишь на ограниченный круг действий и отношений («не убий», «не укради» и т. п.), а во-вторых, даже и эти общечеловеческие ценности приемлемы далеко не для всех.

В результате конфликт и его причины нередко расцениваются по-разному, не только его участниками, но и окружающими, что, в свою очередь, способно расширить его масштабы и вызвать новые конфликты. Самый наглядный пример — отношение населения некоторых регионов к межнациональным распрям, в которых часть жителей видит недопустимое нарушение прав человека и даже геноцид, а другая часть — законное утверждение своего национального достоинства и суверенитета.

Нравственные нормы, в том числе и относящиеся к конфликтам, обычно нигде не записаны и вообще четко не сформулированы. Хотя, впрочем, в свое время существовал дуэльный кодекс, определявший основания и порядок вызова на поединок и правила его проведения. Базой такого кодекса были представления о дворянской чести и нравственности.

Конфликт может регулироваться религиозными нормами. Особенно характерно это для тех религий, где, подобно мусульманству, религиозные правила распространяются, помимо чисто церковных отношений, на довольно широкую область гражданской жизни (брак, семья, обучение и др.). Конфликт может иметь и межрелигиозный характер (например, отношения между православными и католиками на Украине). Здесь урегулирование конфликта существенно затрудняется и самих по себе религиозных норм становится недостаточно.

Важное значение для нормативной характеристики конфликтов имеют нормы права. В отличие от нравственных и религиозных правил, правовые нормы однозначны, они закреплены в законах и других актах и санкционированы государством.

Из этого следует, что правовая оценка конфликта имеет официальный характер и не может быть изменена под давлением одной из сторон или под воздействием общественных настроений и пристрастий. В полной мере это относится и к конфликтам, подпадающим под действие норм международного права. Поэтому юридическое регулирование является одним из наиболее действенных способов разрешения и предупреждения конфликтов.

Упомянем, далее, о политических нормах, не имеющих юридического характера. Часто говорится о том, что тот или иной международный конфликт может или должен быть улажен мирными, политическими средствами. Имеются в виду переговоры, встречи глав государств, взаимные уступки и другие акции, в том числе и не оформляемые в юридическом (международно-правовом) порядке. Политические нормы разрешения конфликтов содержатся в уставах политических партий, движений и других документах общественных организаций.

Нормативный характер имеют и различного рода правила, вырабатываемые в общечеловеческой сфере для регулирования самого разного рода отношений. Не все из них можно отнести к нормам нравственности. Например, в спорте существуют правила проведения различных соревнований. Некоторые из соревнований, игр, несомненно, являются конфликтами, хотя и своеобразными, искусственно создаваемыми и законно признанными (бокс, шахматы, футбол и многое другое). Само участие в этих конфликтах представляет удовольствие для сторон (и болельщиков). Но правила их проведения должны строго соблюдаться.

5. Обратим теперь внимание на механизм воздействия нормы, на поведение участников конфликта. Этот вопрос удобнее рассмотреть на примере воздействия правовой нормы, механизм которого достаточно хорошо изучен.

Правовая норма, равно как и любая другая социальная норма, имеет несколько каналов (или линий) воздействия на поведение людей. Это, во-первых, информационное воздействие: норма предлагает индивидууму (социальной группе) варианты поведения, одобряемые государством, предупреждает о последствиях того или иного поступка. Во-вторых, она оказывает ценностное воздействие, так как декларирует ценности, признаваемые обществом и государством. Нередко в этой связи говорят о «воспитательном воздействии» права. В-третьих, правовая норма обладает принудительной силой в отношении тех, кто игнорирует ее требования. При нарушении нормы вступает в действие правоприменительный механизм, начинают функционировать учреждения и должностные лица, занятые применением права.

По всем этим мнениям (или каналам) право воздействует: а) на причины конфликта; б) на его развитие; в) на результаты конфликта; г) на последствия завершения конфликта, включая судьбу участников. Рассмотрим эти вопросы немного подробнее.

Причины конфликта поддаются нормативному регулированию как в аспекте мотивации конфликта, так и с точки зрения влияния на объективные обстоятельства, способствующие его появлению. Приведем пример. Некто А. вступил в ссору со своим начальником Б. из-за того, что был, по его мнению, несправедливо лишен премии. В учреждении, где они работали, порядок премирования сотрудников не был никак определен и решения руководства по этому вопросу нередко вызвали недовольство и нарекания. Очевидно, что четкое определение порядка и оснований премирования сняло бы напряженность в коллективе. Нормативные акты по вопросам премирования существуют, как известно, на большинстве предприятий.

Противоправная мотивация насильственных конфликтов может быть предотвращена или, во всяком случае, существенно ослаблена при проведении профилактической работы на местном (региональном) уровне. Речь идет о предотвращении семейных и иных бытовых ссор, драк, склок в коллективах и т. д. Труднее изменить корыстную мотивацию конфликта — во всяком случае, пока она не переросла в фактическое действие сторон.

Развитие конфликта поддается нормативному регулированию в том смысле, что право (и другие нормативные системы) указывает дозволенные формы конфликтных взаимоотношений и поощряет другие, выходящие за допустимые пределы. Законный путь разрешения почти любого конфликта всегда существует, например обращение в суд. Довольно эффективны третейские суды, когда арбитров избирают сами участники конфликта. Но проблема заключается в том, что во многих случаях конфликтующие стороны как раз стремятся избежать суда или вмешательства других посредников, предпочитая решить конфликт самостоятельно и притом естественно, в свою пользу.

Результаты конфликта подлежат правовой оценке в тех случаях, когда при фактическом разрешении конфликта пострадала та или иная сторона или были нарушены общественные либо государственные интересы.

Тем самым предreshается и вопрос о судьбе участников конфликта. В международных делах предусматриваются самые различные последствия неправомерного поведения государств,

развязавших конфликт и действовавших в нем вопреки нормам международного права (репарации, территориальные уступки и др.).

Понятно, что устранение «микропричины» конфликтов, предполагающие вмешательство юристов, психологов, социальных работников и отдельные жизненные ситуации, отнюдь не ликвидирует общих причин конфликтной обстановки, которые связаны с экономическими трудностями, политической нестабильностью или организационным хаосом. В этом смысле мы находимся в переходном периоде, при котором конфликтов в быту, на производстве, в общественной жизни не избежать.

Функционирование рыночной экономики, этого основного интеграционного механизма для стран Запада, у нас еще только начинается. По-видимому, восстановление и развитие экономики, т. е. то, на что направлен формируемый рынок, станет реальностью лишь через несколько лет. Можно надеяться, что основа для интеграции общества с трудом найдена. Но это лишь основа. Она не приведет обязательно и одновременно к полной социальной интеграции. Необходимым компонентом является создание и сохранение нравственных норм и традиций. Однако крах нынешней системы норм привел к тому, что вакуум заполняется реанимированными, но далеко не оптимальными (с социальной точки зрения) элементами. Так, коммунистическая идеология заменяется религиозной, принудительно насаждавшиеся этические нормы — отсутствием любой морали, насаждаемый ранее «интернационализм» — эгоистическим национальным сознанием.

Сказанное не следует рассматривать как пессимистическое пророчество, тем более пророчество самоисполняющееся. Речь идет о том, что, видя сложную социальную перспективу, надо разрабатывать надлежащие меры для предупреждения нежелательных явлений. Главное направление таких мер — дальнейшая демократизация общества, развитие институтов правового государства, достижения согласия и взаимопонимания по социальным и национальным вопросам, утверждение основ нравственности, забота о человеке. Нет ничего специфического, что предупреждало бы конфликты и не было бы связано с утверждением принципов гуманизма и демократических основ нормального человеческого общежития.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Что такое юридический конфликт? Чем он отличается от теоретической дискуссии, спора? От политического, социального конфликта?

2. Какие стадии развития конфликта Вы могли бы назвать? Что такое эскалация конфликта?

3. Кто является сторонами в криминальном конфликте? А в гражданском и уголовно-процессуальном конфликтах? В чем разница между понятиями «сторона» и «участник» конфликта?

4. Приведите примеры межнациональных конфликтов последнего времени. Содержался ли в них правовой элемент? Можно ли назвать эти конфликты юридическими?

5. Перечислите юридические средства разрешения различных конфликтов. Какие из этих средств Вы считаете более эффективными? Почему?

□

Глава VIII Методика конкретных социологических исследований

§ 1. Систематизация фактов и анализ зависимостей

1. Задача любого научного исследования — познание общего, типичного в многообразии изучаемых явлений. В методологии науки обобщение рассматривается как необходимая предпосылка объяснения. В логическом плане под обобщением понимают процесс образования общего понятия или раскрытия общего, существенного в отдельном, и всеобщего, существующего в особенном и единичном¹. Обобщение не является формально-логической операцией, а предполагает выявление существенных признаков объекта. Формально-логические операции способны только выявить общие признаки. Однако обоснование их существенности, раскрытие их действительной природы под силу лишь теоретическому анализу.

В философской литературе в зависимости от задач обобщения и от той области, на которую оно распроотраняется, различают следующие его типы: обобщение на основе эмпирического материала, на основе выработанных понятий и на основе теории².

В социологии права используются все указанные виды обобщений. Однако сложная иерархическая структура социологического знания обуславливает доминирование того или иного вида обобщения на различных уровнях познаний. Для конкретно-социологических исследований наиболее характерен первый вид обобщений (обобщение на основе эмпирического материала). Конечно, на данном уровне используются и другие виды обобщений в тех случаях, когда достаточно развита соответствующая специальная теория изучаемой проблемы. Однако спецификой конкретно-социологических исследований является обобщение эмпирического материала, полученного на этапе сбора социологических данных. На более высоких уровнях познания этот вид обобщения не используется; конкретные исследования поставляют им результаты своих обобщений для более глубокого теоретического анализа.

¹ Кедров Б.М. Обобщение как логическая операция // Вопросы философии. 1965. № 12. С.21.

² Философская энциклопедия. М., 1970. Т.4. С.110.

Обобщение фактологического материала в конкретных исследованиях нельзя рассматривать как способ простого упорядочения результатов первичного научного описания, как чисто формальную процедуру. Этот этап «в существе своем — мыслительная деятельность, связанная уже не с ассимиляцией данных «живого созерцания» в системе принятых в науке абстракций и обозначений, а с получением нового, более высокого слоя знания на основе фактофиксирующих суждений — обобщений, эмпирических законов, зависимостей, классификаций, эмпирических типологий и пр.»¹

Это новое значение хотя и получается как результат логической обработки фактов, но отражает уже информацию об объекте, полностью не сводимую к внешним эмпирическим проявлениям. Оно выявляет латентные (скрытые) структуры, определяющие свойства наблюдаемых явлений.

Обобщение фактов является процессом их систематизации, т. е. группировки, разделения на классы, включения в классы новых определяющих признаков. Она позволяет выделять некоторые свойства объектов в качестве существенных признаков, на основании которых осуществляются указанные процедуры с фактами². Одним из видов такой систематизации выступает классификация эмпирических данных.

Классификация есть распределение множества предметов на классы по определенному общему для каждого класса признаку так, что классы множества составляют систему. Классификация данных, полученных на этапе сбора эмпирической информации — необходимое условие целостного научного описания объекта. Она переводит исходные первичные данные к такому виду, при котором становится возможен их теоретический анализ. Научная классификация — это отражение объективной взаимосвязи явлений, первый этап в движении знания от явления к сущности.

По своей логической природе классификация является делением, т. е. раскрытием объема родового понятия через перечисление всех видов понятий. Чтобы классификация не была искусственной, основанием деления должен служить существенный признак. Обоснование существенности признака — задача теоретического анализа. При отсутствии строгой теоретической модели объекта признак классификации может носить гипотетический характер. Классификация в практике

¹ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С.309.

² Штофф В.А. Введение в методологию научного анализа. Л., 1972. С.115.

социологических исследований права нередко осуществляется и эмпирическим путем, особенно в многомерном анализе. Но и в этом случае теоретическое обоснование признака обнаруженной группировки в дальнейшем необходимо.

Классификация строится по определенным правилам (единство основания, адекватность, отсутствие перескакивающих группировок и т. п.). Распространенным способом классификации социологических фактов выступают статистические группировки. Метод группировок позволяет решать следующие типы исследовательских задач: выявление типов социальных явлений, изучение структуры социальных объектов, анализ зависимостей между явлениями. Соответственно выделяют типологическую, структурную и аналитическую группировки¹.

Задача группировки — упорядочение, классификация результатов первичного описания данных по признаку подобия и различия. Как уже отмечалось, признак группировки обосновывается теоретически (выводится из теории), либо формулируется в виде гипотезы. Иными словами, введение этого признака заранее обосновывается. Группировки, в которых объясняется основание классификации, называют органическими. Так, например, при изучении юридических знаний населения можно оценить различия в этих знаниях по отраслям права (группировка по отраслям). Можно также исследовать уровень правовых знаний у различных групп населения (группировки по социальным и социально-демографическим признакам). Здесь основания группировок с самого начала получают объяснение. В первом случае обоснование группировки содержится в концепции системы права; во втором — в теории социальной структуры.

Наряду с органическими классификациями в конкретно-социологических исследованиях используются и так называемые эклектические группировки. В них признак группировки на первом этапе не имеет объяснения, а обнаруживается эмпирическим путем в результате перекрестного анализа².

Эклектические группировки тем не менее имеют познавательную ценность. Они используются для выявления скрытых (латентных) свойств объекта, определяющих вариацию и связь наблюдаемых признаков. В юридической социологии многомерные классификации с использованием методов таксономии, факторного анализа и т. п. нередко выступают

¹ Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979. С.39.

² Рабочая книга социолога. М., 1976. С.482.

вначале как эклектические группировки. Очевидно, что после теоретического обоснования эклектической группировки она может рассматриваться как органическая. Иными словами, эклектические группировки — промежуточный этап научного описания фактов в многомерных классификациях.

В зависимости от числа признаков различают простую и сложную группировки. В простой группировке классификация проводится по одному признаку; в сложной — по двум и более признакам одновременно.

Процедура простой группировки в достаточной степени освещена в юридической литературе¹. Поэтому нет необходимости останавливаться на ней подробно. Отметим только некоторые требования к ней с точки зрения задач конкретно-социологического анализа.

Известно, что исходная информация в простых группировках представляется в форме абсолютных и относительных частот. Однако работа даже с такими элементарными видами статистической информации требует рационального осмысления и теоретического обоснования. В противном случае корректные с формально-статистической точки зрения процедуры, по существу, будут необоснованными. В качестве примера неадекватной работы с исходной информацией простых группировок могут служить данные о рецидивной преступности. Известно, что критерием ресоциализации преступников обычно выбирают данные о рецидиве. Однако, как отмечает А.Б. Сахаров, расчет этого показателя на практике не обоснован. Относительные частоты рецидива рассчитывают по отношению ко всему массиву осужденных, из-за чего частотно-предупредительный эффект наказания получается достаточно высоким (около 80%). В то же время в массиве осужденных часть преступлений имеет ничтожную вероятность рецидива (так называемые «случайные преступления»). Было бы правильнее исключить их из общего массива при расчете данных рецидива². В таком случае показатель эффективности наказания значительно бы снизился. Но он был бы более адекватным.

Наряду с частотами большую пользу в обобщении информации оказывают средние величины, которые представляют собой типичную характеристику всей совокупности.

Существуют, как известно, различные виды средних величин: мода, медиана, среднее арифметическое и др. При

¹ См., напр.: Остроумов С.С. Судебная статистика. М., 1976. С.99-184.
² Сахаров А.Б. Перспективы развития советского уголовного права// Советское государство и право. 1983. № 7. С.84.

этом нет универсального вида средней, которую можно было бы применять в любых случаях. Поэтому в каждом случае необходимо выбирать этот тип средней, который не только наиболее адекватен с точки зрения задач анализа, но и согласуется с распределением и с видом вариационного ряда.

Но не всегда существует подобная возможность выбора. Дело в том, что уровень измерения признака накладывает ограничения на использование средних величин в анализе¹. Следовательно, в данном вопросе совершенствование методов первичного измерения в юридической социологии — предпосылка увеличения разнообразия используемых в анализе процедур.

При анализе простых группировок следует производить расчет вариации не только количественных, но и качественных переменных. Коэффициенты вариации качественных признаков позволяют более строго проводить сравнения характеристик различных объектов, измеренных по номинальной шкале (различие в структуре преступности, например). К сожалению, данные приемы анализа сравнительно редко используются в социологии права.

Анализ простых группировок может выявить относительно устойчивость проявлений ряда социальных процессов. Так, установлено, например, что распределения многих статистических показателей в криминологии подчиняются закономерностям, изученным в математике и, следовательно, могут быть описаны в терминах статистических распределений². Это повышает надежность их количественного анализа, а главное, их последующего прогноза.

Наряду с простой группировкой средством научного описания фактов служат сложные группировки, в которых данные классифицируются по двум или более признакам. Сложные группировки — более углубленный метод анализа социологической информации. Они не только упорядочивают первичный материал, но и создают предпосылку для обнаружения зависимостей между исследуемыми явлениями.

Наиболее распространенными в настоящее время являются двумерные группировки, которые также довольно подробно описаны в методической литературе. Однако при всей их важности для анализа познавательные возможности

¹ Только мода применима для всех типов шкалирования, включая и номинальный. Медиану можно использовать, начиная с порядковых шкал. Что касается среднего арифметического, то, строго говоря, оно применимо лишь в случае метрического измерения.

² Подробнее см.: Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980. С.20-23.

подобных группировок ограничены. Сложная структура социальных явлений и процессов, их обусловленность совместным действием совокупности факторов вызывают потребность в многомерной классификации объектов.

Методы многомерной классификации позволяют систематизировать первичный материал по целой системе признаков, в нескольких измерениях одновременно. Существенно то обстоятельство, что методы многомерной классификации позволяют систематизировать огромные по числу переменных массивы данных. В этих условиях обычно используемые меры (средние, вариации, коэффициенты парной корреляции и т. п.) не могут выполнить задачу конденсации данных, их компактного представления.

Возможность сведения (редукции) многомерного массива данных без существенной потери информации к меньшей по числу признаков системе обусловлена самим характером первичного эмпирического материала. Последний обладает информационной избыточностью с точки зрения отражения свойств объекта. Как отмечалось в литературе, в подобных многопризнаковых информационных системах наблюдаемые (или измеряемые) параметры являются лишь косвенными характеристиками изучаемого явления, на самом же деле существуют скрытые внутренние (латентные, фундаментальные) параметры или свойства, число которых мало и которые определяют значения наблюдаемых параметров¹.

Многомерная классификация может быть направлена на группировку объектов со сходными сочетаниями признаков либо на группировку признаков, взаимосвязанных друг с другом. В первом случае мы имеем дело с использованием таких методов, как автоматическая классификация, таксономия и т. п. Во втором случае — с широким набором процедур анализа скрытых факторов, обуславливающих взаимосвязь наблюдаемых признаков. Методы многомерной классификации можно сгруппировать и по другому основанию, учитывая их различия в механизме свертывания исходной информации. Первая группа методов основана на построении новых признаков, объясняющих поведение наблюдаемых переменных (например, факторный анализ). В методах второй группы из исходных признаков отбираются признаки наиболее информативные.

В теоретико-методологическом смысле многомерная классификация — более высокий уровень обобщения фактов. Она может выступать средством эмпирической типологизации социальных объектов.

В результате систематизации данных достигается приращение знания об объекте исследования (характеристики явлений внутри группы, особенности группы, некоторые отношения между группами). Однако более сложная задача конкретных исследований — выявление зависимостей между изучаемыми явлениями. Установленные зависимости являются фактологической основой для поиска более глубоких причинных структур, объяснения фактов на уровне уже теоретического анализа. Однако анализ зависимостей предполагает использование более строгих методов, нежели при группировке фактов¹.

2. Главная задача любого научного исследования — раскрытие причинно-следственных связей между изучаемыми явлениями. Окончательно выполнить эту задачу способен только теоретический анализ; на эмпирическом же уровне познания обнаруживаются лишь зависимости, которые сами нуждаются в теоретическом объяснении. Тем не менее поиск зависимостей — один из этапов обнаружения причинно-следственных связей. Эмпирические зависимости (в предельном случае — эмпирические законы) позволяют выявлять в многообразии фактов общие, устойчивые, повторяемые черты, которые являются отражением глубинных причинно-следственных связей².

В содержательном плане различают три блока связей правовой системы: генетические, т. е. внешние по отношению к праву, но определяющие его содержание, связи внутри правовой системы и обратные связи права с общественными отношениями, раскрывающие организующие и регулятивные функции правовой системы.

Говоря о задачах анализа этих связей, речь идет не только об установлении фундаментальных взаимодействий права и экономики, права и социальных отношений и т. п., но и «о конкретных сцеплениях между ними, выраженных в определенных механизмах взаимодействия и взаимовлияния»³. Устанавливаемые в социологических исследованиях зависимости проясняют вопрос о конкретном механизме действия связей правовой системы.

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование. М., 1972. С.193.

² Эмпирические законы — это «способ познания существенных, повторяющихся, отличающихся в границах определяющихся условий постоянством отношений», это способ постижения «конкретных форм всеобщности». (Ойзерман Т.И. Эмпирическое и теоретическое: различие, противоположность, единство // Вопросы философии. 1985. № 12. С.60.)

³ Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. М., 1986. Кн. 1. С.10.

¹ Елисеева Н.Н., Рукавишников В.А. Логика прикладного статистического анализа. М., 1982. С.37.

Действительно, внешние связи правовой системы в конкретно-социологических исследованиях принимают вид влияния социальных факторов (социальная структура, социально-демографические характеристики условия жизни и т. п.) на правовое сознание и поведение людей. Внутренние связи правовой системы также приобретают конкретную форму в эмпирических исследованиях (правовые ориентации и правовое поведение, деятельность юстиции и престиж закона и т. п.). Обратные связи правовой системы изучаются в конкретных исследованиях, в первую очередь при анализе эффективности юридических норм.

Зависимости, которые устанавливаются в конкретно-социологических исследованиях, могут служить исходной информацией для раскрытия в теоретическом анализе законов развития, функционирования и структуры правовой системы. Так, фактологический материал о развитии правовой деятельности фиксируется в конкретных исследованиях при изучении тенденций, прогнозировании и т. п.

Корреляционный и многомерный анализ, моделирование проясняют вопрос о структуре правовых явлений и взаимосвязях между элементами структуры правовой системы (функциональный аспект).

Различают два типа зависимостей: функциональную и статистическую. Под функциональной зависимостью между переменными понимается такая связь, которая с помощью строгой математической формулы может быть определено выражена для каждого конкретного случая. Здесь каждому значению одной величины соответствуют одно или несколько определенных значений зависимой переменной. Для социальных же явлений больше характерны статистические зависимости. В них связь между величинами проявляется не в каждом конкретном случае, а обнаруживается как тенденция, характеризующая всю совокупность анализируемых случаев¹.

Принцип совместного проявления событий гласит, что постоянное парное проявление двух признаков дает основание предполагать наличие связи между ними. Для определения данного типа зависимостей могут использоваться коэффициент ассоциации (в таблице 2 x 2) и коэффициент взаимной сопряженности. Указанные коэффициенты применяются для опре-

¹ Так, установлена зависимость между уровнем образования и уровнем правовых знаний (более образованные граждане в среднем лучше знают право). Однако это не значит, что для каждого случая это соотношение имеет силу. В исследуемой совокупности можно встретить лиц с высоким уровнем образования, но плохо знающих право, и наоборот. Зависимость проявляется только как общая тенденция повышения уровня правовых знаний при переходе от низких к более высоким образовательным группам.

деления зависимости между двумя переменными, измеренными на номинальном уровне. Поэтому они широко используются при исследовании качественных признаков¹.

Вторая группа методов основана на принципе ковариации, т. е. параллельного изменения в рядах исследуемых переменных. Если для двух рядов количественных данных изменения в одном из них согласуются с изменениями в другом, есть основание предположить о наличии связи между этими рядами. Принцип ковариации не может использоваться для переменных, измеренных на номинальном уровне.

В случае порядкового шкалирования применяются коэффициенты ранговой корреляции². Расчет коэффициента корреляции позволяет установить степень связи между двумя явлениями³.

В юридической социологии, при использовании коэффициентов ранговой корреляции ограничиваются, как правило, оценкой связи между двумя рядами (двумя переменными). Однако сложность социально-правовых явлений требует применения более адекватных процедур. В случае порядкового шкалирования следует, на наш взгляд, шире использовать множественные коэффициенты ранговой корреляции, которые позволяют измерять связи большого числа ранжированных переменных.

Для анализа связей, измеренных на метрическом уровне (интервальная шкала и шкала отношений) широко используется корреляционный анализ, который основан на расчете отклонений точек от линии регрессии. Чем больше разброс точек, тем слабее связь⁴. Корреляционный анализ наиболее широко используется в криминологических исследованиях.

¹ Величина коэффициента указывает на силу связи (чем больше коэффициент, тем сильнее связь). Так, коэффициент взаимной сопряженности Чупрова равен 0 при полном отсутствии связи между переменными и равен 1 в квадратных таблицах в случае абсолютной связи между ними. Коэффициент Крамера может достигать 1 независимо от формы матрицы.

² См.: Правовая статистика. М., 1980. С.127-128.

³ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена теоретически принимает значения от +1 до -1. В случае полной прямой связи (росту одной величины соответствует рост другой) коэффициент равен +1. В случае полной обратной связи (рост А связывается с уменьшением В) коэффициент составляет -1. При полном взаимном, беспорядочном отсутствии связи коэффициент равен 0.

⁴ Коэффициент корреляции, как и коэффициент Спирмена, принимает значения от +1 до -1. В корреляционном анализе устанавливаются форма, направление и теснота связи. Так, по форме линия регрессии может быть прямой и кривой. По направлению связь может быть прямой и обратной. Сила (теснота) связи отражается величиной соответствующего коэффициента (коэффициент корреляции Пирсона, корреляционное отношение и т. п.).

В настоящее время в социологическом анализе используются также энтропийные меры связи между переменными. Их плодотворность для социологических исследований права отмечалась и в юридической литературе. Энтропия характеризует меру неопределенности предсказания о поведении данной величины. В случае слабой связи между двумя переменными трудно предсказать значение одной переменной при фиксированном значении другой; при усилении связей неопределенность предсказания уменьшается; соответственно растет значение коэффициента связи.

Уровень измерения признаков накладывает ограничения на применение тех или иных приемов установления связей. Так, на самом низком уровне измерения социальных характеристик (номинальное шкалирование) используются коэффициенты сопряженности. В случае измерения признаков по шкале порядка, к этим коэффициентам добавляется коэффициент ранговой корреляции. Что касается более строгих методов установления зависимостей (коэффициент корреляции Пирсона, корреляционное отношение и т. п.), то они применимы, только начиная с интервального уровня измерений. Таким образом, чем строже уровень измерения признаков, тем богаче и точнее арсенал статистических средств анализа зависимостей, что говорит о необходимости разработки более совершенных методов количественного описания правовых явлений.

3. Зависимости между двумя переменными при всей их важности для конкретно-социологического анализа огрубляют реальную картину взаимосвязи правовых явлений. Многофакторная обусловленность социально-правовых процессов требует раскрытия целого комплекса взаимосвязей. Парные корреляции не претендуют на эту роль в социологическом анализе. В то же время они могут служить исходной базой для использования более сложных методов поиска связей между многими переменными.

Так, к этим методам можно отнести множественный коэффициент ранговой корреляции, который измеряет связь между ранжированными рядами нескольких переменных одновременно. О нем мы уже говорили выше.

Другим приемом многопеременного анализа является построение графа, позволяющего выявить структуру взаимодействия всей системы переменных и представляющего собой простейшую модель объекта. Так, в форме графа может быть представлена структура взаимосвязи между компонентами правового сознания. В этом случае вершинами графа будут служить компоненты правосознания (знание права,

оценки, установки и т. п.). Ребра графа отразят картину связей этих элементов¹.

Рассмотренные методы в определенных ситуациях могут использоваться при анализе сложных причинных структур. Однако и они не в состоянии раскрыть всего богатства связей между социальными явлениями. Для этого в конкретной социологии применяют специальные методы многомерного (многопеременного) анализа. Их разработка и внедрение в исследовательскую практику (в частности, и в сферу юридической социологии) — реакция науки на сложность и необозримность исходного эмпирического материала. С помощью этих методов исследователь из широкого набора признаков выделяет ограниченное число характеристик, необходимых и достаточных для объяснения изучаемого явления.

Одним из таких методов является таксономия (распознавание образов). Мы уже говорили о нем как о способе систематизации исходного массива данных, который позволяет разбивать большое количество изучаемых объектов на значительно меньшее число однородных групп (таксонов или образов). Таксоны могут интерпретироваться как устойчивые социальные типы. Несмотря на то, что они выявлены путем эмпирической типологизации, есть серьезные основания полагать, что разбиение объектов на однородные, отличающиеся друг от друга классы вызвано различиями в существенных свойствах социальных явлений². Конечно, подобный вывод в каждом конкретном случае должен быть теоретически обоснован, так как выявление существенных свойств объектов в конечном счете осуществимо только на уровне теоретического анализа. Таксономия — начальный пункт, а не итог теоретической интерпретации эмпирических данных большого объема и значительной меры сложности.

Задача таксономии — поиск скрытых закономерностей путем группировки объектов со сходными признаками. Другой класс многопеременных процедур направлен на установление причинных зависимостей посредством группировки признаков, взаимосвязанных между собой. Основными методами здесь являются факторный анализ, многомерное шкалирование и кластерный анализ.

¹ Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980. С.21.

² Примеры использования рассматриваемого метода см.: Блувштейн Ю.Д., Заблоцкая И.М. Модель распознавания образов в криминологических исследованиях // Вопросы борьбы с преступностью. 1975. Вып. 23. С.78-79.

Факторный анализ находит все большее применение в конкретно-социологических исследованиях права. Идея метода состоит в том, что взаимосвязь (или вариация) наблюдаемых признаков рассматривается как результат действия ограниченного числа скрытых причинных факторов. Факторный анализ «приводит к выделению определенного числа основных факторов, лежащих в основе рассчитанных корреляций. Выделение таких основных фундаментальных влияний или факторов позволяет продолжить исследования взаимосвязи признаков и тех закономерностей, которым они подчиняются»¹.

Так, например, использование факторного анализа позволило обобщить данные о влиянии нескольких десятков демографических и экономических характеристик на состояние преступности. В результате анализа было выделено четыре укрупненных фактора, которые оказывают воздействие права на нарушения. Причем первый фактор (уровень урбанизации) объяснил взаимосвязь 8 признаков, второй фактор (структура занятости населения) — взаимосвязь 14 признаков и т. д.².

Разработаны две основные разновидности методов факторного анализа: центроидный метод (более традиционный) и метод главных компонент. Первый метод основан на анализе корреляций между признаками; второй — на анализе дисперсий³. Однако теоретико-методологический смысл данных процедур является общим, что и позволяет нам в дальнейшем отвлечься от их конкретных особенностей.

Факторный анализ обладает серьезными познавательными возможностями. Подобно другим многомерным методам он позволяет компактно упорядочить разнообразные данные об объекте, свести их к ограниченному кругу основополагающих характеристик. Так, по расчетной формуле Л. Терстоуна, в центроидном методе при выделении 5 факторов минимальное число первичных признаков должно составлять 9 (на практике

¹ Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С.77.

² Хан-Магомедов Д.О. Математические методы изучения преступности и практики применения наказания при разработке проблем уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С.151-152.

³ В социологических исследованиях права используются оба метода. Так, например, Ю.Д. Бояджиева применила центроидный метод при изучении преступности несовершеннолетних (см.: Бояджиева Ю.Д. Математические методы в криминологических исследованиях (Корреляционный и факторный анализ). М., 1977); метод главных компонент использовался при анализе правовых знаний населения (см.: Андрукович П.Ф. Применение метода главных компонент в практических исследованиях. М., 1973).

количество признаков берется значительно большим). В методе главных компонент выделяется, как правило, 5-10 факторов, в то время как число исходных признаков в несколько раз больше. Эти примеры говорят о том, какой мощной способностью «сжатия» избыточных данных обладает факторный анализ. Конечно, подобное сведение данных должно осуществляться без существенных потерь информации, содержащейся в исходном множестве признаков.

Одновременно факторный анализ не просто устраняет избыточную информацию, затушевывающую общую картину. Он позволяет отделить существенные признаки от несущественных путем перехода от внешних свойств объекта к его внутренним, скрытым характеристикам, которые непосредственно нельзя измерить в данном эксперименте. Последние могут интерпретироваться в качестве объясняющих переменных, т. е. причинных факторов, определяющих взаимосвязь внешних признаков. Существенно при этом, что факторный анализ способен дать нетривиальное решение, которое «нельзя предвидеть и усмотреть, не применяя специальную технику извлечения факторов»¹.

В то же время достоинства метода не должны заслонять те слабости и ограничения, которые ему присущи. В противном случае возможны серьезные ошибки в интерпретации материалов факторного анализа. Особое место в исследованиях занимают модели.

4. Существуют различные классификации моделей. В зависимости от решаемых проблем различают функциональные и структурные модели; с точки зрения задач — эвристические и прогностические модели; по методам построения моделей — метрические и неметрические и т. п.². В социологии права используются различные конкретные модели этих классификаций³.

§ 2. О выборе методов изучения проблемы

1. При определении конкретных методов изучения права правильнее исходить не из отдельных сторон, а из общемето-

¹ Осипов Г.В., Андреев Э.П. Методы измерения в социологии. М., 1977. С.124.

² См.: Рузавин Г.И. Математизация научного знания. М., 1984. С.70-88.

³ Подробнее о моделях в юридической науке см.: Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980; Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.

дологических принципов, разработанных в теории и проверенных на практике. Опыт показывает, что конкретные методы исследования должны способствовать получению объективных и полных данных об изучаемом объекте, содержательной и достаточной по объему информации, исследованию мнения различных групп людей. Они должны также соответствовать задачам и целям, стоящим перед исследователем, особенностям исследуемого объекта и реальным возможностям организатора и исследователя. Любой другой подход был бы односторонним, поскольку в этом случае исследователь использует конкретные методы, которые не в состоянии раскрыть в достаточной степени сущность и особенности исследуемой проблемы. В то же время накопленный опыт свидетельствует, что с успехом могут применяться следующие конкретные методы: наблюдение, анализ документов, всеобщие обсуждения, научно-теоретические конференции, анализ практической деятельности людей, интервью, анкеты. В зависимости от характера, целей и задач конкретного исследования могут быть использованы те или иные конкретные методы.

Эффективность любого метода зависит от того, какие стороны, моменты и особенности изучаются, какие цели и задачи ставятся перед исследователем. Если, например, исследуется степень распространения функционирующего общественного мнения, то одним из самых эффективных конкретных методов может служить анкетирование. Но если его содержание изучается только с помощью анкетирования, то не всегда можно получить достаточно полную информацию. Поэтому следует использовать массовое наблюдение, анализ документов и практической деятельности людей. Ни один из указанных конкретных методов не может считаться самым подходящим, самым эффективным и самым научно обоснованным. Каждый из них по-своему эффективен и результативен.

Важное теоретическое и практическое значение имеет научная классификация конкретных методов, применяемых при изучении общественного мнения.

В научной классификации в качестве критерия обычно используются объективно обоснованные принципы и предпосылки, а не отдельные элементы, характеризующие объект. Вот почему в данном случае речь идет не о группировке или систематизации конкретных методов, что имеет свое самостоятельное значение, а о раскрытии тех общих и специфических особенностей и признаков, которые объединяют их в логическую зависимость и обусловленность. Научная классификация конкретных методов позволяет раскрыть сходство, различия и направления исследования процессов и явлений,

разграничить признаки и привести в известный порядок и последовательность собранный фактический материал.

В качестве критериев классификации конкретных методов могут выступать различные стороны и моменты изучаемого предмета: его сущность как социально-психологического явления, характер исследования, объект, задачи, средства, особенности функционирования, технические предпосылки и т. п. Именно это многообразие усложняет и затрудняет выбор основного критерия. Если, например, исходить из характера объекта, то методы могут быть общими, частными и локальными, а если исходить из того, кто проводит исследования, то надлежит применять конкретные методы: интервью, анкету, наблюдение и т. п. Именно поэтому каждый отдельно взятый критерий может служить основой классификации конкретных методов. Но главное состоит в том, чтобы определить возможность более целостного логического обоснования и взаимосвязи между отдельными методами, определить, насколько соответствующая классификация позволяет зафиксировать конкретно и более точно сущность проблемы в целом.

Определяющее значение здесь имеет объект отражения, т. е. каков он по своему характеру, как отражаются его особенности, закономерности развития и т. д. Таким образом, классификация конкретных методов дает исследователю возможность использовать те из них, которые способны обеспечить необходимую по объему и содержанию информацию, главным образом о характере исследуемого объекта. На этой основе некоторые авторы определяют две основные группы методов изучения общественного мнения. В первую группу входят методы анализа внешних объективных фактов сознания, т. е. действия, поведение и отношения людей к процессам, явлениям, фактам.

Вторую группу составляют методы, изучающие отражение непосредственных фактов сознания, т. е. то мнение, которое не нашло объективного отражения в действиях и поведении людей¹.

Методы изучения отражения объективированных фактов сознания таковы: наблюдение — массовое, стихийное, организованное, открытое, однократное, многократное; изучение документов — личных, общественных; всенародные обсуждения — региональные, коллективные, профессионально-демографические; теоретические конференции — научно-теоретические, теоретико-практические, пропагандистские; анализ практической деятельности людей — дей-

¹ См.: Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. С.318.

ствие и поведение отдельной личности, коллектива, организации, группы.

Методы изучения отражения непосредственных фактов сознания следующие: наблюдения, интервью — свободное, полусвободное, стандартное, по телефону; анкетирование — прямое, косвенное.

По своему характеру и сущности наблюдение — сложный объективный психологический процесс отражения действительности. Его сложность обуславливается тем, что процессы и явления наблюдаются в непосредственной и естественной обстановке. Кроме того, место и роль исследователя как наблюдателя оказывает определенное влияние и воздействие на наблюдаемых, на подбор и обобщение информации. Но в большинстве случаев роль исследователя пассивна, поскольку он лишь фиксирует проявившееся мнение или отношение людей к процессам, фактам и явлениям. Использование наблюдения как метода дает возможность в самом широком плане изучить общественные процессы и явления.

В зависимости от места наблюдателя, от организации наблюдения и других факторов в социологии различаются несколько его видов: в зависимости от взаимоотношений между наблюдателем и наблюдаемыми — внешнее, внутреннее и экспериментальное; в зависимости от особенностей организации — запланированное и незапланированное, стихийное и организованное; в зависимости от объекта — частичное, общее, массовое, групповое, коллективное, индивидуальное и т. д.

Один из конкретных методов исследования проблемы — изучение документов. В социологии существуют различные взгляды на это понятие. Одни авторы сужают, а другие, наоборот, слишком расширяют его содержание. В письменных документах мнение выражено в более определенной форме. Но значительную и богатую информацию можно получить также и из анализа фотоснимков, записей, телевизионных передач и пр. Они также являются документами.

Практика показывает, что без анализа содержания изучаемых документов невозможно раскрыть ни мнения, которое выражено в них, ни специфических особенностей его формирования и функционирования.

Как конкретный метод изучения документов характеризуется некоторыми специфическими особенностями, которые определяют и его место в социально-психологических исследованиях.

Именно с помощью документов раскрываются и уточняются некоторые характерные особенности формирования, функционирования и способа проявления коллективного,

группового и индивидуального мнения, успешно выясняются место и значение отдельных объективных и субъективных факторов формирования поведения, механизм его образования и упрочения. Исследователь имеет возможность изучать, сопоставлять и анализировать выявленные факты более продолжительное время, в одних и тех же или различных условиях и социально-демографических группах.

При изучения функционирующего мнения особое внимание уделяется его интенсивности и распространению. Выяснение этих моментов имеет важное практическое значение для правильного руководства процессом формирования общественного мнения, ибо его сила обуславливается не только диапазоном охвата, даже не столько тем, что фактически выявлено его субъектом и выразителем, сколько политической и правовой активностью масс, их реальным участием в решении конкретных задач.

Таким путем можно точнее выяснить, среди каких категорий населения, каким образом формировалось соответствующее мнение, каковы его направленность, общественная сила и т. д.

2. Для изучения отражения непосредственных фактов сознания применяются конкретные методы — интервью и анкета. Характерно, что при использовании этих методов полученная информация обычно поступает в форме словесного или письменного суждения и сообщения. Она дает возможность раскрыть некоторые моменты, связанные с внутренней мотивацией субъекта, с его конкретными поступками в прошлом и настоящем, планами, идеями и т. п. Это особенно важно для анализа содержания и специфических особенностей функционирующего закона, права.

Интервью и анкета позволяют исследователю раскрыть новые стороны проблемы. По сравнению с другими методами данные конкретные методы позволяют реципиентам свободнее и не смущаясь посторонних факторов, точнее и откровеннее высказывать свое мнение и отношение к поставленным вопросам. Как конкретные методы, они создают большие возможности для представительности, оперативности и широты охвата исследования.

Нет сомнения, эти методы очень важны для изучения проблемы, но они, на наш взгляд, не могут быть ведущими и определяющими. Дело не в тех сторонах и моментах каждого конкретного метода, которые в определенной степени ограничивают или расширяют его познавательные возможности, а в содержании, сущности и особенностях исследования. При определении того или иного метода в первую очередь следует

исходить из программы эмпирического социологического исследования, их характера и источников информации, из состава исследуемой совокупности людей и особенностей каждого конкретного метода. Эти требования являются обязательными и при использовании отдельных методов социологических исследований.

Как и другие конкретные методы, интервью и анкеты имеют некоторые специфические недостатки, которые наиболее ярко проявляются при их самостоятельном использовании. Речь идет о степени субъективизма информации, ее эффективности, «престиже», «анонимности», о реальных возможностях соответствующей организации, о целесообразности этой информации и ряде других предпосылок, которые необходимо выяснить и уточнить еще на подготовительном этапе.

Известно, что для общественного сознания как социально-психологического явления характерны гласность, определенная форма и степень обобщения. Однако некоторые факторы могут оказывать тормозящее и ограничивающее воздействие на выражение общностью и личностью мнения, еще не объективизированного обществом. Вот почему при применении этих методов надо не только раскрывать тормозящие факторы и предпосылки, но использовать такие приемы и формы, которые способны ограничить и свести к минимуму их влияние и воздействие на объем и содержание получаемой информации.

Организация и структура социологических исследований по своей сущности есть комплексная, целенаправленная и научно обоснованная программа действий со своими закономерностями и особенностями реализации, которые необходимо предварительно выяснить. Независимо от характера и особенностей общественного мнения как социально-психологического явления основные принципы организации его исследования не отличаются существенно от принципов эмпирических социологических исследований, но и не идентичны им. Общие принципиальные положения конкретизируются, «модифицируются» и «специализируются», отражая специфику, следует, это учитывать при подготовке исследования.

3. Подготовка и проведение эмпирических социологических исследований, в том числе и с целью изучения общественного мнения, реализуются в трех взаимосвязанных этапах: первый этап — подготовка, пробное исследование; второй этап — проведение исследования и третий этап — обработка полученного материала.

Каждый из этих трех этапов обладает своей внутренней структурой и особенностями. Подготовка конкретного социологического исследования включает:

программу, в которой ставятся цели и задачи исследования, указывается, какая информация должна быть обеспечена, какими должны быть объект и субъект исследования, различные организационные вопросы;

проект обработки, в котором выясняются способ и методы обработки полученной информации;

организационный план, который содержит вопросы, связанные с организационной и технической подготовкой и проведением соответствующего исследования;

документацию для проведения исследования и регистрации результатов.

Таким образом, на этапе подготовки осмысливается целостный план конкретного исследования. Важнейшим и определяющим моментом на данном этапе является выработка программы.

Все эти моменты тесно взаимосвязаны и обуславливаются процессом самого конкретного исследования уже на этапе его проведения.

§ 3. Экспериментальная проверка гипотез в социологии права

1. Экспериментальная проверка научных гипотез — одна из наиболее существенных форм воздействия конкретных исследований на развитие теории. Последнее обусловлено местом и ролью гипотез в научном познании.

Выдвижение и проверка гипотез является необходимым условием развития научного знания на любом этапе науки. Для теории, находящейся в стадии становления, развернутые системы гипотез могут служить прообразом ее будущих концептуальных схем. Для зрелых теорий гипотетические построения — средство ассимиляции новых фактов, пересмотр ее устаревших положений.

Гипотезы — это научно обоснованные предположения о структуре социальных объектов, о характере элементов и связей этих объектов, о механизме их функционирования и развития. Гипотезы в конкретных исследованиях права выдвигаются на этапе разработки программы как предположительный способ решения научной проблемы. Соответственно они выступают конституирующим фактором всего дальнейшего процесса исследования.

В то же время выдвижение гипотез — это и своеобразный итог теоретической деятельности исследователя при разработке программы. Действительно, гипотезы непосредственно связаны с постановкой проблемы, так как степень ее содержательности во многом предопределяет и научную плодотворность гипотез. Требования эмпирической проверки гипотезы связывает ее с таким этапом, как интерпретация понятий, ибо только строгость операционных определений обеспечивает возможность сопоставления выводимых из гипотез следствий с опытными данными. И, наконец, системный анализ предмета позволяет очертить круг переменных и основные связи между ними, относительно которых выдвигаются детализированные гипотезы.

Связь гипотезы с концепцией исследования объясняет роль теоретического анализа в ее обосновании. Однако гипотеза в отличие от теоретического вывода не следует с логической необходимостью из теоретического знания. Гипотеза и теоретический вывод отличаются по истинности исходных посылок. В гипотезах правильность исходных посылок проблематична до тех пор, пока она не будет проверена опытом. Принцип эмпирической проверяемости гипотезы требует соблюдения правил логического вывода следствий из гипотез — оснований и отсутствия в гипотезах-следствиях неверифицированных терминов.

Логической схемой подтверждения гипотезы является редукция. При ее сравнении с дедуктивной схемой выявляется отличительная особенность вывода об истинности гипотезы — он не носит необходимого характера. Действительно, дедукция осуществляется по следующей схеме: «Если истинно высказывание А, то истинно высказывание В; А истинно, следовательно В истинно». Истинность В следует с необходимостью из условного высказывания и истинности А.

Редукционная схема иная: «Если истинно А, истинно В; В истинно, вероятно, А истинно». Здесь заключение делается относительно истинности А (в нашем случае — гипотезы) из условного высказывания об истинности В. Оно не является логически необходимым и носит вероятностный характер¹.

¹ Вероятностные выводы имеют различные градации, или уровни доказательности знания, начиная с маловероятных, т. е. крайне ненадежных, суждений, до положений, непосредственно смыкающихся с достоверным знанием. Поэтому степень обоснованности вывода по редукционной схеме необходимо оценивать с учетом каждого конкретного случая. Наибольшая вероятность истинности возникает, когда обнаруживаются ранее неизвестные, но предсказанные гипотезой факты.

2. Наиболее сильным способом проверки научных гипотез является эксперимент. Познавательная сила эксперимента обусловлена тем, что он, как деятельность, выступает видом человеческой практики (научной практики), которая в целом является критерием истины.

Эксперимент в науке выступает как единство познавательной и практической деятельности. Роль эксперимента как одной из форм научной практики возрастает в условиях превращения науки в производительную силу общества. Это справедливо не только для естественно-научных, но и для социальных экспериментов. Последние используются в практике социального планирования и управления для выработки научно обоснованных управленческих решений (созидательный эксперимент). В области права эксперимент все чаще выступает компонентом нормотворческого процесса. Так, разработка концепций новых нормативных актов невозможна без их всесторонней и серьезной экспериментальной проверки. Однако на практике нередко предложения по новым законам даются учеными без должного обоснования. Необходимо использовать имеющиеся в юридической науке широкие возможности для проведения экспериментов по повышению эффективности правотворческой деятельности¹.

В настоящее время не только в основном преодолено мнение о невозможности эксперимента при изучении социальных явлений, но и накоплен определенный опыт использования экспериментальных процедур в научном анализе. Это положение справедливо и для правовой науки. В ней нарастает число публикаций как по проблемам методологии и методики экспериментирования в праве, так и по результатам исследований, построенных с учетом требований экспериментального плана. Однако в целом многие проблемы в этой области еще ждут своего решения.

Эксперимент как научная процедура — это метод получения знания об объекте путем воздействия на него управляемых и контролируемых факторов. Активное воздействие исследователя с объектом, возможность вычленения действия причинного фактора и неоднократного воспроизведения экспериментальной ситуации делают эксперимент самым действенным методом конкретно-социологического исследования. В отличие от наблюдения эксперимент дает возможность «очистить» объекты от случайных явлений, нивелировать их и тем самым обнажить связи детерминации.

¹ Кудрявцев В.Н. Актуальные вопросы укрепления связи юридической науки и практики // Советское государство и право. 1985. № 2. С.11.

В социологических исследованиях права эта проблема выступает как специфическая задача вычленения действия правового фактора из всей системы детерминации, которая наиболее остро стоит перед исследователями эффективности юридических норм¹. Так, одним из показателей эффективности правовой нормы может служить степень достижения ее целей. Однако сам по себе это весьма условный показатель, так как норма действует не изолированно, а в системе с другими социальными факторами. Положительный эффект может быть достигнут и за счет действия других, неправовых факторов при слабой эффективности нормы. И наоборот, достижение положительного эффекта может тормозиться действием неправовых факторов, сводящим на нет регулируемую роль и совершенного нормативного акта. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо определить меру воздействия на социальное изменение собственно правовой нормы. Теоретический анализ этой проблемы, опирающийся также и на результаты конкретных исследований показывает, что подобное вычленение как определение результата действия правовой нормы, изолированной от всей системы других факторов, вряд ли достижимо. Поэтому «вычленение не просто механическое выделение веса того или иного фактора, а определение его количественного значения с учетом взаимосвязей с другими факторами, обуславливающими состояние изучаемого процесса»². Соглашаясь в принципе с данным положением, следует отметить, что такой подход все-таки не снимает полностью трудности в проведении реального эксперимента. Он приемлем в сравнительно простых ситуациях, когда число таких факторов сравнительно невелико. При их увеличении исследователь сталкивается с эмпирической неэкспериментальной ситуацией, в которой проблема «упирается в наличие сложной системы множественных связей, каждая из которых не может быть изолирована и проконтролирована в эксперименте»³. Такая проблема, на наш взгляд, может быть решена путем мысленного экспериментирования, в частности с помощью разработки и решения причинных моделей.

¹ См.: Эффективность действия правовых норм. Л., 1977; Эффективность правовых норм. М., 1980.

² Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9. С.38.

³ Глазырин В.В., Никитинский В.И. Методика изучения уровня эффективности правовых норм // Эффективность правовых норм. М., 1980. С.179.

Таким образом, необходимость учета влияния всей системы условий при изучении действия правового фактора не исключает возможности проведения эксперимента в юридической науке. При этом следует отметить, что сам правовой фактор является сложной системой. Поэтому, например, при изучении эффективности законодательства, регламентирующего производственную деятельность, многие эксперименты являются, по существу, экономико-правовыми, где экономика и право выступают вместе¹. По аналогии можно говорить о политико-правовых, культурно-правовых и других экспериментах. В этом проявляется единство материального содержания и юридической формы закона, которую можно разорвать только в абстракции, но не в реальном эксперименте. Иными словами, понятие собственно правового эксперимента — это в определенной мере идеализация. Сказанное не означает, что чисто правовых экспериментов не существует. «К такого рода экспериментам могут быть отнесены... те, которые связаны с принятием экспериментальных норм, имеющих правоохранные и некоторые другие цели, условно названные нами юридическими»². К этому следует добавить, что к преимущественно правовым можно отнести эксперименты в сфере процессуального права. Это относится, например, к введению суда присяжных в Российской Федерации.

Сложность связей детерминации проявляется не только во множественности причин, но и во множественности следствий (зависимых переменных). Как правило, социальные исследования имеют дело не с одним элементарным следствием, а с системой следствий, из которых они могут охватить лишь некоторые фрагменты. Отсюда трудность экспериментальной проверки гипотезы, так как подтверждение данного следствия не позволяет в полной мере судить об обоснованности гипотезы. Возможно, что данное следствие принадлежит нескольким гипотезам. Выход из этой ситуации — проверка как можно большего числа следствий из гипотезы. Но это соответственно усложняет экспериментальную процедуру.

Для правовых экспериментов проблема учета времени действия причинного фактора приобретает особую остроту особенно при изучении эффективности опытных норм. Р. Лукич справедливо пишет, что эксперимент обычно длится непродолжительное время и поэтому причинная связь может

¹ Лазарев В.В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области права // Правоведение. 1966. № 1. С.17.

² Никитинский В.И. Эксперимент как метод поиска оптимальных вариантов правовых решений // Эффективность правовых норм. С.256.

быть не установлена с полной надежностью¹. Действительно, эффект действия нормы не осуществляется по схеме «стимул — реакция». Нередко требуется время, чтобы действие нового закона вызвало позитивные социальные изменения. Поэтому, когда исследователь после эксперимента не обнаруживает ощутимых изменений в объекте, у нас нет полной гарантии неэффективности нормы. Может иметь место несовпадение времени эксперимента и времени развертывания причинного фактора². Возможна и другая ситуация: эксперимент зафиксировал изменения в объекте. Однако и здесь не всегда есть уверенность в том, что это не временный эффект и что, отреагировав на воздействие, система по прошествии определенного периода не вернется в исходное состояние. В социологии права имеются примеры подобной инерционности правовой сферы.

3. В зависимости от содержания экспериментального фактора в юридической социологии мы можем выделить две группы экспериментов. В первой группе экспериментальной переменной сами правовые нормы не выступают, во второй — право является экспериментальным фактором. Так, к экспериментам первой группы можно отнести исследования эффективности правовой пропаганды и правового воспитания населения, эффективности профилактики правонарушений и т. п., если эти исследования проводятся с учетом требований экспериментальных процедур³. Однако наибольший интерес представляют эксперименты второй группы, когда опытным путем на локальном объекте проверяется новый законодательный акт⁴.

В социологии различают активно направленные и естественные эксперименты. В активном опыте исследователь сам вводит в действие экспериментальный фактор как гипотетическую причину предполагаемых следствий. В естественном эксперименте импульс изменения объекта не вводится социологом, а возникает как результат естественного хода событий.

¹ Лукич Р. Методология права. С.231.

² В этой связи изучение проблемы социального времени и пространства в социологии права представляет собой новую и важную область научного анализа. (См., напр.: Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С.220-221.)

³ В подобных ситуациях также возникает проблема вычленения действия изучаемого фактора, например влияния собственно фактора правового воспитания и правовой пропаганды на правосознание людей. (См.: Головченко В.В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии и методика измерения. Киев, 1985. С.106-110.)

⁴ Карбонье Ж. предлагает называть эти эксперименты законодательными (См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. С.268.)

Задача исследователя — определить, в какой мере ожидаемые в соответствии с его гипотезой следствия совпадают с реальными изменениями объекта. Законодательный эксперимент является активно направленным, так как опытная норма всегда вводится в жизнь с целью проверки ее эффективности. Однако и естественные эксперименты представляют большую познавательную ценность. Они как бы ставятся самой жизнью и открывают широкие возможности для исследователя права. К. Кульчар справедливо замечает, что «можно считать введение в действие любой правовой нормы опытом, проводимым... в естественной среде, если удастся выделить из нее общественные последствия, непосредственно связанные с этой «независимой переменной»¹. Естественные эксперименты не низводят исследователя до роли пассивного наблюдателя. Они предполагают активную творческую деятельность по выявлению последствий правового фактора и здесь также возможен достаточно строгий контроль переменных. Тем не менее активно направленные законодательные эксперименты позволяют получать информацию о качестве закона оперативнее, а главное, еще до его повсеместного введения. Тем самым существенно уменьшается риск принятия несовершенного нормативного акта.

Познавательные возможности законодательного эксперимента могут быть реализованы только при соблюдении всех научных требований экспериментальной процедуры. Однако на этом пути имеются трудности объективного и субъективного плана.

Все сказанное ранее о специфике и проблемах социальных экспериментов в полной мере относится и к законодательным экспериментам. К этому следует добавить, что для последних особенно важен отбор типичных локальных объектов для проверки опытного нормативного акта. Кроме того, необходимо, чтобы условия проведения эксперимента оставались нормальными. Так, например, при проведении некоторых хозяйственных экспериментов создаются льготные условия для их участников, что является нарушением принципа объективности². Нарушает чистоту эксперимента и ухудшение условий для участников эксперимента (усиление контроля и требовательности сверху, повышение ответственности за исход эксперимента, обстановка нервозности, дефицит времени и т. п.).

¹ Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981. С.183.

² См.: Губин Е.П. Правовые и методические основы проведения экономических экспериментов // Советское государство и право. 1986. № 12. С.79.

4. Следует учитывать и психологические особенности законодательных экспериментов. Как отмечается в литературе, и «законодательный эксперимент связан с очевидными неудобствами. Зная о том, что закон не окончателен, недозвольные им лица склонны выжидать, а не действовать в соответствии с ним»¹. Следовательно, при анализе результатов эксперимента следует вносить соответствующие поправки.

Практика проведения законодательных экспериментов сейчас значительно расширяется. Одним из ярких примеров подобных экспериментов является введение системы пропорциональных выборов, многомандатной системы и т. д.

Так, при изучении эффективности опытной локальной нормы ее нельзя вводить повторно на одном объекте. Для погашения эффекта неучтенных факторов, по-видимому, здесь уместен другой прием: введение опытной нормы на ряде идентичных объектов, которые условно рассматриваются как серия повторных замеров на одном объекте. Например, исследование влияния годового вознаграждения на текучесть кадров, проведенное ВНИИ СЗ, было построено по данному принципу. Исследователи отобрали 44 предприятия, выравненных по основным параметрам (условия труда, техническая оснащенность, организация труда и т. д.), но отличающихся только одним показателем — средним размером годового вознаграждения (экспериментальный фактор). С помощью корреляционного анализа определялась сила связи между размером вознаграждения и текучестью кадров². Как видим, логическая схема эксперимента строилась по методу сопутствующих изменений.

Сложности в проведении натурного эксперимента (невозможность полного устранения действия неучтенных факторов, сложность контроля за известными факторами, трудности в повторном воспроизведении экспериментальной ситуации) повышают значение мысленного экспериментирования в социологии права, в котором реальные объекты замещаются информацией об этих объектах.

Метод мысленного эксперимента обладает широкими возможностями в социологии права, особенно если учесть сложность проблемы социального времени для действия права.

Применим он и в других ситуациях. Так, в криминологии при изучении личностных особенностей правонарушителей стало общепринятым сравнение экспериментальной (преступники,

отбывающие наказание) и контрольной (лица с позитивным поведением) групп. Эти группы выравнены по всем основным социальным и демографическим характеристикам (пол, возраст, образование и т. п.). Исследователи оценивают, имеются ли значимые различия между группами по отношению к праву (гипотетический экспериментальный фактор)¹. Ясно, что здесь анализ обращен в прошлое, так как предполагается, что изъяны в правосознании были одним из факторов совершения преступления лицами из экспериментальной группы.

Итак, использование эксперимента как способа проверки научных гипотез существенно повышает статус конкретных исследований в социологии права, расширяет их познавательные возможности. Без выдвижения гипотез не может развиваться теоретическое знание. Однако проверка их обоснованности осуществляется в плоскости эмпирического уровня знания путем сопоставления выводимых из гипотез следствий с опытными данными. Эвристическая ценность эксперимента состоит в том, что он является приемом активного взаимодействия исследователя с объектом, разновидностью научной практики. С его помощью создаются условия, соответствующие логике проверки гипотез, осуществляется реальное воздействие на объект и измеряются результаты действия гипотетического причинного фактора. Никакой другой метод не в состоянии обеспечить выполнения всех этих условий. Социология права располагает определенными возможностями для проведения реальных экспериментов. Она также в состоянии использовать и процедуры мысленного экспериментирования путем разработки причинных моделей, ретроспективного анализа, моделирования и т. п. Тем самым научная проверка гипотез получает еще более надежный фундамент.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Что такое статистическая группировка? По каким признакам обычно группируются статистические данные при исследованиях в области правовой социологии?

2. Постройте график, изображающий взаимосвязи между правосознанием населения, законотворческой деятельностью, правоприменительной практикой и состоянием право-

¹ Миньковский Г. М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. С. 32.

¹ Карбонье Ж. Юридическая социология. С. 268.

² Эффективность правовых норм. С. 184-186.

порядка и законности в стране. Какие еще социальные и психологические явления и процессы должны быть изображены на этом графике?

3. Чем различаются анкета и интервью? Как избежать влияния исследователя на опрашиваемого (анкетированного, интервьюируемого)?

4. Допустимо ли «включенное наблюдение» при исследованиях в сфере социологии права? А в сфере криминологии? Каковы ограничения в использовании этого метода?

5. Допустим ли социально-правовой эксперимент? Если да, то в чем он может состоять и как Вы мыслите его проведение?

□

Глава IX Основные черты зарубежной социологии права

§ 1. Социальная концепция права: методологический аспект

1. Рассмотрение права в социальном контексте в зарубежной науке связывается с развитием социологической мысли в конце XIX и в начале XX столетия. В этот период теория права утрачивает свой относительно монистический характер. Начинается дифференциация на «общую теорию права», «философию права» и «социологию права»¹. Предпринимаются усилия по обновлению методологии науки, преодолению накопившихся в ней проблем и внедрению новейшего технического инструментария.

Упомянем, в частности, успехи в распространении конкретно-социологических исследований, особенно в области криминологии, семьи и брака, а также в сфере изучения факторов законодательной, судебной и административной деятельности.

С другой стороны, делаются попытки гибридизации самих методов наряду с синтезированием знаний, полученных в смежных с правом научных дисциплинах. В области методологии эти попытки привели к внедрению в процесс социально-правовых исследований таких подходов, как структурно-функциональный, системно-структурный, социально-психологический, логико-семантический и т. п.

Такая ситуация особенно характерна для США, где исследования в большинстве случаев носят прикладной и утилитарный характер. Нередко они осуществляются по заказам фирм, корпораций или правительства и преследуют цель решения конкретных задач.

Характерной для современной западной, в частности американской, теории является такая ситуация, когда каждое правовое течение имеет своих сторонников. Поэтому ни одна правовая доктрина там не преобладает, ни одна из них не воспринимается полностью². Вследствие этого складывается весьма своеобразная ситуация, когда наиболее рациональным подходом объясняется заимствование в переработанном

¹ Боботов С.В. Буржуазная социология права. М., 1978. С.74.

² См.: Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С.21-24.

виде концептуальных схем из разных теорий и синтез порядковых методов. Американские ученые признают, что в отличие от стран, где правовая мысль находится под влиянием единой концепции, американская теория права является одновременно рациональной, эмпирической, реалистической, моралистской, позитивистской, индивидуалистической. Однако считается, что такая эклектика не является отрицательным показателем, поскольку подобная гибридизация методологических приемов обусловлена тем, что американские юристы рассматривают правовые теории и методы не абстрактно, а в контексте исторического развития правовой системы США, учитывая также насущные потребности практики и национальные традиции.

В западно-европейских странах дело обстоит иначе. В таких странах, как Франция, Италия, ФРГ и частично Великобритания, имеется тенденция к тому, чтобы обеспечить систематическое и более или менее единообразное представление о действующем праве преимущественно с позиций неопозитивизма. Именно с учетом положительного значения права в регулировании общественных отношений пишутся курсы по отраслям права, а в ряде случаев и хрестоматийные пособия, рассчитанные как на студентов, так и на всю касту практикующих юристов.

2. Для современного состояния правоправедения характерны три важнейшие тенденции, указывающие на попытку обновления методологического и концептуального аппарата исследований.

Во-первых, несмотря на стремление отдельных ученых, в частности социологов, нормализовать отношения между теоретической и прикладной частями в проведении научных исследований, разрыв теории и эмпирии приводит к тому, что не достигается логическая связь между общим и особенным, а также нарушается принцип конкретности истины.

Основная цель, которую традиционно ставила перед собой методология, — разработка идеальной модели познания. Критерием научной состоятельности такой модели является сочетание теории и эмпирии, достижение логической связи между общим и конкретным, между тем, что уже познано и не подлежит сомнению, и тем, что должно быть изучено и проверено. Волна эмпиризма создает определенные трудности в разработке верифицированной методологической теории, и проф. А.-Ж. Арно (Франция) в одной из последних своих работ акцентировал внимание на этом обстоятельстве. Обращаясь к социологам права, он настоятельно рекомендует исследователям права избавиться от «чистого эмпиризма»

и разработать глобальный подход, в котором были бы соединены воедино социально-психологический, философско-эпистемологический и логико-семантический подходы к изучению права и социально-правовых комплексов¹. Он подчеркивает, что разум (теория) и рациональная концепция, т. е. (практический подход) в правоправедении должны образовывать гармоничное единство и действовать слитно вопреки тому, как это было в прошлом, когда «выдающимся кодификаторам» начала XIX в. больше всего импонировали волюнтаристские идеи, основанные на чувственном эмпиризме и чисто рациональных воззрениях в отношении роли права в жизни общества².

Во-вторых, в западном правоправедении длительное время противостоят два течения: рационализм и иррационализм.

Рационалисты строят свою методологию на разуме, признавая возможность постижимости человеческой природы и социальных свойств личности. По их мнению, личность и право образуют взаимодополняемые аналоги, соединяющие в одно целое разумное и природное начала в социальном взаимодействии людей. Поэтому с методологической точки зрения представляется возможным сконструировать идеальную модель правовой организации (правопорядка) исходя из рациональной концепции права и врожденных рационалистических свойств самой человеческой личности.

Иррационализм основан на противоположных постулатах; за правом и правовыми явлениями отрицается общезначимая ценность а priori. Следовательно, в господствующем правопорядке и складывающихся правоотношениях нет заранее установленной абсолютно развитой идеи; все действительно разумное постигается опытом и апробированными положениями из практики правоприменения.

¹ Подробнее см.: Arnaud A.-J. Critique de la raison juridique. Ou va la Sociologie du droit? Paris, 1981.

² Arnaud A.-J. Op. cit. P. 18. Авторская концепция А.-Ж. Арно раскрывается в доказательстве следующих взаимосвязанных положений: питательной средой для развития права и правовых теорий служит социальная регуляция в послесистемном сочетании всех ее нормативных компонентов, образующих инфраправо и определяющих развитие правовой системы в ее собственном значении; стержнем правовой системы любой социально-исторической формации является правовой разум, за которым признается критическая функция и конструктивная роль; новый и мощный импульс для развития правового разума дала юридическая социология, которая не обрела еще своего единства, поскольку она по-прежнему находится в плену дилеммы, характеризуемой разрывом между реальным состоянием объекта — то, чем занимаются социологи, и тем, каким оно должно быть, — то, чем занимаются ученые-юристы.

В результате столкновения рационализма с иррационализмом происходит противоборство и двух методологических начал — логико-гносеологического и рационально-прагматического. В первом случае защищается концептуальное оснащение правовой методологии, ее соединение с изучаемым предметом в рамках так называемых «теорий среднего уровня», несмотря на то, что сами методы и изучаемые проблемы трактуются в идеализированном виде. Во втором случае предпочтение отдается эксперименту, практическому опыту в использовании права как инструмента управления социальными процессами. Для иррационализма характерен эклектизм в использовании разнопорядковых методов, пренебрежение историческим опытом в угоду чистому эмпиризму и социологизму.

В-третьих, до сих пор не разработаны четкие критерии разграничения уровней исследования, в результате чего царит путаница в построении самой иерархии методов. В методологию, представляющую собой логико-гносеологическую функцию теории права, нередко зачисляются и частно-конкретные методы исследований, представляющие собой технические приемы, различные по своей познавательной ориентации, степени абстракции, целям и, наконец, по применимости к конкретным этапам в исследовании¹.

В результате в перечне методов, применяемых в рамках социологии права, в один ряд зачисляются и такие методы, как количественный, статистический, анкетный, представляющие собой технические способы реализации общесоциологического подхода.

Для того чтобы полнее представить эту картину, целесообразно охарактеризовать ее в рамках основных теоретико-философских взглядов на право и соответственно подходов к его изучению. Их по крайней мере четыре.

Позитивистский, сводящий понимание права к совокупности нормативных установлений, систематизированных по определенной, имеющей общепозитивное значение системе. Позитивизм отличает консервацию юридической теории, неизменность основных правовых категорий и понятий. Упор делается на совершенствование понятийных категорий и вообще правовой формы как оболочки социальных отношений, при этом правоведение ставится в один ряд с науками физическими и естественными. В области методов решающее значение позитивисты придадут логической и логико-семантической

¹ См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 197 и сл.

интерпретации норм, а также их нормативистскому истолкованию в духе идей Г. Кельзена¹.

Естественно-правовой подход трактует право в идеализированном виде как олицетворение высшей воли, источник абстрактно понимаемой справедливости. При этом основным методологическим приемом объясняется разум, исторический опыт и генетический анализ исследуемого правового явления.

Теория естественного права рассматривает прирожденные свойства людей в качестве источника права и исходной базы правотворчества.

В теории возрожденного естественного права решающая роль отводится разумному познанию права, рационалистическому обоснованию незыблемости и ненарушимости его принципов исходя из существования «априорных идей» и «неизменных принципов»².

Академик Р. Лукич в этой связи справедливо отмечает: «Как только возникает кризис и в обществе, и в сфере права, начинают расцветать различные школы естественного и божественного права: наиболее свежий пример — Западная Германия после второй мировой войны... Можно сказать, что в сегодняшнем мире одновременно существуют и используются самые разнообразные методы права, начиная от спекулятивно-религиозных и философских (идеалистических и материалистических) и кончая научными реальными и идеальными методами. Однако такие методы стали значительно более разработанными, гибкими и уточненными, а также гораздо более изученными с научной точки зрения»³.

Неотомистско-экзистенциалистский подход характерен тем, что социальная природа и функции права рассматриваются с позиций индивидуалистической сущности человека, как выражение специфических условий его конкретного бытия. Наличие же элементов саморегулирования в структуре поведения людей экзистенциализм объясняет присутствием в каждом индивиде особого духовного мира, определяющего его мотивационную структуру и линию поведения в каждой из сфер правоотношений. Сторонники этого подхода предлагают изучать право и правовые институты как формы индивидуальной и коллективной жизнедеятельности, как способы существования людей друг с другом. Поэтому в методологическом плане решающая роль отводится внутриспихологическому

¹ Подробнее о позитивизме см.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 197. С. 161-267.

² Туманов В.А. Цит. соч. С. 336 и сл.

³ Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 67-68.

анализу восприятия права и субъективной оценке правовых процессов на всех уровнях социальной структуры.

По мнению экзистенциалистов, с онтологической точки зрения право не столько детерминирует человеческое поведение в качестве фактора внешнего воздействия, сколько представляет собой форму самовыражения личностей, свойств человеческого характера. Таким образом, мир подлинно человеческого субъективен; он как бы противопоставлен внешнему миру с его социальными проблемами.

Исходя из этого основное требование, обращенное к правовому регулированию, состоит в том, чтобы сформулировать такие каналы и способы удовлетворения личных целей, которые не наносили бы значительного ущерба общим интересам. Следовательно, решение общесоциальных проблем будет тем успешнее, чем полнее будут удовлетворены своеобразные интересы отдельных индивидуумов.

Экзистенциализм делает акцент на изучении онтологической структуры права, причем явно гипертрофируется значение обратных связей бытия к правопониманию и процессу создания новых норм.

3. Социологический подход открывает несомненно более широкие горизонты в познании права и правовых явлений и имеет несомненные преимущества перед традиционными методами. Прежде всего потому, что расширяется предметный диапазон самих исследований (от отдельно взятой нормы до уровня сложных социально-правовых комплексов); во-вторых, обогащается технико-методологическая база исследований путем использования достижений общей социологии. Основным достоинством социологического подхода является то обстоятельство, что он не отвергает, а, наоборот, признает и расширяет междисциплинарный научный обмен в сфере разработки научных идей, концепций, методов и технических средств познания сущности правовых явлений. Так, например, социологический подход позволяет установить взаимосвязь права с другими общественными явлениями, и, в частности, раскрыть взаимодействие правовых факторов с социальными, психологическими, политическими и экономическими, определяющими материальную и духовную сторону в развитии общества¹.

В связи с этим нельзя не отметить и его главную особенность, состоящую в различении «мертвого закона» и «живого, гибкого права» и обусловленную противопоставлением,

отнюдь не при всех условиях корректным, должного и сущего, нормы и правоотношения. Как известно, реалистическое направление в социологии права довело это представление до крайности.

В США социологический подход был назван инструментальным, и не случайно. Во-первых, он по-новому понимает главную задачу правовой теории: сформировать по возможности непротиворечивую систему правовых представлений, что позволило бы как должностным лицам, так и рядовым гражданам использовать право более эффективно, тогда как господствовавшие в то время позитивизм и аналитическая юриспруденция делали упор на логику саморазвития права.

Кредо инструментализма заключается в сугубо утилитарном подходе к использованию законодательства как средства регуляции экономической деятельности и социальных процессов. Правовые нормы и институты рассматриваются прежде всего сквозь призму эффективности при достижении целей, поставленных верховной властью, причем сама эффективность, по мнению прагматиков-инструменталистов, должна изучаться в ее социальном преломлении как степень достижения общепользующих целей при минимуме затраченных средств и усилий.

Инструментальный подход оказался в наибольшей мере ориентированным на использование современной техники управления, а именно, на более рациональное и гибкое применение информатики, счетно-решающих устройств, установление более эффективных средств контроля за поведением, в частности, отклоняющимся, использование социологического инструментария для проверки эффективности норм как на стадии правотворчества, так и на стадии правореализации.

И тем не менее при более внимательном рассмотрении методы, синтезированные в рамках социологического подхода, в известной степени носят на себе отпечаток влияния одновременно и позитивизма и естественно-правовой философии, а также современного экзистенциализма и т. д.

Стремление к натурализации исследуемых правовых процессов и явлений, свойственное современному социологическому подходу, в ряде случаев приводит к механическому операционализму в понимании действия правовых механизмов и, как следствие этого, недооценке роли преобразовательной деятельности человека в совершенствовании социальных, и, в частности, правовых, отношений в обществе.

Сам по себе факт методологического оснащения правоведения социологическим инструментарием и социологическими методами не освободил юридическое мышление

¹ Луковская Д.Н. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972.

от иллюзий о всемогуществе права и переоценки значения правовой формы разрешения социальных проблем.

В связи с этим американский социолог Д. Уолш отмечает: «Коренной недостаток позитивистской социологии заключается в ее неспособности понять смысловое строение социального мира, вследствие чего позитивизм и выработал методологию, совершенно неадекватную природе исследуемого объекта»¹.

Частично влияние старых идей в создании новых методологических направлений и объясняется чрезвычайная пестрота исходных методологических постулатов, попытки их эклектического соединения для использования в научных целях. Слабость такого подхода очевидна, поскольку при этом скрывается «человеческий» характер социальных процессов. Это порождает абстрактность и неисторичность в их трактовке. Можно сказать, что в сегодняшнем мире одновременно существуют и используются самые разнообразные методы права, начиная от спекулятивно-религиозных и философских (идеалистических и материалистических) и кончая научными реальными и идеальными методами. Однако такие методы стали значительно более разработанными, гибкими и уточненными, а также гораздо более изученными с научной точки зрения².

На нескольких международных конгрессах юридической социологии рядом ученых были выдвинуты конструктивные предложения о преодолении узких мест в изучении права в рамках социологического подхода. Это преодоление возможно путем создания специализированных социологических процедур по изучению отдельных блоков знаний, таких, как правопонимание, нормативный комплекс, юридические профессии, функциональное взаимодействие права и юстиции, сочетание формальных (правовых) и неправовых средств разрешения социальных конфликтов. Профессора Ж. Комай (Франция) и Ж.-Ф. Перрен (Швейцария), ратуя за создание такого рода дифференцированных процедур, полагают, что они помогут создать новую модель или стратегию познания юридических реалий, скоординированную по направлениям поиска и достоверную по значимости и убедительности выводов.

¹ Уолш Д. Социология и социальный мир. // Новые направления в социологической теории. М., 1979. С. 51-52.

² Лукич Р. Цит. соч. С. 68.

§ 2. О методологии юридического позитивизма

1. Сформировавшийся в середине XIX в. на основании идей Д. Остина — основателя аналитической юриспруденции и К. Бергбома позитивизм возник на базе теории естественно-го права, под знаменем которого буржуазия шла к власти и боролась за ее укрепление. Но затем, после захвата власти, буржуазные идеологи ограничили распространение естественно-правовой доктрины, так как ее стали волновать не идеалы естественного права, а скорее, укрепление вновь складывающегося и ставшего господствующим правопорядка.

Развитие товарообмена, конкуренции, кредита и т. п. предполагало установление сложных договорных отношений, издание большего числа норм, их регламентирующих. Появились новые правовые институты, и отпочковались новые отрасли права, возникла потребность в систематизации и кодификации законодательства. Опираясь на исходные принципы позитивистской философии, были выдвинуты положения о том, что право по своей природе явление чисто эмпирическое; оно слепок со сложившихся экономических и политических отношений, их форма, внешняя оболочка. В мире фактов не должно быть места идеализированному понятию о праве, вытекающему из естественной природы человека; такие понятия относятся к области метафизики, а не реальной действительности.

Юридический позитивизм конечную цель юридической науки видел в том, чтобы вывести теорию права из области метафизических спекуляций, очистив ее от застывших идей и идиллических представлений о вечных и неизменных правовых принципах. Следовательно, с позиций позитивизма отбрасывалась и сама концепция естественного права, расцениваемая скорее в виде «утопии», идеальной модели, чем в виде реально осуществимой и апробированной на практике теории.

Юридический позитивизм, продолжая традиции формально-логической обработки правового материала, стремился рассматривать право как самодовлеющую форму в отрыве от содержания. Научные исследования сфокусировались на текстах права, на его источниках. Преимущественное значение отводилось изучению законов, а юридическая наука превращалась в догму, в комментирование и логическое объяснение текстов норм, их описание, обобщение, типологизацию и классификацию. Юридические дефиниции и конструкции целиком выводились из текстов, а все аксиологические, оценочные аспекты права, так же как и его связь с социальными явлениями и процессами, игнорировались.

Со временем широко применяемый позитивистами формально-логический метод, по существу, стал формально-догматическим, а правовая форма постепенно приобрела как бы вневременное, абсолютное значение. В конечном счете это привело юридическую мысль к фетишизации правовой формы, т. е. право стало рассматриваться в отрыве от жизни, от реальной действительности, что не могло не означать застоя в развитии правоведения.

Положительным в позитивизме, несомненно, было то, что на ранней стадии своего развития он способствовал укреплению буржуазно-демократической законности по принципу «суд только применяет, но не создает права». В свою очередь, соблюдение законности способствовало укреплению политической власти буржуазии, поскольку методы и пределы господства фиксировались в законодательной форме¹.

Наиболее ярким выразителем доктрины позитивизма был Г. Кельзен, который досконально разработал теорию позитивистской методологии права. В то время вопрос заключался в следующем: располагает ли право своими собственными специфическими правовыми методами, не применимыми в других науках? Г. Кельзен, как известно, отвечал на этот вопрос положительно, относя к таким методам догматический и нормативистский. По его мнению, именно эти методы и составляют предмет нормативной теории права, или позитивного права, рассматриваемого им лишь как совокупность явлений духовной жизни, как бы в качестве «чистого продукта» человеческого интеллекта. Между тем позднейшее развитие юридической науки доказало бесплодность попыток отрыва права от базиса, от совокупности социально-политических факторов, обуславливающих и генезис и развитие права как надстроечного явления.

Методологические заблуждения Г. Кельзена состояли в том, что он не пытался показать, в чем состоит действительная специфика догматического и нормативистского методов и соответственно ничего не предпринял для того, чтобы выявить, чем данные методы отличаются от таких же методов, применяемых по отношению к изучению других нормативных комплексов, например в этике как науке о нравственности. Вместе с тем Г. Кельзен, не отвергая в принципе возможности использования к познанию права других методов, таких, как социологический и психологический, принижал их методологический потенциал, считая их подсобными и подчиненными

¹ Подробнее см.: Туманов В.А. Цит. соч. С. 161-237.

по отношению к чисто правовым методам¹. Между тем именно эти методы послужили в дальнейшем созданию новых теоретико-методологических подходов к познанию права. Таковы социология права и правовая психология, импульс для развития которых закладывался уже в начале XX столетия, т. е. во времена Кельзена.

Признавая в правоведении чисто нормативную науку, он полагал, что она упорядочивает свой объект при помощи другой исходной логической категории. Принцип, в соответствии с которым естественные науки описывают свой объект, — это причинность; принцип, в соответствии с которым наука права описывает свой объект, — это нормативность. Речь идет не о нормативности как свойстве нормы права, в отличие от индивидуального предписания, а именно о методологическом принципе изучения права.

Кельзеновская трактовка методологии позитивизма выразилась в структурном обновлении методов и технических средств познания права, выражаемых общим понятием «нормативизм». Нормативизм заявил о себе новым конструированием понятия самого права. Если позитивисты определяли его через посредство властных факторов в лице государства, суверена, законодателя и т. п., то Г. Кельзен попытался отторгнуть право от нормоустановителя, который, однажды выразив свою волю, становился как бы ее покорным слугой, т. е. в свою очередь оказывался связанным правом, то, что в дальнейшем послужило пищей для идеи правового государства.

Между тем чистая система норм, освобожденная от метаюридических примесей, была и остается искусственно построенной конструкцией, фикцией, ибо ни при каких условиях невозможно противостоять растущему вмешательству государства в правовую жизнь общества и, следовательно, отделять правовой продукт от его создателя. Впрочем, это понимал и сам Г. Кельзен, когда он был вынужден ввести в научный оборот понятие основной нормы, которая одновременно

¹ Проф. Р. Тревес полагает, что вопреки общераспространенным взглядам Г. Кельзен внес значительный вклад в развитие социологии права и идеи социальной справедливости, поскольку он решительно восставал против спекулятивной трактовки ценностных свойств права с позиций вечных и абсолютных истин и, в частности, в полемике с Г. Канторовичем доказывал пользу социологического метода, который позволяет юристу лучше исследовать социальную природу правовых норм. См.: Freves R. Hans Kelsen et la Sociologie du droit// Rev. Intern. de Theorie du droit et de la Sociologie juridique. 1985. № 1. P. 18.

выступает и как элемент системы права и как логическая основа ее значимости в установлении эффективного правопорядка. И, таким образом, государство, по Кельзену, само становится частью господствующего правопорядка и отождествляется с правом.

2. К началу 60-х гг. в западной правовой методологии возникло движение за реставрацию старых традиционных онтологических и эпистемологических проблем. Одновременно возрождалась на новой основе и доктрина естественного права. Возрождение старых теорий и соответствующих методов давало возможность критического переосмысления позитивистской догмы в форме неопозитивизма. Виднейшими представителями неопозитивизма были Харт, Вильямс, Дворкин.

Неопозитивизм использует по отношению к понятию права общую посылку лингвистической философии, согласно которой употребление того или иного слова еще не гарантирует, что подразумеваемый объект полностью им отражается или вообще существует в реальной действительности. Таким образом, ставится под сомнение истинность понятий и категорий теории права, ибо они не могут быть проверены непосредственным чувственным опытом¹.

Слабость неопозитивизма заключается именно в абсолютизации логико-лингвистических методов в ущерб конкретно-содержательному анализу общественной практики, в том числе и практики применения. В XX в. в Европе и в США методы позитивной теории были основательно пересмотрены и обновлены в результате внедрения в правоведедение социологического подхода со всем разнообразием присущих ему методов. В связи с этим позитивизму было присвоено новое наименование социологического позитивизма. Есть все основания утверждать, что юридический и социологический позитивизм составляет противоречивое единство, поскольку обе разновидности позитивизма находятся вместе, хотя и на противоположном полюсе общей теории, как бы уравновешивая положения, взятые из области естественно-правовой и договорно-правовой теорий.

§ 3. Европейская школа социологии права

1. Огромную роль в развитии европейской социологической юриспруденции сыграл австрийский юрист О. Эрлих

¹ См.: Туманов В.А. Неопозитивизм в буржуазной теории права. // Советское государство и право. 1970. № 1.

(1862-1923). Его концепция права очень усложнена и противоречива, в силу чего подверглась критике и его современниками (20-е гг. XX в.), и представителями новейших направлений в социологии права и наши дни. Эрлих начинает с того, что критикует юриспруденцию за то, что она всю сложную социальную реальность рассматривает исключительно через призму судебной практики, что приводит к неточной и усеченной картине действительности, так как правовая область общественной жизни гораздо шире того, что попадает в поле зрения суда.

Далее Эрлих указывает, что исходные начала права, его развития и сущности следует искать в обществе, которое представляет собой совокупность различных объединений семей, общин, торговых объединений, кончая государством. Таким образом Эрлих подчеркивает социальную обусловленность права. Он, однако, высказал крайнюю точку зрения, рассматривая все общественные явления как правовые. Поэтому его концепция носит отпечаток «мании правового величия» — как удачно отметил его современник Отто фон Гирке.

Вместе с тем Эрлих проводит достаточно четкое разграничение между правовой областью, правопорядком и другими областями социальной жизни: моралью, религией и пр., — подчеркивая, кроме того, что государство основывает свою деятельность не только на правовых нормах. Но вопреки этому Эрлих неоправданно расширял понятие права. По его мнению, санкционированные государством правовые предписания являются только частью права и наряду с ними существует так называемое «живое право», т. е. все виды правил поведения, которые, по его мнению, ежеминутно создаются людьми в процессе их повседневного общения. Нельзя не согласиться с Эрлихом, когда он утверждает, что некоторые виды государственной организации существовали и до появления конституции, семьи — до семейного уклада, обладания — до появления собственности, и тогда существовало некое «социальное право», объектом которого всегда было «человеческое общежитие», но трудно согласиться с тем, что это было «право» в собственном смысле слова, т. е. такие правила поведения, которые в конечном счете санкционированы государством. Именно здесь слабое звено в концепции Эрлиха «О «живом праве» — он не проводит грани между теми правилами поведения, которые не нуждаются в государственно-принудительной санкции для их соблюдения и правилами поведения, для соблюдения которых необходима юридическая санкция.

2. Рассмотрим, как ставится эта проблема одним из интереснейших авторов этого периода, основателем антропологической школы в социологии, профессором Лондонского университета с 1927 г., поляком по происхождению, Б. Малиновским. Он провел серию исключительно интересных исследований жизни первобытных племен, населяющих Тробиандские острова в Северо-Западной Меланезии. Описывая их обычаи, организацию жизни их общества, сексуальной жизни, отмеченной многими необычайными для европейцев особенностями, Б. Малиновский пытается на базе собранного материала создать стройную концепцию права и других правил поведения.

Он описывает такой случай. У тробиандцев запрещено кровосмешение, т. е. установление интимных отношений между братьями, сестрами и двоюродными братьями и сестрами. Один 20-летний молодой человек нарушил это запрещение, но это не стало известно другим. Он, однако, поднимается на пальму и с криками раскаяния бросается с нее, чтобы искупить осознанный им грех.

Что заставило молодого человека это сделать, спрашивает Малиновский, только ли установленный обычай, или следует признать, что это некоторый вид неписаного права, чьи требования сильнее официального, писаного права, характерного для классового общества.

Другой пример. У тробиандцев существует такой обычай: о детях заботится не их отец, а брат матери, т. е. дядя. О его детях заботится соответственно брат его жены. В конце года дядя приносит в дом своей сестры половину дохода своей семьи. С одной стороны, тут стоит вопрос о престиже, о чести, «с другой спрашивает Малиновский не является ли это видом идеального права, которое всегда соблюдается, не будучи подкреплено санкцией?».

На основании проведенных исследований Малиновский создает свою теорию общества, дает социологическое определение понятия культуры, исследует социальные механизмы превращения обычая в правовое предписание.

Особое место в истории социологии права занимает Ж. Гурвич (1894-1965). Утверждая, что право представляет собой попытку реализации в данной социальной системе идеи справедливости, Гурвич наметил несколько групп проблем, которые, по его мнению, должны быть предметом социологии права, а именно: проблемы микросоциологии права, под которыми он понимает различные взаимоотношения людей, в которые они вступают по поводу данного юридического факта; социолого-правовые проблемы групп и классов: проблемы

типологизации правовых норм, призванных сохранять общественную жизнь в целом; проблемы генетической социологии права, ставящей вопросы о закономерностях и тенденциях в развитии права и факторов, обуславливающих его расцвет или упадок.

Ж. Гурвич находился под сильным влиянием психологически-правовой концепции Л. Петражицкого (1867-1931). В синтезированном виде его психологическая концепция выглядит следующим образом. Основными движущими силами действия личности и социальных групп в обществе являются психические переживания, они являются центром всей общественной деятельности. При этом одна часть этих психических переживаний — познания и чувства — принадлежат к «пассивным» состояниям познающего субъекта, для которых характерно, что познающий и чувствующий субъект ограничен испытываемым на себе.

Другими по своему характеру являются «активные переживания», волевые акты, направленные к воздействию на пассивный субъект переживаний.

Чаще существуют переживания с двойственным характером — эмоционально-волевые переживания или, как Петражицкий часто их называет, просто «эмоции». По его мнению, только эмоции являются причиной, определяющей наше поведение по отношению к внешнему миру.

Как основные Петражицкий характеризует этические переживания. Они лежат в основе моральных и правовых переживаний. Отсюда у Петражицкого и субъективно-идеалистическая концепция правовой нормы, которая по его мнению является этическим переживанием. В правовой норме, однако, переживания имеют двустороннее свойство или, как выражается Петражицкий, они «носят императивно-атрибутивный характер», т. е. единства между обязанностями и претензиями.

3. Бесспорные заслуги в формировании современной западной социологии права имеет французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858-1917). Наряду с В. Парето (1848-1923) и М. Вебером (1864-1920) он считается одним из основоположников современной социологии. Эти три представителя европейской социологии ставят задачу создать основы социологии как теоретико-эмпирической науки, но каждый из них разрешает эту задачу своим путем и на основе сравнительно разных взглядов на предметную область социологии вообще и социологии права в частности.

В историю социологии права Э. Дюркгейм вошел со своей концепцией так называемой «аномии» («аномия» озна-

чает отсутствие нормы, отсутствие права). По его концепции, предметом социологии права является изучение права в его социальном контексте, связи между правом и моралью, а также аномия как причина социальной патологии и часто преступности.

Под его влиянием находятся современные работы французских социологов, проведенные в сфере законодательства. Так, например, были реализованы исследования в области гражданского и семейного законодательства, осуществленные в 70-х гг. под руководством Ж. Карбонье

Интересные исследования, помогающие законодательству, проводятся в Дании, Бельгии, Швеции. Так, например, в последние десять лет под руководством Брит-Мари Блэгвад в Дании была проведена серия исследований в области трудового законодательства, приведших к ряду изменений в этой сфере. Хорошо организованы и проведены социологические исследования общественного мнения относительно уголовного законодательства в Бельгии (под руководством П. Винке), по поводу смертной казни в Швеции, о целях наказания вообще в Бельгии и Голландии (под руководством Жана ван Хутте) и др.

4. Не будет преувеличением сказать, что сегодня ведущую функцию в развитии европейской социологии права осуществляют французские и итальянские ученые.

Благодаря усилиям видного французского юриста профессора А. Арно был организован и эффективно работает в городе Онати Международный институт социологии права. Этот институт проводит ежегодно самые разные конференции и коллоквиумы, в которых принимают участие представители всех европейских стран. Кроме научной работы институт ведет подготовку студентов-специалистов социологии права. Институт имеет отличную библиотеку, содержащую более 6000 томов книг, а также Центр документации, собравший свыше 5000 документов, содержащих результаты многочисленных социально-правовых исследований, проведенных по многих странах мира.

Итальянский центр социологии права, расположенный в Милане, возглавляют такие видные ученые, как Р. Тревес и В. Феррари. Центр объединяет научные усилия более ста итальянских юристов-социологов. Уже более двадцати лет он выпускает ежеквартальный журнал «Социология права», в котором сотрудничают все виднейшие европейские ученые юристы и социологи: Р. Дарендорф, Л. Фридман, А. Арно и др.

§ 4. Американская школа социологии права

1. Для развития социологии права в США большое значение имеют, с одной стороны, теоретические разработки в этой области, с другой — постепенная разработка целостной специфической системы методов эмпирического социологического исследования.

Основателем и главным представителем американской социологии права считается Р. Паунд (1870-1964). Он поставил вопрос об исследовании права в «действии», в его социальном контексте, а не так, как «это выглядит в книгах и кодексах». Паунд придерживался мнения, что право необходимо рассматривать как средство социального контроля. Он рассматривает социальный контроль в духе социологической теории социального контроля. Кроме того, Паунд указывает, что задачей социологии права является выявление и анализ социальных результатов законодательства, а также общественных изменений, которые обуславливают изменения в законодательстве. Паунд подчеркивает необходимость соответствия правотворчества экономическими факторами в обществе. Он обращает внимание и на необходимость изучения деятельности юристов и особенно судей, от которых зависит реализация права.

Под влиянием Р. Паунда находились его приверженцы: О. Холмс, Л. Брендейс, Б. Кардозо (бывшие члены Верховного суда США). Предпосылки для создания новой школы были заложены в Европе Е. Эрлихом и Э. Россом, их концепцией «живого права». Кроме того, она впитала в себя идеи Р. Иеринга и А. Смолла об индивидуальных и социальных интересах, учение французских солидаристов, «социальную психологию» и основывающийся на ней «социальный порядок» Л. Уорда.

2. Большинство основоположников социологической юриспруденции по складу своего мышления были реформаторами, сторонниками преобразований в социально-правовой сфере. В их программу входило преодоление формализма в теории и борьба с консервативными взглядами на роль права в жизни общества. Не случайно именно в недрах социологического подхода зародились такие течения, как популизм, прогрессизм и «новый курс» времен Ф. Рузвельта. Становлению новых взглядов на инструментальную ценность права способствовало развитие и обособление социальных наук, а также использование новых технических средств в эмпирических исследованиях права и правовой действительности.

С практической стороны американская школа социологической юриспруденции ориентировала теорию права на то, чтобы рассматривать судебную деятельность как искусство¹.

Этот лейтмотив затем был подхвачен еще более экстремистским направлением в социологической юриспруденции — школой «правового реализма», представители которой считали искусством не только судебную деятельность, но и все правовое мышление, где господствует якобы не логика и рациональная система, а эмоции и интуиции.

Выдвинув постулат о том, что развитие и применение правовых установлений определяется не столько логикой и силлогическими суждениями, сколько интуицией и опытом лиц, применяющих право, Р. Паунд, О. Холмс и др. пришли к выводу о том, что судебная практика выступает не только в качестве критерия оценки действенности правовых норм; под ее влиянием изменяются и сами методы познания правовых явлений. Прагматики-инструменталисты отвергли дедуктивный метод, заменив его методом индуктивным, применение которого в судебной деятельности предполагало выяснение того конкретного результата, который должен наступить в связи с принятием соответствующего судебного решения. И лишь по этому эффекту, который произведет то или иное решение суда, можно судить и о ценности самой правовой нормы. Р. Паунд и его последователи оценивали право с позиций эмпирического опыта, интуиции и целесообразности, при этом субъективное усмотрение судей рассматривалось ими как решающий критерий правомерности того или иного поступка, его соответствия требованиям закона.

Вывод, к которому пришли прагматики-инструменталисты, имеет далеко идущие последствия в отношении концептуальных подходов к решению проблем законодательства и правосудия. Ратуя за расширение судейского усмотрения в процессе толкования применяемых норм, сторонники инструментального подхода признают за судебной властью и правом нормотворчества по собственной инициативе, так как в действительности то, что творит суд, и является правом, поскольку нормативный материал в их представлении далеко не исчерпывает права и правоприменительные органы призваны его дополнять, учитывая растущую сложность общественных отношений. Позднее это исходное положение целиком легло в основу концепций «судейского права».

Точка зрения О. Холмса, согласно которой практическая целесообразность играет определяющую роль в судебных

¹ Боботов С.В. Буржуазная социология права. М.: Юрлит., 1978. С. 20.

решениях, при последовательном развитии приводит к выводу, что конкретно лишь то право, которое заключено в судебных решениях, что правосознание судьи должно основываться не на точном и строгом соблюдении закона, а на выяснении того, насколько целесообразен данный закон и следует ли вообще его применять. По существу, такое решение вопроса означает, что мнение лиц, применяющих закон, ставится выше конституции.

Инструменталистский подход к правопониманию подготовил почву для возникновения реалистического направления в американской социологической юриспруденции, которое в Европе получило распространение в лице скандинавской нео-реалистической школы. То понятие о праве, которое внедрил Р. Паунд, хотел он этого или нет, широко раскрыло дверь для реалистических концепций, к экстремизму которых он сам отнесился недоброжелательно.

Реалисты приходят к тому же выводу, что и прагматисты. По их мнению, нужно изучать не позитивное содержание права, а его действие. При этом реальная ценность права будет зависеть от того, насколько прогрессирует сама юридическая техника и насколько развиты формы правоприменительной деятельности.

«Реалисты полностью отрицают «застывшее» объективное право традиционного позитивизма, придавая в правовом процессе решающее значение множеству эмпирических факторов, вследствие чего право понимается как явление неконтролируемое и не поддающееся предвидению.

Научно-практическое кредо реалистов можно свести к пяти основным постулатам: право находится в постоянном движении и создается судом; право есть не самоцель, а средство достижения социальных целей или функций. Отсюда возникает и потребность перепроверки его положений под углом зрения оптимизации затрат на достижение той или иной социальной цели; общество развивается значительно быстрее, чем правовая система. Вследствие этого периодически возникает потребность в адаптации права к процессу социальных изменений; в судебной работе должны существовать рамки дискреции или вольного обращения с правом, на том основании, что в праве временами возникает разрыв между «сущим» и «должным»; нельзя полностью доверять традиционным понятиям о праве и справедливости. Сами правовые нормы должны пониматься не в их абсолютном значении, а как обобщенные предсказания того, что делают или что должны делать судьи.

В реалистическом направлении постепенно выделилось два крыла: крайнее (Д. Фрэнк, Т. Арнольд, Х. Олифант)

и умеренное (К. Левеллин, Н. Гэрлэн, В. Кук, скандинавская школа реализма). При всем разнообразии «реалистических» концепций права в них сравнительно нетрудно обнаруживают три установки, общие для всех авторов.

Осуществляемая в той или иной форме подмена общих юридических категорий, включая нормативные предписания, фактическими ситуациями, которые являются объектом судебного или административного рассмотрения.

Такая установка доводится у некоторых реалистов до крайностей. В частности, Р. Тейлор прямо утверждает, что права не существует, пока официальное лицо не вынесет своего решения, до этого момента любое положение «права» — простая спекуляция.

Отличительной особенностью позиции реалистов является откровенно отрицательное отношение к стабильности права и нормативному началу вообще. Критика юридического позитивизма доведена здесь до того момента, когда вместе с исчезновением формального метода в правовом исследовании право начинает восприниматься лишь через многообразие его отдельных проявлений. Игнорирование взаимосвязи отдельного с общим ведет, в свою очередь, к взгляду на право как на хаос случайностей и лишает юриспруденцию в целом претензии на научный статус.

Безоговорочное признание тезиса о «рационализации» судебного или административного решения, согласно которому искусство юриста состоит в умении подыскать внушающие доверие аргументы в пользу решения, достигнутого как рациональным путем в результате интуиции судьи (другого официального лица), так и влияния других (не поддающихся логическому анализу) факторов. Чтобы облегчить эту задачу, предлагается ввести, например, в курс обучения будущих правоведов юридическую логику — набор «правильных», «разумных» аргументов, которыми в будущем может воспользоваться судья.

В целом введение психологических исследований в область правоведения для изучения взаимодействия права с другими общественными явлениями, всесторонний социально-политический анализ этой проблемы мог бы дать позитивный эффект. Однако в ряде случаев в основу объяснения правовых явлений кладутся не объективные факторы, а механическое применение положений социальной психологии (в частности, акцентирование внимания на чувствах и переживаниях судей, чиновников), сопровождающееся произвольным набором факторов и субъективизмом в их оценке и выводах.

Тем не менее именно «социологическая юриспруденция» как в США, так и в Европе, оказала позитивное влияние

на пересмотр консервативных традиций в теории и методах познания права. Ее представители продемонстрировали ограниченность правовых норм в качестве средств, определяющих судебные решения в сомнительных и спорных судебных делах. Они предложили средства для придания судебным решениям большей степени предсказуемости и ценностные методы нахождения и принятия судебных решений; дискредитировали правовой формализм; указали на необходимость исследования всей совокупности факторов судебного процесса, правовых и неправовых, а также социально-экономической основы судебных решений.

Контрольные вопросы и упражнения

1. Расскажите об основных различиях в развитии социологии права в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки. Чем можно их объяснить?
2. Как бы Вы охарактеризовали такие течения в западном правоведении, как рационализм и иррационализм? Какое из них Вам кажется более плодотворным?
3. Что такое юридический позитивизм? Сочетается ли он с исследованиями по социологии права? Чем эти направления дополняют и корректируют друг друга?
4. Назовите известных Вам западно-европейских и американских социологов права. Какие работы их Вы знаете?
5. Существует ли польза в изучении зарубежной социологии права? Если да, то в чем конкретно она состоит?

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава I	
Предмет социологии права как науки	
§ 1. Что изучает социология права.....	7
§ 2. Очерк истории отечественной социологии права.....	16
§ 3. Теория права, философия права, социология права — единство или тождество?.....	27
§ 4. Социология права и другие правовые дисциплины.....	31
Контрольные вопросы и упражнения.....	36
Глава II	
Социальная обусловленность права	
§ 1. Содержание правотворческого процесса.....	37
§ 2. Законодательная социология.....	46
§ 3. Закон и общественное мнение.....	57
Контрольные вопросы и упражнения.....	63
Глава III	
Социальное действие права	
§ 1. Социальные функции права.....	64
§ 2. Механизм социального действия права.....	73
§ 3. Факторы реализации права.....	84
§ 4. О механизме убеждения и принуждения.....	92
Контрольные вопросы и упражнения.....	100
Глава IV	
Правовая социализация личности	
§ 1. Понятие правовой социализации.....	102
§ 2. Диалектика субъективного и объективного в процессе правовой социализации.....	110
§ 3. Правовая культура как фактор социализации.....	119
§ 4. Социологические аспекты принципа «знание права».....	125
§ 5. Психологический механизм социализации.....	136
§ 6. Социологическая система социального контроля.....	142
§ 7. Догмы и стереотипы.....	146
§ 8. Деструктивные факторы.....	152
Контрольные вопросы и упражнения.....	160

Глава V

Правовое поведение личности	
§ 1. Общая характеристика правового поведения.....	161
§ 2. Правовое поведение гражданина.....	166
§ 3. Социальная природа правонарушения.....	171
§ 4. Особенности личности правонарушителя.....	180
§ 5. Социологические аспекты проблемы ответственности.....	187
Контрольные вопросы и упражнения.....	191

Глава VI

Социология юридической организации	
§ 1. Особенности юридической организации.....	193
§ 2. Социология судебной деятельности.....	205
§ 3. Юридические кадры.....	208
Контрольные вопросы и упражнения.....	210

Глава VII

Правовая конфликтология	
§ 1. Понятие юридического конфликта.....	212
§ 2. Динамика и типология юридического конфликта.....	217
§ 3. Криминальный конфликт.....	223
§ 4. Завершение конфликта.....	235
Контрольные вопросы и упражнения.....	245

Глава VIII

Методика конкретных социологических исследований.....	247
§ 1. Систематизация фактов и анализ зависимостей.....	247
§ 2. О выборе методов изучения проблемы.....	259
§ 3. Экспериментальная проверка гипотез в социологии права.....	265
Контрольные вопросы и упражнения.....	273

Глава IX

Основные черты зарубежной социологии права	
§ 1. Социальная концепция права: методологический аспект.....	275
§ 2. О методологии юридического позитивизма.....	283
§ 3. Европейская школа социологии права.....	286
§ 4. Американская школа социологии права.....	291
Контрольные вопросы и упражнения.....	295